Свеча

1 (7) 2020

Литературно-художественный
и историко-публицистический альманах

Редакционный совет:

Курганский К.С. Заместитель начальника департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области, начальник управления культуры области.

Кобзарь В.П. Председатель Белгородской региональной общественной организации «Союз писателей России».

Дымов С.Ф. Председатель Белгородского регионального отделения Всероссийской творческой организации «Союз художников России».

Климова И.А. Директор Белгородского государственного литературного музея.

Рожкова Н.П. Директор Белгородской государственной универсальной научной библиотеки.

Главный редактор:

Кобзарь В.П.

Редакционная коллегия:

С. Бережной

Н. Дроздова

А. Тарасов

О. Тарасов

Корректор
Васильева Н.

Вёрстка и дизайн:
Смотрова Т.

12+

Подписано в печать 25.06.20 г. Формат 70x10/16.
Усл. печ. л. 13.5 Тираж 300 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная

Отпечатано: ООО «Структура печати»
305000, г. Курск, Красная пл., 6. Тел.: (4712) 999-369
e-mail: girom@yandex.ru

ISBN 978-5-6044400-6-3

© Белгородское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2020
© ООО «Структура печати», 2020

Содержание

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Савин Павел 4
Кривцов Алексей 7
Черкесов Валерий 9

ПОЭЗИЯ

Анохин Сергей 14
Бондаренко Жанна 21
Дроздова Наталья 25
Дьяченко Михаил 34
Кобзарь Вера 43
Огурцова Татьяна 51
Папанов Анатолий 54
Постолов Сергей 60
Ташков Сергей 72

ПРОЗА

Бережной Сергей 18
Ершов Виктор 23
Колесник Вячеслав 29
Макаров Юрий 36
Мальков Виталий 45
Пронина Светлана 57
Тарасов Александр 63
Тарасов Олег 68

ПАМЯТЬ

Буханцова Наталья 75
Лиманский Василий 82
Савейкова Наталья 85
Чернухин Игорь 100
Чумакина Людмила 103

НАШИ ГОСТИ

Беридзе Юрий 109
Жуков Дмитрий 112
Дегтярёва-Есина Татьяна 110
Макаров Фёдор 125
Седов Владимир 133
Эрастов Евгений 139
Ломтев Александр 147
Липатов Денис 155
Хоба Юрий 160

СОЮЗ БЕЛГОРОДСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Астахова Анжелика 119
Шведова Ирина 131
Ерёменко-Костырченко Людмила 137
Королькова Надежда 151
Чурсин Владимир 163
Шехватова Марина 167

СТРАНИЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Шкута Юрий 176
Меженина Лариса 178

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Осыков Александр, Осыков Борис 182
Калуцкий Владимир 192

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

Алёхин Геннадий 194
Мальцев Пётр 208

ФАНТАСТИКА

Хабибулин Юрий 219

СТРАНИЦА ТВОРЧЕСКИХ СОЮЗОВ

Арушаньян Нина 231
Фирсова Раиса 237

От редактора

В прошлом году альманах «Светочъ» отметил свой небольшой юбилей – 20-летие выхода первого номера. За это время он пережил не только триумфы, но и годы забвения. Причины тому разные, но надеемся, что теперь встречи с ним станут регулярными.

Неизменными остаются традиции альманаха, его цели и задачи – духовность, нравственность, красота русского слова, сохранение национальной культуры.

На страницах «Светоча» читатель встретится не только с произведениями белгородских писателей. Он открыт и для других творческих союзов, создавая тем самым единое культурное пространство.

Не изменяя концепции альманаха, мы обратились к классической форме его построения, полагая, что она более приемлема для читателя.

Мы сохраняем память о тех, кого больше нет с нами. На этот раз очерки и эссе посвящены Василию Лиманскому, Юрию Литвинову, Геннадию Островскому, Игорю Чернухину.

Появилась новая рубрика – «Наши гости». Это позволит не только белгородцам познакомиться с творчеством писателей из других областей России, но и получить возможность самим быть представленными в других регионах страны. В этом номере мы знакомим читателей с прозой писателей Новгорода – Александра Ломтева, Дениса Липатова, Евгения Эрастова; Курска – Дмитрия Жукова; Донбасса – Юрия Хобы; Ростова-на-Дону – Фёдора Макарова; Ставрополья – Татьяны Дегтярёвой; Москвы – Натальи Савейковой, Людмилы Чумакиной и поэзией Юрия Беридзе.

«Светочъ» откроет новые имена, осветит путь в большую литературу начинающим авторам. С ними читатель встретится в новой рубрике «Союз белгородских литераторов».

Литература должна входить в нашу жизнь с детских лет, с чтения сказок, поэтому у нас появилась страничка для детей, написанная Юрием Шкутой и Ларисой Межениной.

Каким стал «Светочъ» – своё слово скажет читатель. Мы же пожелаем нашему альманаху доброго и долгого пути, талантливых, интересных и самобытных авторов, преданных и любознательных читателей!

Вера Кобзарь

К юбилею Великой Победы

ПАВЕЛ САВИН

Член Союза писателей России. Почётный гражданин Яковлевского района. Автор более десяти поэтических сборников. Печатался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Подъём», «Светоч» и других. Живёт в Строителе Белгородской области.

Военное детство

Припомнилось утро из детства:
Под сорок крещенский мороз,
И вьюга голодную песню,
Видать, затянула всерьёз.

И мы, босоногие, плачем,
И матери горько до слёз,
Что нас этот холод собачий
Уже проморозил насквозь.

А в домике – хлеба ни крохи,
И в горе печалится мать,
Что кончились в зиму картохи
И нечего будет сажать,

Что вряд ли дотянем до лета,
До первой травы, наконец...
И смотрит смущённо с портрета
Погибший недавно отец.

Детям войны

Давно отгремели раскаты
Неслыханной в мире войны,
Не все возвратились солдаты –
Великой России сыны.

Ещё кровоточит планета
Могилами павших бойцов.
Но живы пока ещё дети,
Что так и не знали отцов!

Они-то и встанут достойно
В единый незыблемый строй
Солдатами атомной бойни –
Последней войны мировой.

А солнце пока ещё светит
И жизнь торжествует вокруг…
И снова бросает планете
Россия спасательный круг!

Родина

Тихая, скромная, робкая,
Кутаясь в синюю шаль,
Льнёт ко мне малая родина –
Радость моя и печаль.

Весело носятся ласточки,
В речке шумит ребятня,
Щурятся бабки на лавочках,
Силясь припомнить меня.

– Родина, родина, родина!
Сердце, как колокол, бьёт...
Спрятавшись за огородами,
Детство притихло моё.

Волю почуявшим голубем
Память запросится ввысь...
Тихо на белую голову
Жёлтый опустится лист...

Воспоминание

С утра у нас в квартире гости –
Гуляют, плачут и поют:
За инвалида дядю Костю
Сегодня маму отдают.

И над таким соединеньем
Осиротевших двух сердец
Смеётся с карточки военной
Погибший в Волхове отец.

И с дядей Костей восседает
Среди сватов и кумовьёв
Такая мама молодая,
Какой не знали мы её.

А нас её поступок бесит,
И бесит выпивший народ,
И столько бед ещё отвесит
46-й бесхлебный год!

Звенят стаканы и медали,
И песня болью полилась...
А мы с сестрёнками не знали,
Что это мать спасала нас...

АЛЕКСЕЙ КРИВЦОВ

(1925 – 2003)

Член Союза писателей России. В конце февраля 1943 года был призван в Красную Армию. Рядовым пехотинцем прошёл путь от Ленинграда до Берлина. Был дважды ранен: в Литве 28 октября 1944 года и 24 апреля 1945 года под Берлином. Более суток пролежал на поле боя: санитары не подбирали его, посчитав убитым. В мае 1945 года мать получила похоронку на сына. Но А.З. Кривцов выжил, хотя из-за тяжёлого ранения потерял ногу. Печатался в журналах «Подъём» (Воронеж), «Наш современник» (Москва), «Звонница» (Белгород), в сборниках «Слово бойца» (Воронеж, 1885), «Рукопожатие» (Воронеж, 1987), «Третье поле» (Белгород, 1998).

В победный май

В победный первый день – с утра
Над вольными полями
Бросала кепки детвора,
Шумела даль грачами.
Искрились капли на ветвях
Немолодой берёзы,
Они сбегали второпях,
Как радостные слёзы.
А в письмах – всё ещё война.
Солдаты жили ею...
И мчалась скорбная весна
По траурным аллеям.

Расставание

Испекла на дорогу лепёшки,
Чтоб со мною проститься потом –
Проводить на войну под бомбёжкой
И оставить разрушенный дом.
И, наверно, меня пожалела:
Не заплакала горестно вслух.
Только сильно лицо побелело,
Только взор затуманился вдруг.
Как прощально смотрела берёзка
На покинутый отчий порог,
Как мучителен был перекрёсток
Полевых горемычных дорог…
И душа переполнилась болью,
Но за сына горда ты была.
И погладила тёплой ладонью
По кудрям. И надеждой жила.

Письма с фронта

На первом случайном листочке –
Тетрадном иль книжном – любом
Писал карандашиком строчки
Я сердцем скорей, чем умом.
Нередко, бывало, с оглядкой
На близко летящий снаряд...
И было, конечно, несладко,
Когда рядом бомбы свистят.
А маме ни слова об этом.
Но, духом живя фронтовым,
Я слал фронтовые приветы
Знакомым и близким своим.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

Член Союза писателей России. Автор многих поэтических и прозаических книг, в том числе «Вечные родники , «Небо и поле», «Заповедь», «Проталинки», «Сказки бывают разные», «Белогорье – моё вдохновенье», «Твоё слово о подвиге» и других. Лауреат Всероссийской литературно-художественной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», лауреат премии «Прохоровское поле», награждён медалью «За заслуги перед Землёй Белгородской» II степени. Живёт в Белгороде.

«Я остался маленьким где-то на войне…»

У нашего народа великая поэзия о Великой Отечественной войне. Героизм, трагедия, самоотверженность, боль и горе переплавились в стихотворные строки и стали классикой отечественной литературы. Как большая река вбирает в себя множество других рек, речушек, родников, ручейков, так и великая поэзия складывается из стихов известных и малоизвестных поэтов.

В трёх первых номерах журнала «Подъём» за 2007 год были напечатаны стихи Михаила Сопина – подобной публикации, чтобы в нескольких выпусках подряд, я до этого не читал. Готовил подборку тогдашний заведующий отделом поэзии журнала Станислав Никулин. Он был беспристрастным, честным редактором, отбирал стихи только по талантливости автора, а не по тому, насколько тот известен, наделён регалиями, отмечен наградами. Поэтому публикация меня и привлекла. А ещё то, что Михаил Сопин был моим земляком – родился в 1931 году в селе Ломном Грайворонского района. В стихах приводились названия знакомых населённых пунктов – Орёл, Красная Яруга, Готня, Головчино и другие, а ещё рек – Ворскла, Донец, Дон.

Стал читать подборку и сразу обожгло:

Мне шёл одиннадцатый год.
И не моя вина,
Что не дошёл он –
Что его оборвала война.

***

За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далёкой осенью
Пехота
С землёй
Смешалась на бегу
И стала тихой и свободной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли
С преградой водной
У деревеньки Тополя…

***

Для кого и зачем
Из сегодня,
Спотыкаясь
О памяти явь,
Я бегу
Под горящую Готню
По разбитым
Осенним полям?

***

Как будто
Я убит не до конца.
И где-то,
Между вечностью и болью,
Плывут в глаза мне
Воды из Донца,
И сердце давит
Прохоровки поле.

Ничего подобного о войне я раньше не читал. Поэт глазами мальчишки военного поколения как бы вглядывается в будущее и, наоборот, умом много пережившего человека осмысливает далёкое прошедшее. И это не поэтический приём, а необходимость такого восприятия жизни, которым поэт и отличается от других. Всё, о чём пишет, не придумано, а было на самом деле.

Строки из воспоминаний Сопина: «Мы не успели эвакуироваться, помню, собирались ехать в каком-то эшелоне, а в тылу нашем уже были немцы. Бежали из-под Харькова в Ломное к бабушке. До сих пор не верю, что выжил… Немцы нас нагнали. Разорванные, раздавленные дети, их утюжили танками. Меня ранило осколком в череп, спас какой-то военный – замотал голову тряпкой. И всё это под бомбёжкой…».

А вот что было в Ломном: «У нас во дворе частями Красной Армии были прорыты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали перед избой, а дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемёт, но никак не

могли его заправить. Бабушка выскочила с поленом: ”Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малые!” Велела тащить пулемёт на угол двора и там сама заправила пулемётную ленту.

Водить через фронт военных – это было естественное внутреннее состояние, как дыхание, потому что это была армия, которая – я. Где шли бои, какого масштаба – знала бабушка, деревенская маршалюга. Она и втянула меня: посылала переводить через линию фронта окруженцев. Мы, ребятишки, хорошо знали окрестности, кустики, овражки, буераки. Выводил два раза».

Когда начались освободительные бои в Грайворонском районе, Миша вместе с бабушкой и другими сельчанами помогал нашим раненым бойцам. Погиб младший братишка Толик, а Михаил переболел тифом. Выздоровев, ушёл из дома, скитался по военным дорогам, «периодически находился в действующих частях, принимал участие в боях армии генерала Москаленко». Война закончилась для четырнадцатилетнего подростка в танковых частях в Потсдаме.

В одном из интервью Михаил Сопин признавался: «Моя армия – это армия 1941 года – начала 42-го. Я среди отступавших – таков характер». Он поэтически исповедует горькую правду о начале войны, о поражениях, о жестокости оккупации, а об успешных сражениях и радостях побед почти не пишет. Да, о победах и героизме рассказывать легче и проще, чем о поражениях и отчаянии, но Михаил Сопин берёт на себя смелость и ответственность говорить именно об этом:

Отболели
И зажили раны.
И не пахнет
Нагаром в стволе.
Но дымится
Земля под ногами –
Десять лет,
Двадцать лет,
Сорок лет.

Поэт называл свою память пылающей, а я бы добавил – и беспощадной, ибо она, не щадя автора, поднимает из своих глубин такие страшные эпизоды, рисует такие жуткие картины, которые, казалось бы, не могут быть поэзией.

Полвека снятся сны о битвах
Степных, метельных, дождевых…
Что я живой
Среди убитых
И неживой –
Среди живых.

***

Был в солдатских валенках
Ростом не по мне…
Я остался маленьким
Где-то на войне.

В его лучших стихах «зазор» между жизнью и словом минимален, и это истинная поэзия, ибо стирается литературность, но остаётся главное – правда. Она в поэзии, как, впрочем, и в прозе, ценится очень высоко.

Литературная судьба и житейская были для Михаила Сопина далеко не безоблачными. После войны он, ещё подросток, был дважды судим, причём по уголовным статьям. Первый раз за хранение оружия, второй – «за коллективную кражу велосипеда». Отбыл пятнадцать лет в лагерях под Пермью, где и начал всерьёз писать стихи, исповедуясь, выписывая свою судьбу. Освободившись, остался в этом уральском городе, стал печататься. Потом по совету критика Вадима Кожинова переехал в Вологду. В начале творческого пути его поддержал Виктор Астафьев, при жизни вышло несколько сборников стихотворений, были публикации в журналах, в том числе в «Нашем современнике», его приняли в Союз писателей СССР. Но должной известности творчество Сопина не получило – великая страна уже разваливалась, а поэзия и поэты становились никому не нужны.

После смерти Михаила в 2004 году стараниями его вдовы Татьяны Петровны, друзей, почитателей его творчества вышло несколько книг, в том числе и за рубежом, стихи Михаила Сопина широко представлены на просторах Интернета, получили многочисленные добрые отклики. В издательстве «Красная звезда» увидел свет коллективный сборник «Шрамы на сердце», в него вошли стихи военных поэтов из восьми стран. В подобной антологии Михаил Сопин представлен впервые, что можно считать признанием в родном Отечестве. А в 2019 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Русская культура» вышла его книга «Сто стихотворений» – на сегодняшний день, пожалуй, самая наиболее профессионально составленная и изданная.

Перечитывая наиболее полное собрание стихотворений и поэм Михаила Сопина «Спелый дождь» (Вологда, 2011) с обстоятельными комментариями вдовы, по сути его жизненную и литературную биографию, понимаешь, что всю свою жизнь поэт рассматривал как бы через призму войны. Вот стихотворение, написанное в начале 90-х годов, посвящённое Вадиму Кожинову.

Бой глуше. Дальше. Стороной.
Я обречён державной кликой
Беззвучно плакать
Над страной
В период гласности великой.
Чем больше павших и калечных,
Тем громче слава о войне,
И страшно то,
Что страх во мне
Истлел.
Испеплился
Навечно.
К тому и шли, мечту веков
Осуществив впервые в мире!
Дым разнесло, в державном тире –
Ни белых, ни большевиков.

Кто устремился к грабежу,
Кто – к ностальгии о тиране.
Прижав ладонь к тяжёлой ране,
Один на бруствере лежу.
Мне, отшагавшему в строю,
Сценарий ясен:
Враг дал дёру.
Приспело время мародёру –
По душу смертную мою.

Резкие, трагические, печальные, но честные строки, как в целом творческое наследие Михаила Сопина. Оно ещё далеко не всё пришло к читателю, не изучено литературоведами, не оценено критиками, хотя, право, этого заслуживает.

Творчество – не спорт, в литературе нет первых, вторых, третьих и прочих мест. Есть только одна мера – мера таланта. Поэт или не поэт, смог ли он сказать своё, о своём и по-своему. Читатели сами разберутся и сделают выводы.

***

После войны Михаил Николаевич ни разу не приезжал в родные места. Его вдова говорила, что очень хотел, но… Видимо, опасался не выдержать жестоких воспоминаний, не желал наяву, а не в стихах возвращаться в сорок первый трагический год. А Татьяна Петровна приезжала на Белгородчину, последний раз в год 75-летия сражения на Курской дуге. Вместе с сыном Петром (музыкант, живёт в Санкт-Петербурге) они побывали и в селе Ломном, где чудом сохранился дом, в котором во время войны жил маленький Миша.

Книги Михаила Сопина есть в Белгородском литературном музее, библиотеках Белгорода и Грайворона, их читает сегодняшнее поколение белгородцев. Так, ученица Белгородского инженерного юношеского лицея, сейчас учитель информатики, магистрант БелГУ Алина Беляева написала реферат «Родословная слёз Михаила Сопина», с которым выступила в Санкт-Петербурге на Лихачёвских чтениях.

Вот её слова: «Память оставила в душе поэта глубокие борозды, а жизнь перепахала, перекрутила и вывернула её наизнанку. Но изнанка оказалась способной воспринять живое семя, брошенное в чёрную родную землю, которое проросло крепким стеблем. И не сломали его ни ветры военного лихолетья, ни вихри лагерных этапов, ни обидное непризнание… Путь к алтарю не что иное, как путь к истине. И этот путь Михаил Сопин прошёл с достоинством».

СЕРГЕЙ АНОХИН

Член Союза писателей России. Автор сборников стихотворений «Познание – песня печали» (1996), «Беретик лиловый» (2001), «Сквозь миры и века» (2004), «Стихи» (2006), «Птица вечерняя» (2018). Лауреат международного литературного конкурса «Балтийский гамаюн» и других. Живёт в Шебекино Белгородской области.

Апрель

Вот и дожили до солнышка тёплого,
травка проснулась везде,
утица звонкими крыльями хлопает
по серебристой воде.

Дружно уплыли ручьями кораблики,
снова в дворах детвора,
только в лощине сугробина храбрая
плакать не хочет с утра.

Но понемногу под листьями палыми
тропы торят муравьи,
скоро ли – звонкую! – сердцу усталому
песню споют соловьи?

Томленье

Сквозь прозрачное тело заката
в небо тянутся щупальца ночи
и смыкаются в туче лохматой,
коростель песню ржавую точит.

Над землёй, потерявшей границы,
ветер запахи вертит и звуки,
и берёзке порывистой снится,
как заждались тебя мои руки.

Слой тумана узорной косынкой
от речного плывёт переката,
поспеши ко мне тайной тропинкой
сквозь прозрачное тело заката.

***

В полночь,
при луне
полной,
вторят
тишине
волны.

Звёзды
серебрят
воду,
лёгок
сентября
воздух.

Верно
обещал
ветер –
встречу
невзначай
вечность:

Песне
зреть во мне
вольно
в полночь
при луне
полной!

Июль

Старый клён в тепло влюблён,
солнышко приветствует листвою,
спит плетень, уткнувшись в тень
жёлтою кувшинной головою.

Пухлый кот прогрел живот
и следит с ленцой за воробьями,
льёт тепло на всё село
летний полдень щедрыми горстями.

В светлом доме

В светлом доме за тюлем узорным
молодая жила радиола
и в закат выливала просторный
голубые Дунайские волны.

А за первой звездой до рассвета
за околицей звуки гармони
нам сулили бескрайнее лето
и тревожили милой ладони.

И в ладошках несмелых девчонки
стайкой жили мои поцелуи;
о, как гибок был стан её тонкий
под надёжною кроною туи.

Много лет пролетело стрелою,
и душа потянулась к истокам...
Я увидел село нежилое
вдоль дороги, что так одинока.

В старом доме под кучею хлама
уцелела, как чудо, пластинка,
а девчонка уже чья-то мама
и, наверно, уже не Иринка...

Ничего на планете не вечно,
не найти уж родного порога,
и знакомого точно не встречу
в мире, где умирает дорога...

Но есть мир, моей памятью полный,
в нём бессмертны Дунайские волны,
есть мой век, что судьбою подарен,
и ему я за всё благодарен.

Ветер, луна, снег

Вечер взбодрил
снег,
рассеребрил
темь,
бледной луны
бег
пенит ветвей
тень.

Дальних огней
свет
сердцу донёс
вдруг:
долго тебя
нет,
юности мой
друг.

Верю, что ты
там,
где-то вдали,
жив;
слушать бы вновь
нам
шёпот родных
ив.

Хутор, за ним
став,
тихий ручья
звон,
кто-то живёт
там,
или тот мир –
сон?

…Ветер, луна, снег,
Время сильней всех.

Проза

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

Секретарь Союза писателей России. Прозаик, публицист, автор книг «Сафари по уикендам», «Мелодия для АКМ», «Тихая работа вежливых людей», «Ряженые» и других. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в Белгороде.

ПОРТОФИНО

Некогда крошечная рыбацкая деревушка с романтичным именем Портофино – порт дельфинов – давно превратилась в чудный городок, пристанище покоя и неги. Подковой зажатое в бухте с трёх сторон густо поросшими сосной и можжевельником горами море умиротворённо дышало лёгким бризом и только издалека, из-за мыса доносился шум бесновавшегося прибоя. Обрывистые скалы резали волну, и она, пенясь и неистовствуя, пыталась взобраться по скользкому базальту, чтобы выплеснуться на извивающуюся по склону дорогу, но, обессилив, отступала. Следующая вновь бросалась на приступ, и всё повторялось сначала.

Погруженный в дремоту берег был пронизан духом античности и средневековья, словно сама история остановила здесь бег времени, задумавшись о бренности бытия.

Разбежавшиеся от бухты разноцветные дома с непременной лепниной, балкончиками и башенками, казавшиеся издали разноцветной мозаичной смальтой, небрежно рассыпанной по склонам обступивших залив гор, карабкались вверх, цепляясь за скальные террасы.

Мы не случайно оставили Портофино вишенкой на нашем итальянском торте – последние дни в Лигурии должны напитать память этой красотой. Не роскошью дворцов и замков, а именно красотой гармонии невысокой горной гряды, справа и слева подковой охватывающей бухту скальными утёсами, и морем.

С утра из-за скал то и дело выплывали на рейд клочья серых облаков с белым залихватским чубом, но в бухту не заходили и, поразмыслив,

уходили в Лигурийское море, непривычно насупившееся и ворчливое. То ли виной была усталость от трёхнедельного лазания по горам, когда даже изрядно отощавший рюкзак стал неподъёмным, то ли капризная переменчивость погоды, сказавшаяся на настроении, но я остался в номере изображать вдохновение, достав блокнот и ручку, оказавшись вне события, случившегося в то утро.

Даже в эти последние сентябрьские дни море ещё было приветливо и бодрило свежестью, но Тата и Света в сопровождении Сани Заниса не отправились привычно на пляж, а поднялись на крышу нашего отеля.

Занисы занялись кроссвордом, а Тата принялась за этюд. Карандаш скользил по бумаге, и всё отчётливее проявлялись врезавшийся в море утёс, карабкающиеся по его склону пины, замок с замшелыми стенами. Оставив прорисовку деталей на потом, Тата отложила альбом и стала рассматривать отдыхающих. Интересно понаблюдать за незнакомыми тебе людьми, постараться угадать, откуда они, и представить, чем живут. Бестолковое, но крайне интересное занятие.

Их было немного: несколько пожилых пар, по виду англичане или скандинавы, раздвинув лежаки, нежились в лучах сентябрьского солнца, двое парней и девушка, смеясь и отчаянно жестикулируя, плескались в джакузи. Обычно и неинтересно. Она повернулась к расположившейся у входа в плетёных креслах небольшой компании, о чём-то оживлённо беседующей. Взгляд, скользнув по ним, вдруг споткнулся о наполовину заслонённую тучным собеседником женщину. Она была просто божественна своей красотой, и на неё невозможно было не обратить внимание. И чем старательнее хотелось отвести взгляд, тем невозможнее это было сделать. Она была красива, красива до совершенства.

Абсолютно правильные черты смуглого лица с бронзовым оттенком загара и чёрное длинное платье выдавали в ней жительницу средиземноморья, скорее всего итальянку. Тёмно-каштановые волосы были аккуратно забраны на затылке, и недоставало лишь диадемы. Длинную тонкую шею, которую принято называть лебединой, обвивало такое же тонкое изящное колье с кулоном.

Вот она грациозно поправила соскользнувшую с плеча накидку, обнажая руку с браслетом на запястье. Браслет тоже был тонок и изящен, как была тонка и изящна её рука. Она завораживала своим совершенством, всем своим существом приковывая взгляд. Он фокусировался только на ней, уже немолодой, но безумно грациозной и аристократически элегантной, оставляя всё вокруг размытым и нечётким.

В её лице жила одухотворённость и была какая-то природная притягательность. В посадке головы, в манере держаться, в неторопливости речи и даже в разлёте бровей чувствовалась принадлежность к избранным. Да, Господь потрудился над её созданием с особым старанием и любовью, столько вложив в неё изящества, грации, гармонии, что хватило бы на десяток красавиц.

Мужчины что-то наперебой рассказывали, смеялись, жестикулировали, неизменно обращаясь именно к ней, а она с интересом слушала их, и уголки её губ трогала улыбка. Но как только она начинала говорить, мужчины мгновенно обращались в слух, внимая каждому её слову и принимая её превосходство. Это не было показным подчинением, нет, но так ведут себя подданные по отношению к своей королеве. Это было призна-

ние, что на недосягаемом для простых смертных пьедестале находится она, и только она.

Она обводила их лица взглядом больших тёмных глаз, и опять на лице её блуждала мягкая, добрая и мудрая улыбка.

Тата толкнула Светлану:

– Обрати внимание вот на ту женщину.

Светлана оторвалась от журнала, нехотя подняла взгляд и замерла.

– Представляешь, какая она была в юности и какая у неё жизнь?! Внимание, любовь, успех! У ног покорённые и покорные мужчины, а жизнь интересна, легка и безмятежна. Она просто купается во всеобщем обожании.

До этого безучастный Саня нехотя отложил сигарету и тоже взглянул на предмет общего внимания.

Несколько мгновений они до невежливости пристально рассматривали их, потом нехотя отвели взгляды. И Тата, и Света, и даже Занис почему-то решили, что жизнь этой женщины наверняка была связана с балетом, музыкой или театром, определившим её безупречный облик, вдохнувшим в неё очарование...

Через несколько минут мужчины встали и галантно расступились, давая возможность ей пройти первой... Вперёд прошла маленькая горбунья.

Та, что несколько мгновений назад была на пьедестале, вдруг сошла с него, превратившись в миг из идеала грациозности и красоты, из совершенства в физически ущербную женщину.

Быть может, она была счастлива и даже наверняка. Быть может, была состоятельна, умна и обворожительна. И всё же....

Потрясение, обида, разочарование. Возникло вдруг острое и болезненное ощущение несбывшейся мечты, несправедливости, будто бы твоё творение, хрустальное и чистое, хрупкое и безумно красивое вдруг, невзначай, случайно, но так неожиданно для тебя разбили вдребезги.

Внизу лежал крохотный, почти игрушечный городок с почти игрушечными разноцветными домами, но уже не казавшийся, как прежде, прекрасным.

Волна всё также ворчливо набегала на берег, но уже не поражала своей кристальной чистотой.

Поросшие лесом склоны гор уже не казались волшебным смешением изумрудно-зелёного с лазурью, цвета потускнели и стали привычными.

– Жизнь она такая, какая есть, и ничего с этим не поделаешь, – философски занудил Занис, закуривая очередную сигарету. – Капричос. Причуда. Или расплата за пороки. Красота всегда отвратительна.

ЖАННА БОНДАРЕНКО

Член Союза писателей России. Поэт, автор семи книг – «Сжигаю боль свою в стихах...», «На краю уходящего лета», «Спасибо за то, что ты есть», «Цветы души моей» и других. Лауреат областной творческой премии «Молодость Белгородчины» (2002). Живёт в Грайвороне Белгородской области.

***

Отпусти меня, горькая память,
Мёртвой хваткой за власть не держись…
Мне не плакать бы – песнями славить
Свою трудную, светлую жизнь.
Я устала от долгого плена –
Сны и строки тебе посвящать.
Из твоей неуютной Вселенной
Мне пора без оглядки бежать.
Не взимай с редких празднеств оброки –
Что всё кончится, знаю сама.
Эта правда в порыве жестоком
Убивает и сводит с ума…
Отпусти меня, горькая память,
Щедрым светом любви озарись.
Мне не плакать бы – песнями славить
Свою трудную, светлую жизнь.

***

Умывалось солнце в полноводной речке,
И берёзам косы ветер заплетал.
Ты тогда приехал, подарил колечко,
Дольний мир и звёзды мне пообещал.
Как сливалось небо с голубым топазом!
Но лучи заката поглощала тень…
Мне хотелось счастья – очень много, сразу.
Все мечты разбились, канул в бездну день.
Ты уехал снова – не простился толком,
Но в душе остался наболевший след.
И твоё колечко я носила долго,
Хотя смысла в этом никакого нет.
И пришла я как-то к обмелевшей речке –
Ветер помахал мне ветками берёз.
Я воде холодной отдала колечко,
Чтоб не лить ночами понапрасну слёз…

***

Убереги меня, Господь,
От новых бурь и испытаний,
От горьких разочарований
Убереги меня, Господь!
Убереги меня, Господь,
От неожиданных напастей,
Что рушат вмиг земное счастье –
Убереги меня, Господь…
Убереги меня, Господь,
От ощущения сиротства,
От обстоятельств превосходства –
Убереги меня, Господь…
Убереги меня, Господь,
Надежду дай, лиши сомнений,
Веди дорогою прозрений –
Убереги меня, Господь….
Убереги меня, Господь,
Укрой защитою незримой
Моих друзей, моих любимых.
Убереги их всех, Господь!

Проза

ВИКТОР ЕРШОВ

Член Союза писателей России. Публиковался в литературных журналах, периодической печати. Живёт в Белгородской области.

Неравные похороны

Похоронной процессии как таковой не было, если не считать двух молодых парней с лопатами и верёвкой на плече. Небольшой гробик и горем прибитый сухонький старичок.

Могильщики ловко выхватили из старенькой полуразбитой «газели» гроб и, вскинув его на плечи, твёрдым шагом направились в сторону свежевырытой могилы. Старичок, шаркая ногами, тащился следом.

После отпевания и прощания в церкви гроб заколачивают, и у могилы всё проходит быстро и без церемоний. К покойному никто не лезет целоваться, не заламывает рук, не бросается грудью на гроб. И могильщикам не нужно ждать, когда, наконец-то, им разрешат приступить к своим обязанностям. Но в этом было что-то неправильное, и присутствующие всегда чувствовали какую-то неловкость. Как-то так, взяли и просто зарыли. Вроде как и не по человечески. И, когда ребята опустили гроб возле края могилы, чтобы как-то разрядить обстановку, один из парней спросил старика:

– Кого, дедуль, хороним?

– Жену, – грустно ответил он. – Как-никак полвека прожили вместе.

– И что же вы один? А дети или внуки?

– Да не дал Бог детей, – дед протянул две купюры по пятьдесят рублей одному из парней.

– Спасибо вам, хлопцы.

– Всё сделаем в лучшем виде, – могильщик сунул деньги в карман.

Опустив гроб в могилу, они привычно и равнодушно пустили в ход лопаты. Земля глухо падала на крышку гроба. Старик рассеяно смотрел, как под толщей земли исчезает то, что было ему так дорого. И когда могила была уже засыпана, один из парней спросил:

– А крест-то где?

– Я потом накоплю, – забормотал старик, будто оправдываясь. – Не хватило на крест.

– Как это не хватило? – они удивлённо переглянулись.

– Да так получилось, – глухо произнёс старик, как провинившийся школьник.

Парень молча достал деньги и, подойдя к старику, сунул их в нагрудный карман пиджака.

– Это вам, – робко запротестовал тот, словно сделал что-то не то и не так.

– Да ты что же, отец, нас за крохоборов держишь?

– Ну что вы, я же ведь за работу...

– За работу нам уже заплатили, – отрезал парень и опять взялся за лопату.

Насыпав аккуратный холмик и попрощавшись со стариком, они пошли к машине, на ходу доставая сигареты.

– Тут на днях приезжал один чертила на «шестисотом мерине», – в голосе говорившего ощущалась потаённая неприязнь.

– И что?

– Да Викторовичу всё пытался втереть, мол, его мать ветеран труда и что её надо похоронить по льготной цене, а сам при этом размахивал пачкой с пятитысячными купюрами.

– А что Викторович?

– Послал. Так эта гнида бабе своей говорит, мол, поехали отсюда. На каком-нибудь деревенском кладбище место сыщем. Там дешевле. Ты прикинь, дешевле… У него и мать ценник имеет.

Дальше они шли молча, и каждый думал о чём-то своём.

НАТАЛЬЯ ДРОЗДОВА

Член Союза писателей России. Автор сборников стихотворений «Три платья», «Ожидание сына», «Держава непобедимая», «Под отчий кров», «Поэма об отце» и других. Лауреат Всероссийской премии «Прохоровское поле». Живёт в Белгороде.

В темноте

Я в этой деревне осталась одна –
ночами не спать, чтоб сидеть у окна
и ждать от тебя сумасшедшей звезды.
Гармошек не слышно. Скамейки пусты.
Безлюдье. Безвременье. Серая чушь.
Как серые мыши, пронырлив, но чужд
простой темноте электрический блик,
что плотью мертвецкой к пейзажу прилип,
снуёт по дворам, притворяясь лучом,
намёками брызжет. Но я ни при чём.
Поскольку сама – темнота темнотой.
Мне очень уютно в стагнации той.
И выхода нет. И нежней и родней
вся мудрость звезды сумасшедшей твоей.

***

Сверкнёт гроза, и снова эхо
стиха – упрямая вожжа –
торопит ехать, ехать, ехать
и никуда не приезжать,

и никому не повстречаться,
и никого не обмануть,
в кругу бездомных домочадцев
свободной вечности хлебнуть

и, подчиняясь сумасбродству,
дреманью, грохоту колёс,
понять, что, сколько ни юродствуй,
всё зачисляется в «серьёз»,

что по канве земной печали
плетёт своё святая нить.
То, что задумано в Начале,
никто не в силах отменить.

Простите, гордые пенаты:
реченья иножития
и чужды вам, и непонятны
но в них – вся родина моя.

***

Дождь идёт и смывает следы. Ничего не останется
от вчерашнего в нашей заветной глуши.
И зачем твоя грусть – волоокая странница –
К моему очагу охладевшему снова спешит?

Ей не очень-то нужен огонь, чтобы высветлить
задремавшую тень на краю обветшалой скамьи.
Как блестит древний тополь омытыми листьями!
Как светлы и честны долгожданные слёзы мои...

Февраль

«…Живым и только до конца».
Борис Пастернак.

А что у нас февраль? Конечно же, метель.
Потусторонних лиц печальное мельканье.
Какие-то следы под окнами. Не те ль,
что оставляли мы, разбрасывая камни

взрывоопасных чувств и небывалых рифм.
В них был какой-то смысл, да весь куда-то вышел.
Мы, умирая здесь, не попадая в ритм
парадов и балов, рождались где-то выше,

в невидимой глуши. И Пушкин с нами был.
И Пастернак свечу хранил, ветрам не внемля.
– Ну так и что теперь? – ты спросишь у судьбы,
из вечности своей рассматривая землю

и вслушиваясь в трёп таксиста-лихача
про неизбежный риск глобальных потеплений.
– Конечно же, вокзал. Конечно же, встречай.
Люби, твори – живи! – без устали и лени.

***

Растаял снег. Растаял сон.
Хиреют призраки и тени.
И здравый смысл в дыму смятенья
неразличим и невесом.

И, возвращая суете,
увозит дерзкая попутка
и тех, которые «как будто»,
и тех, которые «не те».

И остаёшься, как дурак,
как дуб «средь ровныя долины».
И чудится сюжет былинный
в шансоне мелких передряг.

И вновь из глупого ростка
растёт, волшебствует и лечит
Поэзии извековечной
соединительная ткань.

Ей всё равно – что верх, что низ…
Невозмутимо, безымянно
цветёт в блокноте графомана
любви бессмертный организм.

***

Снова с робостью как с шалостью –
мил дружочек, гой еси! –
я приду тебе пожалуюсь.
Я приеду на такси.

Привезу тебе младенчика
в люльке снежно-голубой.
Я всё та же – не тебе ль чета:
вкривь да вкось да вразнобой.

Снова стих упрямый кается.
Рифмой жизнь не удержать.
Груши, сливы осыпаются…
скоро ёлку наряжать.

Плачь же! Плачь. Рыдай. И радуйся.
Он вернулся сам собой –
грешный век в счастливом ракурсе,
в люльке снежно-голубой.

Пауки играют стропами –
сверху вниз да снизу вверх.
Ветер так калиткой хлопает,
будто он главнее всех.

Проза

ВЯЧЕСЛАВ КОЛЕСНИК

Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, художник. Автор книг прозы и поэзии «Семь сказок», «Юность генерала Ватутина» и других. Лауреат Всероссийской литературно-патриотической премии «Прохоровское поле». Живёт в Белгороде.

РУЧЕЙКИ, КОРАБЛИКИ...

Отрывки из неизданной книги

Есть дивная пора в жизни человека, события из которой – как бы ни были они далеки от нынешнего дня – забыть невозможно. Это пора детства. Чем дальше уходит оно от нас, тем чаще мы его вспоминаем. Вспоминаем лица, имена, звуки, краски... Нам становится грустно и весело одновременно. Грустно оттого, что у времени нет обратного хода, весело потому, что годы те были полны забав и приключений, о которых невозможно вспомнить без улыбки. Мы берём в руки календарь своей жизни и начинаем не спеша, с волнением перелистывать его назад – на двадцать, тридцать, пятьдесят лет... Возвращаемся знакомой дорогой в своё далёкое детство...

МОРСКИЕ БОИ

В краю, где прошло моё детство, не то что моря – речки захудалой поблизости не было, но моряками мечтали стать если не все мальчишки, то половина уж точно. О море мы знали только из книжек и фильмов – «Мы из Кронштадта», «Цусима», «Морские рассказы». В деревне же у нас был лишь небольшой пруд, на котором целыми днями гоготали гуси. Лодку, и ту мы видели только на картинке. Пытались мы как-то сделать себе плот, но из этой затеи ничего не вышло по причине отсутствия главного материала – дерева.

Чтобы устроить морское сражение, нам оставалось только одно – забравшись в воду, швырять друг в друга комья грязи, которой в пруду и на берегу было в изобилии. Грязь попадала в глаза, прилипала к голове... Хорошо, если ты был пострижен налысо, а если нет? Если у тебя на голове копна волос? Попробуй-ка тогда избавиться от колтуна из противной, вязкой грязи... Но это была ещё не вся беда. Нам, явившимся домой после морского сражения, доставалось ещё и от родителей. И доставалось, по нашему мнению, ни за что. Вот если бы в сражении участвовала хотя бы одна лодка или плот, тогда другое дело – не так было бы обидно получить отцовского ремня. А то ведь что получается – никаких тебе кораблей, моряк весь в грязи да ещё и наказан...

И вот после одной из таких баталий, наплакавшись, я решил не ходить больше на пруд, а перенести морские бои... в лужу!

Эта лужа находилась недалеко от нашей хаты, была она очень приличного размера и почти всё лето не высыхала. Я смастерил из деревяшек плотик с мачтой, на мачте укрепил красный флаг. Затем спустил плот на воду, проверил его на устойчивость. После этого вырезал из бумаги десять человеческих фигурок – это были матросы с командиром, нарисовал им тельняшки, якоря и усадил их на корабль. Отойдя от лужи на десять шагов, я стал обстреливать плот засохшими комьями земли – это означало, что по нашим отважным морякам бьёт немецкая артиллерия. Снаряды падали то ближе, то дальше, то совсем рядом, обдавая плот брызгами мутной воды. Бесстрашных героев смывало волнами за борт, уносило в открытое море... После десяти артиллерийских ударов атака прекращалась. Я уносил на берег уцелевших моряков, некоторым из них ампутировал раскисшие в воде ноги, руки, награждал их, повышал в званиях. После просушки на солнце те, кто готов был к новым подвигам, снова усаживались на потрёпанный корабль. Рядом с ними были и матросы-новички из запасных – они заменяли погибших. И вновь плот выплывал на середину лужи, и повторялось то же самое – десять артиллерийских ударов, брызги, гибель бумажных моряков...

Двоюродный брат Юрка, который ходил ко мне почти каждый день, тоже увлёкся этой игрой. Мы целыми днями пропадали с ним возле лужи, выдумывая всё новые и новые морские забавы...

И когда через десяток лет на призывном пункте военкомата мне задали вопрос, в каких родах войск я желал бы служить, я, не раздумывая, ответил:

– На флоте!

О ГЕНЕРАЛЕ ВАТУТИНЕ

Имя *Ватутин* я впервые услышал будучи третьеклассником. И хотя прошло с той поры немало лет, хорошо помню, как это произошло. Перед этим был я отличником (я ведь собирался стать писателем!), а тут вдруг – к удивлению окружающих – на уроках стал невнимательным, в школу начал ходить без малейшей охоты. Родители и учителя, естественно, были удивлены такой перемене, начали ругать меня, стыдить, внушать, что ученье это свет, а неученье – тьма, но всё это мало на меня действовало.

Дело в том, что я передумал вдруг стать писателем, а решил стать, когда вырасту, деревенским трактористом, а чтобы стать трактористом, как уверяли меня старшие дружки, хорошо учиться было не обязательно. Сами они учились неважнецки и после восьмилетки собирались поступать в училище, где учат на механизаторов. Иногда кое-кому из них отцы позволяли даже проехать немножко на тракторе. Я так им завидовал… Вот сидит за рычагами какой-нибудь Витюха – ничем не примечательный белобрысый пацан, а многосильная стальная машина ревёт, выпускает хлопками из трубы дым, загребает гусеницами землю… И подчиняется – это же надо! – Витюхе!.. Ну какой мальчишка в такие минуты будет думать о том, чтобы стать писателем! К тому же у будущих трактористов и жизнь была полегче моей – над задачками голову ломать им не надо было, получил тройку, и хватит. Одним словом, книжки я забросил, начал жить по-новому.

И тут отчаявшиеся родители решили употребить последнее известное им средство воспитания – воспитание литературой. Отец достал где-то книгу «Ватутин: путь генерала» (как впоследствии я выяснил, это была книга Михаила Брагина, изданная в Москве в 1954 году), положил её передо мной и сказал: «Это книга о нашем земляке генерале Ватутине. Прочти её, может что-нибудь поймёшь».

Я принялся читать. Страницу прочитал, вторую, третью… И чем дальше я читал, тем сильнее удивлялся тому, что будущий генерал в детстве был таким же деревенским пацаном, как и я, бегал босиком, пас гусей… Особенно же меня тронуло то, как он страдал, узнав о решении отца не отпускать его из дома в Валуйки для продолжения учёбы. Я живо представил себе мальчишку, своего ровесника, от бессилия и обиды заливающегося слезами… И в то же время я не мог поверить, что до такой степени можно хотеть учиться. Многих ведь, наоборот, силком заставляют ходить в школу, а они… И мне вдруг стало невыносимо стыдно перед тем босоногим пареньком из Чепухинки, стыдно за свою несерьёзность, за наплевательское отношение к учёбе. «Трактористом, конечно же, неплохо было бы стать, – думал я, – но ведь трактористом может стать всякий, а вот генералом или писателем – только тот, кто хорошо учится».

И я с необыкновенным рвением снова взялся за учебники, стал допоздна просиживать над задачками и вскоре, к удовлетворению родителей и учителей, опять вышел в отличники.

Вот так впервые я, деревенский мальчишка, оказался под влиянием такой неординарной, целеустремлённой личности, как генерал Ватутин.

О ГАГАРИНЕ

И ещё одна яркая личность поразила моё воображение (да разве только мое!) в те далёкие годы. Юрий Гагарин! Я не буду здесь описывать события, происходившие в тот апрель 1961 года в нашей стране и за её пределами – об этом написано и рассказано очень много. Я расскажу только о том, как мы, деревенские мальчишки и девчонки, восприняли эту новость – первый полёт человека в космос.

12 апреля – тогда никто ещё не знал, что этот день вскоре назовут Днём космонавтики – прямо посреди урока в дверь нашего класса неожиданно заглянул муж учительницы дядя Женя. Не говоря ни слова, он

взволнованно поманил рукой Анну Павловну на выход. Жили они тут же, в школе, через стенку. «Наверно, дома что-то случилось», – сказал кто-то из нас тихо, когда за учительницей захлопнулась дверь. Прошло минут пять, а может, десять, мы сидели одни и не знали, чем нам заняться. Но что удивительно, безобразничать, чем обычно начинали мы заниматься в таких случаях, почему-то никому не хотелось – видимо, чувствовалось приближение чего-то необычного.

И вот в класс входит учительница.

– Ребята! – произносит она возбуждённым, но негромким голосом. – Только что по радио передали очень важное сообщение! Выходите все во двор на торжественную линейку, там я обо всём вам расскажу…

Мы дружно высыпали во двор. Что же она нам расскажет?

– Дорогие ребята! Сегодня…

И тут мы впервые услышали такие слова как космос, орбита, космический корабль, невесомость… Нам был непонятен смысл этих слов. Детское сознание воспринимало только одно имя – Юрий Гагарин. Ещё мы поняли, что этот отважный человек совершил такой подвиг, равного которому до сих пор не было в мире. И поэтому мы все тут же громко закричали: «Ура-а-а!».

В честь такого важного события занятия в школе были отменены, и мы, переполненные радостью, размахивая портфелями, вылетели со школьного двора. И только к концу дня – кто от родителей, кто от старших братьев и товарищей – мы узнали, что же всё-таки произошло там, высоко над землёй, в космосе…

Среди мальчишек сразу же нашлись смельчаки, готовые повторить подвиг Гагарина. Сначала таких было трое – Крося, Лысый и Шпонька. Они так расхорохорились, что заразили всех остальных своей решимостью и храбростью, и когда на улице стемнело и на небе появились звёзды, повторить подвиг Гагарина готов был уже каждый из нас.

Не откладывая дело в долгий ящик, на следующий же день на старой высокой вербе мы устроили качели. На них решено было проверять каждого: не кружится ли голова, не тошнит ли, не дрожат ли коленки после спуска на землю. Вцепившись руками в верёвку, взмывая «до неба», мы ощущали себя в эти минуты настоящими космонавтами…

Но это испытание было всего лишь простенькой забавой по сравнению с испытанием, которое предстояло пройти дальше. Заключалось оно в следующем.

На пригорок втаскивалась старая, найденная на свалке автомобильная шина. Кандидат в космонавты, скрючившись, подтянув колени к подбородку, втискивался в неё. Если кандидат был рослым и не вмещался в «тренажёр», ему подыскивали шину размером побольше – от трактора или комбайна. Затем это колесо вместе с сидящим в нём испытуемым сталкивалось с горы вниз. Сопровождаемое гикающей ватагой мальчишек, набирая обороты и подскакивая на ухабах, минуты через две колесо влетало в заросли бурьяна. Там, цепляясь за лопухи и крапиву, оно теряло скорость, затем останавливалось и сваливалось на бок. С трудом, не без помощи товарищей из него выбирался будущий космонавт. С очумелыми глазами, еле стоящий на ногах, он блаженно улыбался, принимал поздравления…

– Молодец! Сдал! – делал заключение главный эксперт Кострюля. – Годишься.

Как испытание на качелях, так и это, выдерживали многие из нас. Но было ещё и третье испытание, преодолеть которое удавалось не всем. Что касается меня, то могу сказать с гордостью: хотя и с трудом, но я его выдержал. А было оно, по сути дела, таким же, как и второе, но – с усложнением, которое заключалось в том, что в полость шины насыпалась пыль…

Нетрудно представить себе, как мы выглядели после такого экзамена. Чумазые, с серыми соплями под носом, в испачканных до невозможности штанах и рубашонках… А уж о том, что ожидало нас, явившихся в таком виде домой, я думаю, рассказывать не следует…

Но всё это было сущей мелочью по сравнению с той радостью, которая охватывала нас, мальчишек, признанных годными к повторению подвига первого космонавта Земли – Юрия Гагарина.

РУЧЕЙКИ, КОРАБЛИКИ...

Наверно, никто из мальчишек нашей деревни не сделал в своё время столько бумажных корабликов, сколько их сделал я. Не одна школьная тетрадка пошла у меня на изготовление этих незамысловатых судёнышек. Понятно, что тетрадки для этого годились только исписанные, за чистые могло здорово влететь от родителей. В связи с нехваткой бумаги приходилось в качестве «строительного материала» для корабликов использовать листки школьного дневника, куски шпалеры (обоев), газеты… В резиновых сапогах и длиннополых, купленных на вырост фуфайках с закатанными рукавами бегали мы целыми днями вдоль весенних ручьёв, по которым плыли наши бумажные кораблики. Мы их обычно помечали буквами или знаками, чтобы не перепутать, где чей, хвастались друг перед другом: «Мой проплыл дальше всех!».

Я в отличие от товарищей, которые опускали в воду один-два кораблика, отправлял их в плавание по ручью самое малое штук пять. На каждом из них нарисована была красная звезда, на борту стояла надпись – «Слава!». Ещё я клал в них маленькие камешки или гвоздики для устойчивости на воде, смазывал дно солидолом или коровьим маслом, чтобы не раскисла бумага. Мне нравилось смотреть, как мои кораблики мчатся по волнам, обгоняя зацепившиеся за щепки и перевернувшиеся кораблики друзей, я был рад тому, что всех обошёл.

Я не знал тогда, почему вместе со мной не радуются остальные...

МИХАИЛ ДЬЯЧЕНКО

Член Союза писателей России. Автор стихотворных сборников «Облака», «Степной сад», «Межень», «Стихотворения». Лауреат международного поэтического конкурса Рубцовского творческого союза «Звезда полей – 2013 г.». Живёт в Белгороде.

Два поздних вечера

Мне лет так пять. Там за окном –
Морозный ветер так и ходит...
К стеклу прильнув горячим лбом,
Смотрю – на снег, на дом напротив.

В тулупе светлом человек –
Промчался бодренько, как птичка!
Горит фонарь, сияет снег,
Свистит за речкой электричка.

Ух как, наверно, страшно там –
В снегах, где холм, где телевышка! –
Всё! – слышу сестрин голос. – Мам,
А он не спит... «Ну, это слишком...»

Как это было всё давно,
В другом дому, в другой эпохе!
Я нынче – посмотрел в окно:
Мрак, снега нет... где я, убогий?

***

Бывает – кругом голова
От произвола совпадений,
Таких же жутких, как слова –
Из мрачной области прозрений.

И под напором тайных сил –
Твоё вершится сокрушенье!
И всё, чем только что ты жил,
Теряет всякое значенье...

Лепесток

Оторвался лепесток
От ромашки белой
И помчался в дым дорог,
Молодой и смелый.

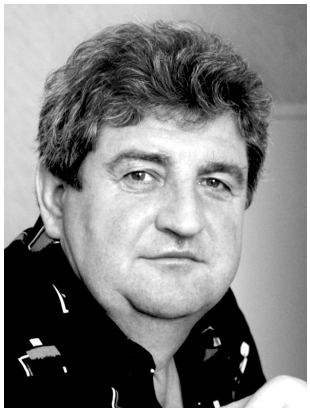
Только где-то позади,
На родимом месте,
У ромашки на груди
Лепестки не вместе.

На Пасху

Солнышко рассветное играет.
На небе – как прежде, сквозь века –
О Христе, Пречистой Деве, Рае
Белые вздыхают облака...

В этой малой тайной передышке,
Светлою минутой бытия –
Моё сердце тает от излишка
Милости, излитой на меня!

Проза



ЮРИЙ МАКАРОВ

Член Союза писателей России. Автор более двадцати книг. Печатался в различных журналах и альманахах. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» 2003 года, обладатель Почётного диплома Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого. Живёт в посёлке Ровеньки Белгородской области.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Истории из детства

Память человеческая – дама интересная, своенравная и несговорчивая. Никто не может оспорить тот факт, что одно и то же событие каждый отдельно взятый человек запомнит и впоследствии истолкует по-своему.

Картины из детства, то есть с той поры, когда человек начинает себя осознавать, в памяти держатся яркими кусками с размытыми границами. Иногда другим людям кажется: ну не может того или другого события человек помнить, уж слишком мал был. А он помнит, и всё тут!

Вот мой отец Иван Фёдорович, например, очень любил рассказывать обо мне историю, которая произошла, когда я только научился разговаривать.

– Юра, – говорил отец, – когда ему года два с половиной или три было, только начинал выговариваться, вдруг мне и говорит: «Папка, помнишь, как ты с армии пришёл, а я вот здесь, около скрыни стоял?.. А на тебе картуз военный был!..».

Потом отец смеялся:

– А как же он мог такое помнить, когда родился ровно через девять месяцев после того, как я из Германии домой приехал в тысяча девятьсот пятьдесят втором году? А вот «помнит»…

Что я точно помню, так это отцовскую солдатскую фуражку, он долгонько носил её после армии. А потом она сгорела в небольшом домашнем пожаре, который удалось быстро потушить.

Читать воспоминания всегда интересно. Мне думается, это потому, что в них зачастую передаётся атмосфера, какие-то неуловимые штрихи того времени, в котором жил человек, и мы всегда верим рассказчику.

Бывает, что рассказчик заблуждается, путает или забывает фамилии людей, а иногда и умышленно говорит их неправильно, осознавая, что в его воспоминаниях есть неточности. А неточность – родная сестра художественному вымыслу.

Я, например, очень долго верил своей детской фантазии, что когда отец возвратился со службы в армии, так я в этот момент «около скрыни стоял». Ну а что на отце «картуз военный был» – эта вера во мне незыблема и поныне!..

БЕЛАЯ ПАНАМКА

Отец шоферил тогда в отделении совхоза, водил бортовой грузовик и выполнял на нём разные хозяйственные работы. Мне шёл пятый год, и я почти не вылезал из кабины отцовской машины. Куда только с ним не катался!

В тот раз отец повёз вишни, сорванные в совхозном саду, упакованные в деревянные ящики, на консервный завод в Уразово. Мама в тот день надела на меня сшитые ею самой короткие штанишки с помочами, чистую светлую рубашечку и белую панамку – такую шапочку с полями от солнца.

Во дворе консервного завода, куда мы приехали, стояли огромные деревянные бочки с приставленными к ним лестницами. В бочки женщины и мужчины грузили бордовые спелые вишни.

Пока мы стояли в очереди под разгрузку, отец повёл меня в столовую и покупал почти всё, на что я показывал пальцем. Когда обед закончился, он раздавал со стола не тронутые мною блюда:

– Ребята, заберите, съешьте, а то сыну взял, а он уже есть не хочет.

Потом я путешествовал с отцом по огромному двору консервного завода. Подошёл к какому-то дядьке, который стоял на пороге открытого подвала и пил из бутылки ситро. Этот прохладительный шипучий напиток был в то время мечтой хуторских девчонок и мальчишек. Я посмотрел на этого дядьку, вздохнул и сказал:

– Что ж ты так медленно пьёшь? Да я бы его за одну минуту выпил!..

Дядька с удивлением посмотрел на меня – толстенького, улыбчивого и, наверное, смешного, и сказал:

– Да? Ну на, сынок, пей!.. – и протянул мне бутылку, которую я взял у него не стесняясь.

– Юра, ты же только в столовой был, – сказал отец и, покачивая головой, поцокал языком.

– Ничего, ничего, – сказал дядька и стал надевать рабочие рукавицы, чему я очень удивился. На улице было тепло, да и он был в майке, в галифе, в брезентовых тапочках и ещё в картузе! Зачем рукавицы?

Потом, когда отец помогал грузчикам разгружать машину, другой дядька спросил меня:

– Пацан, вишен хочешь?

– Хочу, – сказал я.

Он взял меня на руки, поднялся по лестнице на край полной вишен бочки и сказал:

– Бери…

Дядька тяжело дышал, придерживая меня, а я грёб вишни в белую панамку. С этих вишен уже тёк сок, и руки мои, и панамка, и рубашка сразу покрылись пятнами чернильного цвета, потому что я цепко прижал панамку с вишнями к своей груди. Дядька сошёл с лестницы и посадил меня в кабину отцовской машины.

Когда мы ехали домой, было уже темно и, видимо, где-то переезжали железнодорожный переезд, потому что до сих пор я помню, как звенел какой-то звонок и мигали красные огни. А потом загрохотал поезд…

Как мы приехали домой, я не помню, а вот что мои панамка и рубашка остались в пятнах чернильного цвета от вишен, почему-то припоминается, да ещё помнятся мамины слова, которые она на следующее утро говорила тёте Тане Алтынниковой:

– Вот ведь только сшила Юре панамку, а она уже ни на что не похожа. Ну пускай теперь бегает в цветастой.

ЯНТАРНАЯ АЛЫЧА

Я сижу у дедушки Егора под боком на бричке, в которую запряжена тёмно-вишнёвая с чёрной гривой и с чёрным хвостом лошадка. Иногда ветерок заносит мне терпкий запах этой лошадки, который помнится мне до сих пор. В небе светит яркое солнце, которое иногда перекрывают облака.

Бричка катится по чуть приметной дороге, которая растянулась по балкам мимо Водяного, Утятника, Маджюгов, а там надо будет подняться на взгорок, и мы прибудем в мои родные Галушки.

На бричке стоят два хорошо зафиксированных больших ведра – что в них, я не знаю. Точно также как и не знаю названий балок, которые я перечислил. Не знаю и того, что с дедушкой я еду из Новой Ивановки, где он живёт с бабушкой Марией. Я ещё маленький. Мне около трёх лет, но я точно помню, что мне не страшно.

Вижу, как по балке шныряют суслики и прячутся в норки, потому, наверное, что грохочет наша с дедушкой бричка. У дедушки тёплый бок, он держит вожжи одной рукой и перебирает их пальцами, а в другой руке у него какая-то хворостина, которая свисает с брички. Дедушка всю дорогу что-то рассказывает мне, а я смотрю на него и знаю – мне с ним не страшно.

Но вдруг он забеспокоился. Балка сначала потемнела, потом над ней сверкнула молния, загрохотал гром и начался дождь. Помню, что дедушка закутывает меня в сделанный из большого мешкачувала плащ, накидывает такой же на себя, мне душно в этой накидке, но ни гроза, ни дождь уже не достают нас.

Потом, помню, нас встречают мама и моя старшая сестра Аллочка. Около нашего дома сухо.

– Полосой прошёл, – говорит маме дедушка, – и намочить нас не успел.

Дедушка снимает с брички вёдра и начинает пересыпать из них в бидончики, большие миски и другую посуду, которую мама расставила прямо у порога, прозрачные крупные ягоды. Их просвечивает солнце, и они переливаются и тоже становятся солнечными, янтарными.

– Алыча, – говорит мама.

– Алыча, – говорит сестра.

Я, кажется, впервые слышу это слово, смотрю на позолоченные солнцем ягоды, и в мою память навсегда врезается это чудное название – алыча.

Недавно я спросил у сестры:

– Алла, а ты помнишь, как мы с дедушкой Егором алычу в Галушки из Новой Ивановки привезли? Или это мне сон такой приснился?

– Нет, – сказала сестра, – я такого момента что-то не припоминаю. А вот что у дедушки в Ивановке во дворе прямо у ворот алыча жёлтая росла – это хорошо помню. Она когда зреть начинала, так прямо просвечивалась насквозь солнцем и была на янтарные бусы похожа.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

– А-а-а! – ревел я во всю дурь. – «Гуси-лебеди» хочу!» А-а-а!

– Какие тебе «Гуси-лебеди». Темнота на улице, дождь моросит! – осаждала меня старшая сестра Аллочка. Залезай вон на лежанку и сиди.

– «Гуси-лебеди!» – топотал я ногами и не хотел залезать на лежанку.

Дверь открылась, и в хату вошла мама:

– Ой, Господи, Аллочка, что это он у тебя как резаный кричит?

– Хочет, чтоб я его к Копиным повела диафильм посмотреть – «Гуси-лебеди».

– Ты шо, сыночек, там дождь. Куда идти?..

– «Гуси-лебеди!» – снова упрямо завыл я.

Дело в том, что Копины – это семья управляющего третьим отделением бывшего тогда зерносовхоза «Виктороподь», поля которого располагались вокруг нашего хуторка. Глава семейства Николай Романович Копин как раз и был управляющим отделением. Жил он вместе с тётей Ниной и двумя детьми – Надей и Сашей – в небольшом домике, метрах в шестистах от нашей хаты. Чтоб попасть к ним в тот вечер, нужно было перейти раскисшую греблю прудика, который располагался прямо посреди хуторка. Дело в том, что у них дома был фильмоскоп – аппарат для просмотра диафильмов. Ни у кого в хуторке тогда не было такого чуда, а у них было! И когда его луч направляли на специально натянутую на стене белую простыню, а на полу рассаживались дети разных возрастов почти со всего хуторка, то какого только волшебства мы не видели на этой простыне. Но больше всего всем нравились русские народные сказки и сказки Пушкина.

Я очень любил сказку «Гуси-лебеди», вот и блажил, чтоб сестра сводила меня её посмотреть. Не знаю, как я добился своего, но Аллочка всё ж повела меня к Копиным.

Помню, как тётя Нина, открыв нам дверь и узнав причину, по какой мы пришли, сказала:

– Ой, а Николай Романович уже и ноги помыл, отдыхать собирается.

Услышав её слова, я тут же начал всхлипывать и тереть глаза кулаками.

– Ничего, Нина, – услышал я из-за её спины знакомый мужской голос, – сейчас посмотрим «Гуси-лебеди» и пойдём отдыхать. По такой погоде шли… Пусть проходят, а то, глянь, как малый переживает.

Николай Романович быстро настроил всё к кинопоказу и начал прокручивать кадрик за кадриком моей любимой сказки и читать под ними тексты – очень выразительно и артистично.

А вот как мы с Аллочкой шли назад, как мы оказались дома – я не помню. Помню, что утром я проснулся на лежанке, а рядом со мной лежал мятный пряник.

ЛЁТЧИК-КОСМОНАВТ

В то лето я окончил второй класс. К этому времени в космосе побывало уже несколько советских граждан: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев и другие отважные люди. Их полёты радовали и детей, и взрослых. Вся страна подчинилась этому стремительному движению советского прогресса. По-своему отражало эти достижения и село.

Отец мой Иван Фёдорович собирал с ферм и отвозил на сепараторный пункт молоко. Тогда ему дали в совхозе новенький молоковоз – ГАЗ-52 с большой двухсекционной цистерной-термосом и восьмицилиндровым мотором. Это была «восьмака» – так называл он машину.

Я любил с ним кататься. Особенно любил, когда он брал меня с собой на вечернюю дойку.

– Юра, хочешь лётчиком-космонавтом быть? – спросил однажды отец.

– Да! – закричал я. Кто же из мальчишек в то время не хотел быть космонавтом.

– Тогда поехали, будешь тренироваться.

Но до определённого времени никаких тренировок не было, отец, как обычно, собирал молоко.

– А когда же тренировка? – спросил я у него.

– А вот когда будем в Олейники ехать – от Лаптиёва до Простаков. Совсем скоро уже.

Буквально минут через пять он скомандовал:

– Держись крепче за ручку!

Я ухватился за ручку под бардачком. Машина стала набирать скорость. Она так сильно разогналась и по накатанной как зеркало дороге буквально нырнула в глубокую балку.

Я не успел перевести дыхание, как машина выскочила на взгорок, пробежала метров пятьдесят и снова, набрав скорость, нырнула во вторую балку. У меня совсем перехватило дыхание, я хватал воздух, как Ихтиандр, посаженный в бочку, но крепился, а машина уже снова бежала по ровной дороге.

– Ну как, нравится быть космонавтом? – смеялся отец.

– Да! – мотал я головой, не в силах сказать больше ни слова.

– Так это тренировка. А у космонавтов там знаешь какие перегрузки. Они много должны тренироваться, чтоб к ним привыкнуть.

Только три раза удалось мне побывать на тренировках с отцом. Ему, видно, тоже нравилась эта забава, потому что, как только мы доезжали до балок и он начинал прибавлять скорость машине, глаза его становились озорными и он прямо превращался в хулиганистого мальчишку, готового взлететь в самый космос. Но прошли дожди, он стал ездить в Викторополь другой дорогой, и наши тренировки прекратились.

Уже взрослым мне не раз приходилось летать на маленьком «кукурузнике» АН-12. И когда он падал в воздушную яму, дух у меня захватывало и приходило точно такое ощущение, как на тех балках, что пересекали

дорогу между Лаптиёвым и Простаками. Почему-то страшно хотелось в детство, в кабину отцовской «восьмаки», а ещё хотелось быть космонавтом.

Космонавтом я не стал, но всё ж надеюсь, что рано или поздно моя мечта осуществится.

ДЕД МОРОЗ И КОНЁК-ГОРБУНОК

Я учился во втором классе, а в этот год на летние каникулы приехала из техникума старшая сестра Аллочка и привезла домой книжку «Конёк-горбунок». Она была с прекрасными цветными картинками и просто привораживала к себе.

Читать я научился ещё до школы и летом часто читал эту книжку от начала до конца младшим братьям Толе и Феде. Читал, видимо, так часто, что вскоре эта необходимость у меня отпала. Я открывал книжку на любой странице, смотрел на картинку и полностью вспоминал, что на ней написано. Таким образом всю сказку я выучил наизусть.

Приближался Новый год. В начальной школе, где вся детвора нашего хуторка училась тогда до четвёртого класса, готовились встречать Деда Мороза. Все учили короткие стихотворения. Под ёлкой часто рассказывали стихи Агнии Барто, Сергея Михалкова и других детских авторов. Это, конечно же, я знаю теперь. Тогда же автор был не главный.

За стихотворение, рассказанное под ёлкой, Дед Мороз вынимал из своего глубоченного мешка и давал рассказчику или рассказчице подарок. Обычно это были конфета или пряник. Новогодние подарки в кульках Дед Мороз раздавал всем после окончания утренника. Кульки были сшиты из обоев, у нас говорили «из шпалеры», и мы с радостью доставали из них шоколадные конфеты «Ласточка», «Пилот», «Кара-Кум», а также любимые детворой карамельки «Гусиные лапки», «Фруктовые», «Сливовые», «Барбарис», конфеты-ириски, «подушечки», «горошек», печенье, пряники, вафли.

Ёлку устанавливали в одном классе, а зрители-родители располагались в другом.

Когда подошла моя очередь, я вышел и сказал:

– «Конёк–горбунок». Сказка, – и начал очень громко рассказывать:

«За горами, за долами,
За широкими морями,
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так, и сяк,
Младший вовсе был дурак…»

– Ты смотри, какой Юра молодец! – пробасил Дед Мороз. – Какое хорошее стихотворение выучил.

Я обрадовался, что Дед Мороз помнит моё имя, посмотрел на него и сказал:

– А я и дальше знаю.

– Дальше? – обрадовался Дед Мороз. – Ну давай рассказывай.

Я продолжил:

«Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села…»

– Какой умница! – опять пробасил Дед Мороз и снова полез в свой мешок. – Вот тебе подарки. Хорошее ты стихотворение выучил – длинное.

– Мне пока ещё не надо подарок. Я дальше буду рассказывать, – нахмурился я и продолжил:

«Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращалися домой».

– Очень хорошо! – перебил меня Дед Мороз. – Вот тебе подарок, – он прямо впихнул мне в руки конфету и пряник и стал подталкивать меня в спину, чтоб я выходил из-под ёлки.

– Я дальше знаю, – сопротивлялся я, – всю сказку знаю!

– Ну ты обязательно её нам расскажешь. А сейчас хотят выступить другие ребята, – басил и всё подталкивал меня Дед Мороз. Тут я не выдержал и разрыдался:

– Почему ты не хочешь меня слушать? Я же знаю всю сказку!

Ко мне подошла мама с моей телогреечкой и шапкой. Дед Мороз отдал мне подарок в «шпалерном кульке».

Мама вывела меня на улицу и быстро пошла вперёд. Я еле успевал за ней и продолжал всхлипывать до самой нашей хаты. И уже в хате, когда заглянул в кулёк, всё же спросил:

– Ма, ну я же знаю! Что ж Дед Мороз не захотел меня слушать?

– Ничего, – сказала мама, – вот вырастешь и расскажешь эту сказку ему до конца. А пока давай мне рассказывай, Толе, Феде. И папка, как приедет, так и ему расскажешь.

«В долгом времени, аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить…»

– начал я, а сам между тем выкладывал на стол конфеты из кулька.

– Мама! – уже весело закричал я. – Смотри, «Пилот»! – Я взял конфету, стал бегать с нею по комнате и гудеть, как самолёт.

– Ух ты! – сказала мама.

Тут с лежанки сползли мои младшие братья. Я подхватил кулёк, и мы снова залезли туда, потом высыпал конфеты из кулька и стал делить их на всех.

– Смотри, сынок, чтоб всем было поровну, – сказала мама.

– Ага, – ответил я и продолжил начатое дело.

ВЕРА КОБЗАРЬ

Член Союза писателей России. Автор сборников стихотворений «Вчера был снег», «Весенний дождь», «Светлый август», «Ожидание», «Таинственный Свет». Лауреат премии «Прохоровское поле», лауреат 4-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей – 2013». Живёт в Белгороде.

***

Вспыхнет утро розово,
Сад вспорхнёт листвой,
А в душе занозою –
Ты, любимый мой!
Лишь коснусь я взглядом
Твоего плеча,
Память встанет рядом
В роли палача.
Катит солнце горкою,
Как же дальше быть?
Чашу сладко-горькую
Долго ли нам пить?
Долго ли нам маяться ?
Видно, чаша в дар,
Чтоб успеть покаяться
За ночной пожар!

Огонёк

Вечер сломанной сникнет сиренью,
Всхлипнет речка в объятиях лоз,
И пичуга вспорхнет лёгкой тенью
Над беседкой из вьющихся роз.

Мягко ночь подкрадётся, как кошка,
Ветер сонной листвой прошуршит,
И засветит приветно окошко –
Во спасение чьей-то души.

Холода

В мае грянули вдруг холода,
Никого не спросив – налетели.
Одиноко маячит звезда,
Да черёмух гуляют метели.

Безотрадно-холодная грусть
Тусклым светом мерцает в окошке.
Что же спеть тебе, милая Русь,
Что сыграть на разбитой гармошке?

Чем утешить мне думы свои,
Что непрошенно ночью приходят?
Как поют за окном соловьи!
Как они свои трели выводят!

Да тужить ли о доле своей,
И загадывать в дальние дали?
Май идёт, и поёт соловей,
Чтобы мы этой ночью не спали!

***

Будет дождь барабанить в окно
В этот день неприметный и серый,
Ветер буйствовать будет без меры,
Чёрных туч разорвав полотно.

И как луч долгожданный в ненастье,
Я услышу звонок телефона,
В трубке голос до боли знакомый
Тихо скажет: «Любимая, здравствуй».

Проза

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Воин России», «Знание – сила: фантастика», «Подъём» (Воронеж), «Звонница» (Белгород) и «Добродетель» (Белгород); а также – в альманахе писателей Югры «Эринтур» (Ханты-Мансийск), в коллективных сборниках.

Автор трёх книг прозы: «Продавец книг», «Срок», «В пекле Огненной дуги» (Москва, издательство «Яуза»). Рассказы Малькова В. О. переведены в Сирии на арабский язык. Живёт в Белгороде.

ПОЛЁТ НАД ОБЛАКАМИ

Я летел… Я наслаждался свободой и простором, а подо мной, по всему окоёму, простирался белоснежный ковёр, сотканный из кусков «небесной ваты». Я летел над облаками и испытывал неописуемый восторг и одновременно сожаление о том, что у человека нет крыльев. Увы…

– Уважаемые пассажиры, наш полёт проходит на высоте девяти тысяч метров со скоростью девятьсот пятьдесят километров в час, – раздался над моей головой приятный голос бортпроводницы. – Температура воздуха за бортом – минус пятьдесят градусов. Через несколько минут вам будет предложен обед…

Да, я сидел в пассажирском кресле самолёта Ил-62, который выполнял рейс номер 92 по маршруту Якутск – Москва. Авиалайнер находился в воздухе уже почти четыре часа, и до посадки оставалось ещё около трёх. Поскольку спать мне совсем не хотелось, то не оставалось ничего другого, как смотреть в иллюминатор и любоваться заоблачными небесами, что я и делал с превеликим удовольствием. Под нами проплывали облака самых причудливых форм, громоздясь друг на друга и слипаясь между собой. Сплошной облачный слой создавал удивительный, фантастический пейзаж, в котором мне мерещились замки и горные кручи.

А сквозь редкие бреши в облаках далеко внизу были видны покрытые снегом настоящие вершины и хребты – мы пролетали над Уралом. Каменный или Земной Пояс – так прозвали русские люди Уральские горы,

которые тянутся с севера на юг на две с половиной тысячи километров, разделяя Европу и Азию. К западу от них лежит Восточно-Европейская равнина, а к востоку – раскинулась великая, бескрайняя Сибирь, над которой мы летели до этого. Мне вдруг захотелось приземлиться прямо здесь, посреди этих горных ландшафтов, что-бы вблизи полюбоваться их красотой. Но, к сожалению, это было невозможно, и я лишь утешал себя надеждой, что когда-нибудь, возможно, всё же побываю на Урале.

А потом облака на несколько минут полностью скрыли землю, и у меня возникла безумная мысль, что её внизу нет и вовсе, и наш самолёт заблудился в небе и никогда уже не приземлится. Мы так и будем летать, летать, летать…

Симпатичные стюардессы в красивой бирюзовой униформе разносили по салону обед, и это было кстати – у меня разыгрался аппетит. Я с радостью принял поднос, уставленный пластиковыми контейнерами, из рук белокурой воздушной феи, которая очаровательно улыбнулась мне. Поблагодарив её, я приступил к приятному для желудка занятию. Обед на высоте девяти тысяч метров над землёй – что может быть вкусней и романтичней? И вообще, принятие пищи в полёте напоминает мне некий священный ритуал авиапассажира, необходимый для удачи в пути.

– Раньше никогда не боялся летать, а теперь побаиваюсь, – заговорил молчавший доселе мой сосед, сидевший в кресле у прохода (между нами было пустое место). Видимо, обед оживил его.

– Самолёты стали часто падать… Везде бардак… Не удивлюсь, если пилоты пьяные.

Это был тучный мужчина лет пятидесяти. Ел он быстро и жадно, словно боялся, что не успеет всё съесть до того, как самолёт рухнет, и жевал, неприятно плямкая мясистыми губами и шмыгая широким носом.

– Да нет, ну это вряд ли, – неуверенно возразил я. – Их же проверяют.

– Кто там проверяет. – Сосед покривился. – Сплошное раздолбайство. Нет сейчас и там порядка, потому и самолёты бьются. Человеческий фактор называется… А ещё они говорят, что устарел парк машин. О как… Так что никакой гарантии. Можем и не долететь. – Он покачал головой и засопел. – И ведь, главное, никаких шансов выжить. Так-то вот… Многоместный гроб.

Сосед трусливо захихикал, и этот его страх переполз-таки, зараза, ко мне. Перед моим мысленным взором тут же возникла яркая картина авиакатастрофы – разваливающийся прямо в небе самолёт и сыплющиеся вниз обломки и люди. Стало жутковато и неуютно, и я замотал головой, разгоняя гнетущее видение.

Затем мне вспомнился один необычный случай, о котором когда-то писали в газетах.

Это случилось в 1981 году в Амурской области. Пассажирский самолёт Ан-24 на высоте 5200 метров столкнулся с бомбардировщиком Ту-16. Обе крылатые машины разрушились и упали на землю. В этой катастрофе погибли 37 человек, но был и единственный выживший – двадцатилетняя студентка Лариса Савицкая. Она упала в своём кресле на небольшом обломке самолёта прямо на берёзовую рощу, что её и спасло. Получив сотрясение мозга и несколько переломов, девушка потом двое суток ждала спасателей. Да, как говорится, «родилась в рубашке». Бывает же.

А за десять лет до этого случая был другой, похожий – в Перу. Тогда из-за удара молнии самолёт загорелся и рухнул в джунгли с высоты трёх километров. Из 92 человек выжила одна девушка – семнадцатилетняя Джулиана Кепке. Получив перелом ключицы и резаные раны, она потом ещё девять дней пробиралась к людям. Вот такие бывают на свете чудеса. Тут поневоле поверишь в судьбу, в то, что всё в нашей жизни предопределено КЕМ-ТО или ЧЕМ-ТО свыше. Но, конечно, лучше это на себе лишний раз не проверять. Хотя, опять же, не нам решать…

«С нами ничего не может случиться. Не должно, – начал я мысленно успокаивать сам себя. – Мы обязательно долетим».

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я вновь занялся созерцанием заоблачных красот. А солнце озаряло облака, превращая их в комья золотой ваты. Проплывающий под нами земной ландшафт изменился – вместо гор там теперь простирались заснеженные леса и замёрзшие реки Восточно-Европейской, или, по-нашему, Русской равнины. Они тянулись и тянулись, меняя лишь свои очертания, и казалось, им не будет конца и края.

Да, думаю, только пролетев над Россией на самолёте, можно по-настоящему постичь всю её необъятность и за это полюбить свою страну ещё сильней. И только тогда ещё неистовей желаешь, чтобы величие России измерялось не одними лишь расстояниями, но и тем, как в ней живётся простому человеку, тому, который своими свершениями тоже создаёт величие страны…

Доев свою порцию и выпив с пирожным чашечку кофе, я аккуратно сложил в пакет пластмассовые столовые приборы: ложку, вилку и нож. Ощущая блаженство, откинулся в кресле, дожидаясь, когда воздушная фея заберёт поднос, и украдкой наблюдая за соседом, вызывавшим во мне интерес. Расправившись с пищей, он облизал толстым языком ложку и вилку и, завернув их в целлофан, быстрым движением спрятал свёрток в портфель, стоявший под креслом. Затем сосед воровато покосился в мою сторону, но я из деликатности сделал вид, что ничего не заметил. Хотя, конечно же, поступок этого человека привёл меня в сильное недоумение и даже растерянность.

Надо же! Только что он говорил про всеобщее разгильдяйство и рассуждал о том, что все мы, летящие в этом самолёте, ежеминутно рискуем жизнями. Ему бы тогда думать сейчас о чём-то философском и вечном, а он вместо этого взял и умыкнул ложку и вилку. И, главное, зачем? Ведь они не представляют никакой ценности… Да, порой поступки людей понять непросто. Вот он, повод для философии…

Полёт над облаками продолжался, и я опять смотрел в иллюминатор. В моей голове стали возникать разные фантастические сюжеты и идеи для рассказов, словно некая Муза, витавшая в этом заоблачном мире, залетела в самолёт и присела на пустовавшее рядом со мной кресло.

Недаром небо всегда вдохновляло писателей. Наверное, если бы Антуан де Сент-Экзюпери не стал лётчиком, он бы никогда не написал «Ночной полёт», «Планету людей» и «Маленького Принца». Когда читаешь эти произведения, понимаешь, что их автор был по-настоящему безумно влюблён в небо и в сам полёт. То же самое можно сказать и о Ричарде Бахе. Его «Единственная», «Мост через вечность», «Биплан» и «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» – это гимны романтике и настоящая «философия неба». Пожалуй, каждый писатель, который мечтает создать прекрасное

творение, должен летать как можно чаще. Потому что только познав всю прелесть и магию полёта над облаками, ты начинаешь понимать о нашем мире нечто большее, чем другие.

Впрочем, не менее чарующи и моменты взлёта, когда авиалайнер отрывается шасси от бетонной полосы аэродрома и земля начинает быстро удаляться, а в следующий миг ты понимаешь, что уже летишь. Летишь над полями и лесами, над городами и сёлами, над нашими земными проблемами и страстями. Ты становишься в буквальном смысле выше всего этого, потому что ты теперь смотришь на мир сверху и видишь его лучше и знаешь о нём больше. По крайней мере, у меня возникают именно такие мысли и чувства, пока самолёт набирает высоту. И я с нетерпением ожидаю, когда мы прорвёмся сквозь облачный слой и окажемся в волшебном мире «по ту сторону облаков». Иногда я жалею, что не стал лётчиком, и по-доброму завидую людям этой профессии. Ведь лётчики имеют возможность регулярно видеть заоблачную красоту. Я уверен, что столь феерическое зрелище им никогда не надоедает. Да и разве оно может надоесть?

Мне кажется, в любом человеке в той или иной степени с рождения заложена мечта о полёте в небе. У некоторых эта мечта побеждает страх высоты, также данный нам природой, и такие люди становятся лётчиками. Что ж, их вполне можно понять. В самом деле, тот кто хотя бы однажды в жизни видел облака сверху, никогда уже не забудет это удивительное зрелище и навсегда полюбит небо. Я тоже испытал эту любовь как пассажир и теперь всякий раз, когда лечу в самолёте днём, смотрю сквозь стекло иллюминатора на землю и на проплывающие внизу облака. В такие моменты мне хочется разбогатеть и купить себе небольшую крылатую машину.

Впервые я полетел в шесть лет. Это был четырёхмоторный Ил-18, выполнявший рейс Донецк – Москва. Помню, он так сильно трясся в полёте, что захватывало дух и казалось, будто самолёт вот-вот развалится. Было страшновато, но восхищение и радость новых ярких впечатлений всё же превышали этот страх. Я хорошо запомнил тот недолгий (всего лишь час с четвертью) полёт, ведь я тогда в первый раз в жизни увидел, как выглядит земля с такой большой высоты. Донецкие поля походили на огромную шахматную доску – квадраты разных оттенков зелёного цвета. Это было здорово.

С тех пор мне приходилось совершать воздушные путешествия на разных типах самолётов, в том числе и на таких аэробусах, как наш Ил-86 и европейский А-310. А ещё это были Ту-154 и Ту-134, Як-42 и старый добрый одномоторный биплан Ан-2, любовно прозванный в народе «Кукурузником» и «Аннушкой». На Ан-2 я летал во время студенческой практики по аэрофотосъёмке после третьего курса института. Это воистину замечательный самолёт. Он неприхотлив и прост в эксплуатации, может садиться на обычное ровное поле и даже на льдину, а потому зачастую бывает незаменим. Практику мы проходили в посёлке Краснозёрское – районном центре Новосибирской области. Летали неделю из маленького местного аэропорта, в котором тем летом (это был 1993 год), кроме нашего «кукурузника», других самолётов не было. Кружили на высоте около километра и фотографировали местность.

Кстати, мне тогда запомнился один смешной эпизод. Как-то мы возились в самолёте, заряжая аэрофотоаппараты и готовясь к очередному вылету. Тут из леса вышел какой-то мужик с чемоданом и направился к

нам. Подойдя к самолёту, он спросил, когда будет ближайший рейс на Новосибирск. Мы ответили, что в ближайшую неделю точно не будет. Мужик вздохнул и ушёл обратно в лес. А ещё в память врезалось ощущение настоящей невесомости, когда пилоты шутки ради резко бросали «Аннушку» вниз после крутого подъёма. Буквально две-три секунды отсутствия силы тяжести и свободного парения в салоне, но и этого мне хватило, чтобы понять, что испытывают космонавты в заатмосферном пространстве. Это было потрясающе.

Конечно, мне доводилось летать и ночью, когда облака не видны. Но и в ночном полёте тоже есть своя неповторимая прелесть – видеть, как внизу разливается море огней большого города. Поверьте, это зрелище завораживает не меньше, чем заоблачные пейзажи. Каждый город похож на светящийся остров, затерянный посреди океана тьмы. Рукотворный «электрический остров», напоминающий о торжестве человеческого разума над природой… Вот только нам, людям, надо бы поответственней относиться к тому, что мы создаём, потому что при этом зачастую причиняем природе нестерпимую боль…

«Отчего люди не летают так, как птицы?». Пожалуй, эта знаменитая фраза главной героини пьесы Александра Островского «Гроза» очень ёмко и точно отражает давнюю заветную мечту человечества о полёте в небе. Человек упорно стремился к осуществлению этой мечты, начиная с древнейших времён, он делал одну за одной отчаянные попытки взлететь в небо, преодолеть земное притяжение. Миф об Икаре стал самым первым произведением, в котором ярко показано это безудержное стремление. Да, природа не одарила людей крыльями, но люди сами сумели их создать, потому что они разумны и способны творить. Я думаю, разум – даже более щедрый дар природы, чем крылья.

Известно, что первым человеком, совершившим полёт на искусственных крыльях, был арабский мудрец Аббас ибн Фарнас, живший в девятом веке в Андалусии. Поэт и учёный, врач и изобретатель, он сконструировал крылья из натянутого на деревянный каркас шёлка. С этими крыльями он спрыгнул с высокого холма и был в воздухе около десяти минут, после чего упал и получил травмы. По сути Аббас ибн Фарнас создал первый в мире прототип дельтаплана. Спустя пять веков знаменитый Леонардо да Винчи сделал чертёж дельтаплана, но сам так и не полетел, хотя его проект признан вполне пригодным для полёта.

Позже, в конце восемнадцатого века, братья-французы Жозеф-Мишель и Жак-Этьенн Монгольфье изобрели воздушный шар, положив начало путешествиям по небу. Великая мечта человечества наконец-то сбылась. Люди худо-бедно научились летать. Вслед за Монгольфье и другие инженеры в разных странах создавали аппараты легче и тяжелее воздуха, способные подниматься в небо. Это были дирижабли, планёры и всевозможные машины с паровыми двигателями.

И вот 17 декабря 1903 года два брата-американца Уилбур и Орвилл Райт совершили полёт на биплане собственной конструкции. Так появились первые настоящие самолёты. И это здорово, ведь самолёты дают нам возможность увидеть с большой высоты землю и сказочные пейзажи заоблачного мира. Они позволяют нам хотя бы на какое-то время ощутить себя птицами…

С той поры уже минуло столетие. Сейчас для нас летать на воздушных суднах стало привычной реальностью, без которой невозможно представить современную жизнь. Каждый день по всей планете десятки, а то и сотни тысяч людей совершают полёты, порой при этом пересекая океаны и перемещаясь с континента на континент. За прошедшую сотню лет и самолёты сильно эволюционировали, стремительно пройдя путь от примитивных этажерок-аэропланов до грациозных сверхзвуковых авиалайнеров. Я уверен, что ещё через каких-нибудь два-три десятилетия появятся самолёты, способные летать в стратосфере и даже в космосе. Прекрасное наступит время…

Мой сосед спокойно посапывал в кресле. Видимо, здоровый сон у него всё же возобладал над страхом.

До посадки в аэропорту «Домодедово» оставалось ещё почти два часа, и по мере приближения к конечному пункту мою душу всё сильней и сильней заполняла внеземная тоска. Мне совсем не хотелось возвращаться в опостылевшую суету и скучную однообразность земной жизни, в которой практически не происходит ничего такого, что может восторгать. Мне хотелось и дальше предаваться небесным грёзам и испытывать счастье от того, что я летаю над облаками. Буквально каждая клеточка моего организма с неистовой силой жаждала этого. Ведь заоблачный мир действительно удивителен и прекрасен. В нём есть только чистый небесный простор, безмерное упоение свободой и счастье, которое испытываешь от полёта.

ТАТЬЯНА ОГУРЦОВА

Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Лирика», «Из трёх тетрадей» и прозы «Захолодь», «Областное небо». Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Живёт в Белгороде.

Старые дачи

I

Поумирали мужики.
А женщины сюда всё ходят.
От бедности или с тоски
На старых дачах огородят.

Марии повезло одной.
Жив и здоров её Евгений.
Для вдовьей улицы пустой
Он настоящий добрый гений.

Проводку чинит и замки.
И трубы ржавые латает.
А молодёжь на шашлыки
И то сюда не залетает.

II

Тут глухо, грустно, далеко.
Дач много брошенных. Гляди-ка,
Болиголова молоко
Там, где вчера цвела клубника.

Лужайкой стал участок весь.
Соседи говорят – видали –
Перчаткой позабытой здесь
Лисята рыжие играли.

Тут ветрено почти всегда.
В лесу кукушка будто плачет.
И непонятно, то ль года,
То ль дни считает старым дачам.

III

А там, где был разлив полей,
Теперь коттеджи подрастают.
Компания чужих людей
По дачам рыщет дикой стаей.

Воруют скудный урожай.
Воруют вёдра и корыта.
Калитку как ни запирай,
Приедешь, а она открыта.

IV

В шестидесятые года
Жизнь дачная тут начиналась.
Была идея молода
И силы не уйдут, казалось.

Я помню жар весенних дней.
Кипит работою округа.
И молоды отцы семей
И соревнуются друг с другом –

Чей крепче дом, чей выше сад.
Шумят, друг другу помогают…
Сегодня дикий виноград
Что не заплёл, то доплетает.

V

Событием был каждый дом
И каждый плод на ветках юных…
Едва слышны за бурьяном
Дней давних солнечные струны.

Не слышно детских голосов.
А мы, семидесятых дети,
Малину ели мы с кустов
И знали всё о дачном лете.

VI

А девяностые пришли,
От голода спасали дачи.
И маленький клочок земли
Бесценен был – никак иначе.

Бесценною была вода
Из маленькой холодной речки,
Жизнь означавшая тогда
Для буйной грядки огуречной,

Для завязи на кабачках,
Для зацветающей картошки,
Чтоб дачникам держать в руках
Не только сошки, но и ложки.

VII

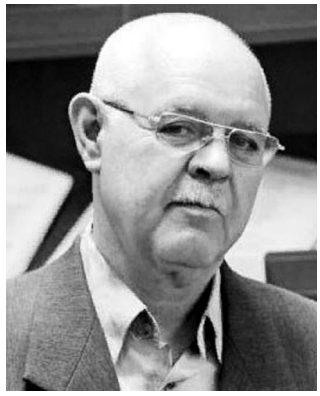
Теперь не нужно ничего –
Ни старых дач, ни ягод с веток.
И золотое торжество
Не наступает бабьим летом.

И это правда, не молва –
Не золотится, засыхает
Теперь по осени листва.
А почему, никто не знает.

VIII

Осенней позднею порой
Дома к деревьям старым жмутся.
Иные будущей весной
Своих хозяев не дождутся.

Стоят погожие деньки.
Дух снежный ветер переводит.
Поумирали мужики.
А женщины сюда всё ходят.



АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ

Член Союза писателей России (2004). Окончил педиатрический факультет Воронежского государственного медицинского института (1976). Автор нескольких изданных в Белгороде книг, в том числе «Параллели и перпендикуляры» (1999), «Карантин» (2001), «Сто первый километр» (2003), «Зима сиротская» (2005). Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

***

Живу, пока течёт река
И лес качает облака,
Пока звезда моя горит
И ветер в поле говорит.
Я жив. И буду жить, пока
В моей руке твоя рука.

***

Торопится, торопится весна,
Но каждый день меняет март полотна.
Казалось бы, ушла бесповоротно
Зима –
А утром из окна
Вдруг видишь, как снежинки беззаботно
Узором закрывают небосвод,
Как мартовское солнце неохотно
Свой неизбежный повторяет ход
По выветренным граням поднебесья,
А день и ночь стремятся к равновесью,
И ждёт земля безумства вешних вод.

***

По просеке – просинь, протаявший лед,
Ручьи пробивают оконца.
Последних снежинок последний полёт
В лучах заходящего солнца.
И замерло всё, ожиданьем горя,
В прощании с яростным мартом.
Приходит заря, и уходит заря.
Какая нам выпадет карта?
Весна на порог – нараспашку душа,
Последняя сыплет пороша.
Ловлю я снежинки, в ладони дыша,
И март – чародей и святоша –
Плетётся за мной не спеша.

Стена

Дождь лил стеной. А за стеной
Металась тьма по бездорожью.
И весь мой промысел земной
Казался вымыслом и ложью.
Срывались молнии с небес
И разрывали тьму на части.
Казались призраком чудес
Крещенье, исповедь, причастье.
Я брёл и брёл перед стеной.
А гром катился мне под ноги.
И где-то сзади, за спиной
Остались ангелы и боги.

***

Как это было всё давно…
Проснусь и вылезу в окно
И убегу в свои куртины,
Там, где берёзы и рябины,
И тихий пруд. За камышом
Я искупаюсь нагишом.
Грачиный грай и счёт кукушки
Я буду слушать на опушке,
В траве некошеной лежать,
За солнцем утренним бежать
Назад, домой, через малину…
Скатилась жизнь за половину.
Всё реже сны, всё дальше детство
И дом, где можно отогреться.

***

Зверею и плачу,
Лелею удачу
И в омуте тихом тону.
Мы те же собаки –
От драки до драки
С тоскою глядим на луну.
Такая же доля –
Тоска да неволя,
И в клетке закрыта душа.
Подкова на счастье,
Да в будни напасти,
И в праздники нет куража.
Но манит дорога
И глуше тревога,
И пусть будут годы не в счёт.
Есть остров у моря,
Оставим там горе
Пока не подранили влёт.

Проза

СВЕТЛАНА ПРОНИНА

Член Союза писателей России. Автор книг «Когда цветёт боярышник», «Улетели листья с тополей», «Свет белой лилии», «Тополь серебристый». Живёт в Белгороде.

ПУЛЬСАЦИЯ

Когда он покурил и вернулся в комнату, Даша, свернувшись калачиком, спала на диване, укутавшись в плед. Сергей неслышно подошёл и сел на стул рядом, стал рассматривать подругу.

Она лежала такая беззащитная, по-детски шмыгая во сне носом – всё никак не могла успокоиться после ссоры. Сергей посмотрел на её махонькие, почти детские кисти рук, на маленькие ступни ног с розоватыми пятками. Он нежно взял её руку и поцеловал. Даша не пошевелилась даже.

Но взгляд Сергея упал и остановился на Дашином виске, который озарялся светом летнего дня, льющего в щёлку штор. На виске через тонкую, просвечивающуюся, молочно-белую кожу было видно голубоватое русло, по которому протекала кровь. Кровь пульсировала, билась в висок, говоря о том, что жизнь идёт своим чередом. И Сергей почему-то остро почувствовал, что этот ручеёк под кожей может в любой момент прекратить пульсировать – жизнь человека так хрупка. Ему стало совестно, что согнал накопившееся на работе зло на ни в чём неповинную Дашу.

Всё глядя на висок, Сергей вдруг вспомнил сразу два стихотворения Марины Цветаевой, которые у него переплелись в одно целое:

Откуда такая нежность?

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Откуда такая нежность?
Я обращаюсь с требованьем веры

И с просьбой о любви.
Откуда такая нежность?

У него в носу даже защипало. «Ещё чего! Только заплакать не хватало!» – одёрнул себя Сергей.

Даша спала и казалась такой беспомощной и… такой родной.

Вдруг она открыла глаза и быстро села. Сергей взял в свою огромную ладонь её тоненькие пальчики и сбивчиво заговорил: «Ты, Даша, такая... такая! Короче, прости меня! Буду гадом, если ещё когда-нибудь в жизни обижу тебя! Клянусь!». И поцеловал её в висок.

Но утекло время, и вместе с тем летним днём уплыли воспоминания о мимолётных размышлениях. И он ещё не раз в жизни обижал Дашу, но при взгляде на ручеёк, пульсирующий на виске девушки, замолкал на полуслове.

Флоксы у заброшенного дома

Ушли в далёкое прошлое семидесятые годы прошлого столетия, когда начинали выделять белгородцам участки под дачи. На бывшем колхозном поле бурлила кипучая деятельность: народ вскапывал грядки, строил дачные домики, мастерил лестницы. Особенно по выходным здесь не умолкал человечий гомон.

Но утекло то время, ушли в прошлое тот порядок жизни и сами люди, жившие по его законам. Появились новые поколения, исповедующие совсем другой образ существования.

Иду по пустынным улицам, обильно заросшим подорожником. Под бременем времени-разрушителя и напором дождей и снегов домики покосились, заборы завалились, деревья с дури сиганули в облачную высь, грозясь не выдержать свой вес и рухнуть навзничь на землю. Только одичавшие фруктовые деревья стойко пытаются взлелеять никому не нужные свои плоды. Огороды и дороги заросли сорняками. Всё пространство захватил золотарник. Пейзаж навевает воспоминания о неоптимистических рассказах Рэя Бредбери.

Вокруг стоит оглушительная тишина. Куда делась вся живность? Не слышно шуршания травинок под ножками скачущих кузнечиков и несущих непомерную тяжесть муравьёв, цикады стрекочут где-то совсем в других краях, пчёлы жужжат иным цветам. Тишина абсолютная.

И этот золотарник, заполонивший весь окружающий мир своим солнечно-жёлтым светом… Куда ни глянь, насколько глаз может охватить пространство – всюду жёлтый цвет с купающимися в нём лучами полуденного солнца. Золотарник, или золотая розга, вымахал в высоту метра два, вытеснив своих соседей-сорняков, господствует здесь безраздельно. Жёлтые цветки в мелких корзинках, собранных в кистевидное соцветие, легко, бесшумно колышутся под летним горячим ветром. Гулкая дикая тишина наполняет мир.

Жёлтый – цвет солнца, и не зря цветы жёлтого цвета считаются символом радости и счастья. Но здесь от желтизны веет чем-то зловещим, особенно на фоне неизбывного безмолвия.

Иду и иду по солнечному безбрежному морю золотарника с вкраплением зелени – это сочные листья одиноких кустов и деревьев. Жёлтое, жёлтое, жёлтое…

И вдруг взгляд улавливает новое цветовое пятно. Среди жёлтого вдали виднеется что-то малиново-розовое. Подхожу ближе к полуразрушенному дачному домику и вижу, что у покосившегося крыльца цветут флоксы.

Душистые флоксы, сладкий аромат которых разносится по всему дачному участку. Трудно поверить в то, что всего триста лет назад эти цветы можно было встретить только на их исторической родине – в Северной Америке, потом они появились в Европе и только полтора века назад добрались до России. У нас флокс получил смешное милое прозвище «ситчик», потому у него может быть множество ярких расцветок – от белоснежной до фиолетовой. Кстати, есть очень интересная легенда об этом цветке, название которого в переводе с греческого означает «пламя». В ней говорится о том, что волшебный факел в руках Одиссея, победивший смерть при выходе из подземного царства Аида, превратился в цветок флокса. А ещё на языке цветов флокс означает согласие, поэтому букет из флоксов дарят в знак примирения.

Я стою и всё это вспоминаю, глядя на малиновые цветы и вдыхая их изумительный аромат. Собираю небольшой букетик для мамы, а остальные оставляю цвести и дарить летнему дню необыкновенный запах.

«Спасибо людям, когда-то посадившим флоксы! Спасибо природе, способной создавать такое великолепие, украшая нашу Землю!» – шепчу я, покидая затерянный мир на окраине города Белгорода.

СЕРГЕЙ ПОСТОЛОВ

Родился в городе Якутске. С 1966 года жил в посёлке Красногвардейском Белгородской области. После окончания филологического факультета БелГУ работал учителем русского языка и литературы в Покровской средней школе. Вот уже более трёх десятилетий живёт, работает и творит в селе Покровка Волоконовского района.

Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Белая криница», «Ромашка в сентябре», «Час осени», «Если я так хочу» и других.

В настоящее время руководит клубом авторской песни «Грань» при Покровском Доме культуры.

Земляника

Тёплым летним вечером выйди потихонечку,
Не скрипи калиточкой – не вспугни зарю.
Я тебе, любимая, золотую долечку
Молодого месяца подарю.

Тихо звёзды шепчутся, от ветров прохлада,
И, в лицо весёлое горячо дыша,
Прошепчу: «Мне, милая, ничего не надо,
Кроме счастья нашего, чтоб к душе душа».

Губы твои нежные пахнут земляникою –
Трудно эти ягодки по яркам искать.
Как связала нас любовь травкой-повиликою!
Крепко-крепко-накрепко, чтоб не разорвать.

Тёплым летним вечером выйди потихонечку,
Не скрипи калиточкой – не вспугни зарю.
Я тебе, любимая, золотую долечку
Молодого месяца подарю.

Икона

У старинной иконы стою,
Зажигаю свечу восковую.
Не прошу ни о чём, не молю.
А смотрю на неё, как живую.

Да, не все сохранились мазки,
Но она как приклеилась к сердцу:
Смотрят с липовой тёмной доски
Богородицы лик и Младенца.

В ней высокая боль да печаль,
Что веками копилась и зрела.
«Забирай её, внучек, не жаль!
Видишь, стёрлась да шашель проела».

Я забрал и икону хранил.
Протирал, чтоб она не пылилась.
Случай это иль Бог подарил,
Но она мне теперь пригодилась.

***

Молчание души. Что может быть страшнее?
Беззвучная свирель – кому она нужна?
И петлю вьёт судьба, примеривая к шее,
Как будто бы уже и участь решена.

Но в глубине души вдруг что-то шевельнётся,
И сердце, осмелев, сильнее застучит,
Надежду посулив, что всё ещё вернётся:
Рождённый робкий звук аккордом зазвучит.

Исток

Мир изменится к лучшему, если
Мы расчистим свои родники,
Что покуда ещё не исчезли
И струятся в истоках реки.

О, исток тихой речки забытый!
Да ещё поглумились над ним
Бесшабашно коровьи копыта
Вперемешку с бездушьем людским.

На селе ведь повымерли деды,
Те, что были к истоку нежны.
Все мы ихней дубины отведать
За предательство речки должны.

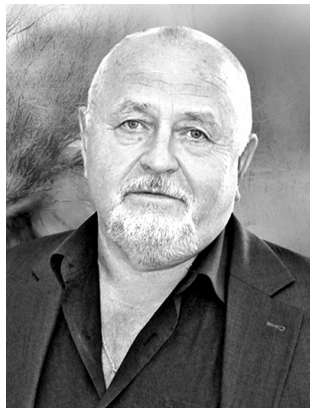
Вбили б в голову совесть и разум,
Раз уж словом никак не пронять,
И наладилось дело бы сразу –
Молодёжь начала б прозревать.

Делать стала, что Богу угодно:
Оградила б реки колыбель,
Смоляные тесовые сходни
Опустила б в святую купель.

Очищала б заросшие русла,
Убирала со дна топляки.
И спешили бы вовсе не грустно
В русло речки её родники.

Эй, селяне, вы духом воскресли
Видеть в этом и пользу, и прок?
По-другому, мы просто исчезнем,
Если этот загубим исток.

Проза



АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

Член Союза журналистов, член Союза писателей России.

Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета (1991). После службы в армии работал гидромелиоратором (1972-1973) в Шебекинском районе - пожарным (1973-1974), строителем (1974-1985). С 1985 года сотрудник Щебекинской газеты «Красное знамя».

Автор изданных в Белгороде книг: «Соседи» (1996), «Я молюсь за Россию» (2000), «Никто не уходит навсегда» (2003), «Вдоль по улице, да по Леоновке» (2007). Лауреат нескольких литературных премий. Живет в г.Шебекино Белгородской обл.

ВОЛЧОК

Теперь уже не узнать, почему ему дали такую кличку. Он своим окрасом, скорее, на крупную лисицу больше был похож, чем на волка, хотя морда у него овчарки и уши торчком. Длинный, пушистый хвост был, как и положено у дворняг, постоянно свёрнут в колечко, но тоже выглядел довольно необычно и наводил на мысли, что в предках у него ходили не только домашние «тузики» и «дамки», но и дикие представители русской лесостепной полосы.

Если бы Волчок мог, он много бы рассказал о том, как в своих снах он сталкивался с разными диковинными существами, внешне чем-то похожими на него и в то же время совсем для него непонятными, которые вызывали в нём и страх, и злобу, на которых хотелось лаять и рвать их в клочья.

Волчок не знал, сколько он живёт на белом свете, ему казалось, что он всегда был, как и всегда был этот двор, в котором он жил, дом, в котором жили его кормильцы, сарай, где хрюкали толстые, неприятно пахнущие существа, и подвал, где часто, особенно в тёплое время года, хранилась сваренная для него еда.

Волчок совсем не знал, что такое счастье, но зато ему прекрасно были известны боль и радость, особенно он любил, когда старый хозяин или

хозяйка, перед тем как положить в его миску еду, гладили его по загривку или спине.

Волчок был здоровым, жизнерадостным псом, который большую часть своей жизни сидел днём на цепи, а ночью, когда его отвязывали, носился по двору и заливисто лаял из подворотни на всех проходивших или пробегавших по улице живых существ.

Никакой иной жизни он не знал и не понимал, что она существует.

Однажды, в дни бесконечных холодных дождей, когда из конуры нос было не высунуть и Волчок сладко полудремал, по его телу прошла неприятная волна, пёс в тревоге вскочил, вылез из будки и завыл, сначала вой его был коротким, потом с каждым разом всё протяжнее. Выл он до тех пор, пока из дома не вышла хозяйка и не побила его старым веником.

После этого пёс пытался выть ещё несколько раз и всякий раз получал жестокую трёпку от хозяйки.

На второй день Волчка закрыли в том же сарае, где обитали неприятно пахнувшие, хрюкающие существа, но в другой его половине. Такое заточение в небольшом, полутёмном помещении было настолько непривычным для Волчка, что он поначалу растерялся, даже испугался, начал скулить, а потом опять взвыл. На сей раз наказание от хозяйки не последовало.

Сидя взаперти, Волчок слышал всё, что происходило во дворе. Его тревожили чужие голоса, их было очень много, шум моторов автомобилей, они то приближались ко двору, то отдалялись от него, хлопанье дверок. Особенно однажды Волчка смутили звуки голосов, чем-то похожие на те, что он сам издавал, когда выл. Однако они продолжались недолго, и вскоре во дворе стало тихо.

После этого Волчок больше никогда не видел своего хозяина – высокого и худого, с тихой ласковой речью, к которой Волчок любил прислушиваться, особенно в те моменты, когда хозяин гладил его.

А ещё через время исчезли куда-то и хозяйка, и во дворе появился молодой, громкоголосый, грубоватый человек, который сразу очень не понравился Волчку, несмотря на то, что новый хозяин дома кормил его и всякий раз при этом пытался что-то говорить ему.

Однажды, когда громкоголосый насыпал в миску еду Волчку и попытался его погладить, пёс цапнул громкоголосого за рукав куртки так, что порвал её. И тут же был наказан. Громкоголосый бил его куском чёрного резинового шланга так, что Волчок потом в течение недели лежал возле будки пластом, не мог подняться и не прикасался к пище. Он лишь лакал воду, иногда тихо скулил. Волчок стал бояться громкоголосого и ещё больше ненавидеть: он всякий раз рычал, оскаливал пасть при появлении нового хозяина, хотя при этом и припадал к земле.

Едва Волчок оклемался и громкоголосый сделал новую попытку погладить пса. И вновь Волчок не удержался, цапнул его за руку. И вновь был избит, причём избит ещё более жестоко и выброшен в старом рваном мешке на загородную свалку, куда громкоголосый привёз его в багажнике «Жигулей».

Волчку повезло: недалеко от свалки было болото, густо поросшее по краям мелким кустарником, и была вода. Ещё там была трава, которая Волчку стала просто необходимой на тот момент и которую он пожирал с жадностью.

Волчок, конечно, не ведал, что время можно измерять сутками, месяцами, годами, и потому он не знал, как долго приходил в себя, выздоравливал. После побоев он перестал совсем видеть одним глазом и не мог наступить на одну из задних ног. Однако он потихоньку набирался сил и уже стал добывать себе кое-какое пропитание. На свалке особенно часто попадались различные кости, ссохшиеся куски хлеба, а однажды Волчок раскопал среди мелкого хлама чуть ли не целую тушку сырой, издававшей неприятный запах курицы, которую он, выздоравливающий, проглотил в один момент.

Свалка была огромной. Из своего укрытия Волчок выбирался в тёмное время суток, потому что днём делать это было опасно из-за своры местных псов, которые обитали в основном на другом конце свалки, недалеко от вагончика, где жили смотрители, которые ежесуточно меняли друг друга. Псы бегали стаей, хотя часто дрались друг с другом из-за лучших кусков, особенно в те моменты, когда на свалку приезжали автомобили и люди выгружали из них содержимое. Волчок чувствовал, что ему нужно опасаться встречи с агрессивными чужаками, и потому был предельно осторожен.

Однако не всё зависело от него самого, машины выгружались не только в районе вагончика, но и в нескольких десятках метрах от того места, где хоронился Волчок. И тогда стая псов перемещалась на некоторое время сюда в поисках пропитания. Вожаком стаи был огромный серый пёс неизвестной породы, злой и сильный, с ним никто не осмеливался ссориться и даже не пытались посягать на его пищу.

Однажды, покопавшись в только что привезённых отходах и кое-чем там поживившись, стая двинулась к болоту утолить жажду. Волчок лежал чуть в стороне от места, куда продвигалась стая, под огромным корнем вербы, вывернутым то ли ветром, то ли временем из земли, скрытый молодым густым лозняком и высокой травой. Он не видел стаю, но знал, чуял, что она совсем близко, ибо ветер дул со стороны свалки.

Вжавшись в землю, Волчок был на страже, готов в любую секунду выскочить из своего укрытия и дать стрекача. Сегодня у него очень сильно болел выбитый глаз, и вообще он чувствовал себя весьма скверно. Ему хотелось скулить, но он всеми силами сдерживал себя, чтобы не нарваться на очень опасную для себя встречу. Он был чужаком здесь, а с чужаками стая не церемонилась.

Чёрная приземистая собачонка с порванным ухом выросла, словно из-под земли, рядом с укрытием. Испуганно остановившись, она начала заливисто лаять, опустив хвост и припадая мордой к земле. И тут Волчок допустил ошибку – вместо того, чтобы выбраться из своего укрытия и получить возможность к отступлению, он ещё больше вжался в землю. В это время к укрытию подбежали ещё несколько собак во главе с вожаком.

Поначалу ни одна из них не решалась сунуться под корягу, лишь злобно лаяли на все голоса, демонстрируя перед вожаком свою отвагу и преданность ему.

Первым решил проучить непрошеного гостя худой белый пёс с большим коричневым пятном вокруг одного глаза. Он сунул свою оскаленную морду в укрытие и тут же с визгом отлетел в сторону. Стая мгновенно ещё больше озлобилась, вой и лай усилились, стали истошными.

Волчок, забыв о болячках, забился ещё глубже под корягу, ждал очередного нападения. Больше всего он опасался вожака, который подходил всё ближе со стороны, где вербная лоза была реже.

Ударившись перебитой задней лапой о что-то твёрдое, Волчок взвыл и хотел было уже выскочить из своего укрытия, но в тот самый момент на грунтовой дороге остановилась машина и послышались громкие людские голоса. Стая бросилась врассыпную.

– Э-э-э, вон они кого тут терроризировали! А я думал, зайца, – сказал невысокий мужчина в кепке своему напарнику, у которого лысина отсвечивала на солнце, словно зеркало.

– Он какой-то полудохлый, и с глазом у него что-то.

Лысый ткнул под корягу тонким сухим прутом.

Волчок зарычал.

– Гляди-ка, огрызается, значит у него ещё не всё потеряно.

– Ладно, ну его! Пошли отсюда.

Когда машина отъехала, Волчок выбрался из своего убежища и, скрываясь в густой траве, вдоль болота побежал в сторону города.

И опять ему повезло. Ночью он вышел к гаражам, где стояли два контейнера – один из них был для пищевых отходов, и он был переполнен так, что кое-что валялось рядом с ним.

Подкрепившись и отдохнув, Волчок двинулся на поиски родного подворья.

После того дня, когда громкоголосый выбросил его полумёртвого на городской свалке, Волчок всё время хотел вернуться назад и только лишь слабость и болячки мешали ему это сделать. Волчок тосковал без родного подворья, оно ему снилось по ночам, снились старые хозяева, которые внезапно куда-то исчезли. Волчок чувствовал, что подворье где-то совсем близко, и он не ошибся. Едва только начал брезжить рассвет, как он уже был у запертой калитки. Обнюхав всю нижнюю часть забора и, не найдя возможности попасть во двор, Волчок свернулся калачиком и уснул у входа.

Спал он крепко, и разбудил его щелчок замка отпираемой металлической калитки. Волчок вскочил и радостно залаял, но тут же отскочил в сторону: он увидел громкоголосого, который, в свою очередь, с недоумением смотрел на Волчка. Громкоголосый скрылся во дворе, но вскоре вновь появился на улице с тем же резиновым шлангом, которым он совсем недавно изувечил пса, и начал подманивать его к себе. Волчок отбежал от громкоголосого ещё дальше. Громкоголосый не выдержал и швырнул в Волчка шлангом. Промахнулся. Поднял шланг, снова швырнул и побежал за Волчком. Бежал недолго, вновь поднял шланг и пошёл домой.

Недалеко от подворья, в котором ещё недавно жил Волчок, проходила железнодорожная ветка, с одной стороны густо поросшая деревьями и кустарниками. Там и схоронился Волчок.

Ему хорошо видно было из своего укрытия, как через время громкоголосый выехал на машине из гаража, обошёл машину со всех сторон, осмотрел и куда-то уехал.

Поздно вечером он видел, как громкоголосый возвратился домой.

Так Волчок жил в течение нескольких суток: днём спал в зарослях у железнодорожного полотна, ночью бегал в поисках пропитания к мусорному баку, возвращался к родному подворью и укладывался спать у калитки. Иногда он лаял, если видел невдалеке от своего дома пробегавших кошек или проходивших по своим делам незнакомых людей. Когда Волчок несколько раз особенно долго лаял, то видел, как в доме вспыхивал свет, хлопала входная дверь, тогда Волчок на трёх лапах убегал в своё укрытие.

В тот вечер Волчок был особенно голоден, ночью не удалось ничем поживиться, контейнер был пустой, накануне приезжала машина и увезла его содержимое. Волчок тревожно дремал и терпеливо ждал ночи, когда можно будет выйти на очередной промысел.

Шум мотора грузового автомобиля привлёк его внимание. Из кабины вышли громкоголосый и ещё один человек с ружьём. Они закурили и стали смотреть в сторону посадки.

– Ты иди, выгоняй его из кустов на меня, – сказал незнакомец и выбросил окурок.

– А выстрел громкий будет? – спросил громкоголосый.

– Ерунда, я ведь дротиком заражённым стреляю. Всё будет тихо. Если попаду, собака побежит, и чем быстрее она будет бежать, тем быстрее яд собаку парализует.

Громкоголосый удовлетворённо кивнул головой, тоже выбросил свой дымящий окурок и полез в кусты.

ОЛЕГ ТАРАСОВ

Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета. XXI век», «Алтай», в коллективных сборниках белгородской студии «Слово». Автор книг «Боги войны в атаку не ходят», «Шёл октябрь десятый месяц» и других. Живёт в Белгороде.

ПИМАНЫЧ, ГРЫЗУНЫ И КОШКИ

Сухонький невзрачный Пиманыч сонно шаркает по крыльцу тусклыми, потрескавшимися калошами. Его ранние шаги собирают кошек – корм от хозяина вещь должная и незыблемая. «Кончилась вам благодать!» – вдруг ворчит старик и очень нехорошо теребит ногой пустую кошачью миску. Оставив в полном недоумении хвостатое семейство, кряхтит и пристраивается на гниловатую, осевшую ступеньку. Не без удовольствия закуривает, с лукавым прищуром глядя на встревоженных котов.

Пиманыч смотрится старее своих шести десятков, истрёпанней. Много неухоженности в нём: свалявшиеся остатки седин; облезлый от ветра и солнца нос – будто расшелушённое варёное яйцо. Походка хоть и без прежней бодрости, зато в глазах молодецкий озорной блеск возьмёт да и сверкнёт – значит, придумка какая-то Пиманыча одолевает. Впрочем, обычный он сельский мужичок: не слишком милосерден, не чересчур жесток. Зарезать свинью или быка ему дело рядовое, однако куража над животиной сроду не допустит.

Тает у Пиманыча папироска, а дворовые постояльцы места себе не находят: ластятся, заискивают. Гонит их лениво старик: «Захребетники. Не дождётесь тяперича провианта...» Захребетники не желают верить ни ушам, ни глазам – раздувают от голода ноздри: где же харч?! «Тому и быть!» – поднимается с крыльца старик.

Голодовку, по его мысли, кошачье семейство заслужило верно – вчера в коровнике узрел он крысу, радостно, без всякой опаски выглядывающую из-под пола. «Хорошенькое дело! – возмутился Пиманыч, вперившись в наглую тварь. – На дворе четыре кошки, а крысы строем ходят!» Что увиденная крыса экземпляр не штучный – даже не гадай: заприметил одну, считай в партизанах ещё пяток. А коль расплодилась крысиная орава под самым кошачьим носом, значит, потеряли его хищники природный инстинкт.

Вот и решил Пиманыч через голодную науку им охотничье призва-

ние возродить. В молоке отказывать не стал, не живодёр подчистую морить – эмалированная щербатая миска раз в день наливалась по самые края, но кроме молочного привета от коровы семейству кошачьих больше ничего не перепадало.

Крепко урезанный рацион кошки приняли без восторга и долго не могли взять в толк, отчего земля перестала вокруг них вертеться. По-прежнему кидались на скрип двери, с двойным усердием ластились к хозяйским ногам и, разглядев безуспешность лизоблюдства, заявляли о своих голодных мучениях надсадным криком.

Комичнее всех суетился годовалый кот по кличке Швед. Рыже-белый, худой, с некрасивым остро закошенным носом, прозван он так был за великую трусость: задний ход включал чаще переднего – при малейших угрозах. «Как швед под Полтавой, – с неизменной презрительностью поглядывал на его отскоки Пиманыч. – Готов от муравья пятиться!». Швед он и есть швед – врождённый трус и попрошайка. Голодом околеет десять раз, а в сарай за добычей его не загонишь. Ему бы цилиндр в лапы, он с этим цилиндром сидел бы от зари до зари да клянчил на пропитание.

Впрочем, одёрнуть самого Пиманыча насчёт еды Швед не опасался, особенно с посадкой на диету. Едва старик возникал на пороге, молнией он метался от хозяина к миске и обратно, словно не доверял ни глазам своим, ни нюху. Ему мерещились то брошенные в посудину куски свинины, то рыбёшка в руках Пиманыча, то с нетронутым мясом кость. Боясь упустить воображаемое довольствие, вертелся Швед быстрее своего полосатого хвоста, но увы – вкусные миражи отказывались материализоваться.

Вторым днём, не устояв перед позывами голодного желудка, Швед отчаянно ворвался на кухню в надежде поживиться прямо с хозяйского стола. Получив от благодетеля крепкий пинок, кот в криках и возмущениях вынесся обратно. Понимай Пиманыч кошачий язык, он бы услышал, как Швед записывает его в смертельные враги до конца своей жизни.

На Симона – эту странную помесь сибирских и сиамских кровей – Пиманыч даже авансом не возлагал надежд. Красив, пушист до белой переливающейся искры, но калека – что с него взять. Симон покинул материнское чрево суровым январём. Кошка втащила новорождённого в дом на загрубелой от холода пуповине – тот уже прилично помёрз и звонко стукался о ступени слабым крошечным тельцем. Приплод без особой горести посчитали пропащим и оставили на усмотрение родительницы. Но слепыш за печкой отогрелся, ожил, а кошка перегрызла ему пуповину и, не дожидаясь человеческого участия, выходила.

То ли по врождённой натуре, то ли вследствие родового стресса оказался Симон упёртым меланхоликом – настоящей жизни он предпочитал сновидения и день-деньской дремал на крыльце. Охотничий инстинкт у зимородка никогда не давал о себе знать, и даже к готовой миске красивое, но вялое чудо природы приходило последним.

Теперь Симон – об этом сообщали его безмятежные лазоревые глаза – полагал, что сбой с провиантом есть временное недоразумение, которое скоро разрешится само собой. «Не чухаешь, братец, тему!» – вздохнул Пиманыч в ответ на искренние заблуждения калеченного кота, но послаблений устраивать не стал.

По двору болтался ещё Васька, вполне матёрый и самостоятельный кот. Ваське не было указа: он шастал далеко по округе, не боялся собак и влезал в кошачьи разборки – отчего ходил вечно драный и царапанный.

При всей вольности перемещений Васька от стола не откреплялся и в повадках «ласкового теляти» замечен не был – за что имел хозяйское уважение. Старик уважал бы Ваську выше всех, если бы не Лизка.

Ах эта Лизка! Не очень-то крупная самка, собравшая в свой пятнистый окрас все цвета, способные враз проявиться на кошачьей шерсти, – от чёрного до палевого, – верховодила во дворе строго и безоговорочно. Тотальное господство её держалось не на положенных самке прелестях, а на ловкости и редкой отваге. Затрещины налево и направо, от которых кошаки только успевали нырять по сторонам, числились у Лизки самым обычным делом. Даже Васька, приходя из свободных краёв, где он ощущал себя не последней тварью, вынужден был убавлять своё мужское достоинство. Иначе зарабатывал такую порцию оплеух, что какое-то время ползал по двору ниже травы.

Пиманыч любил наблюдать, как строила Лизка кошачью братию, и одобрительно кивал: «Ах ты ж атаманша! Ах бестия!.. И верно, Лизка, верно! Пусть знают дисциплину – мешки с помётом!». Частенько сажал зеленоглазую бестию на колени и гладил с любовью, от души. Лизка отвечала тем же – урчала, тёрлась, с преданностью заглядывала в хозяйские глаза.

Но сейчас, на третий день диеты, Пиманыч и к Лизке держит равное отношение. Прилипчивый квартет таскается за хозяином и цыганским хором голосит – то просительно-проникновенно, то настойчиво и гневно. «На зубок что-нибудь перепадёт в конце концов?! – вопрошают их круглые, готовые разразиться слезой негодования, глаза. – Мяска или рыбки?».

Пиманыч, полный равнодушия, садится сгорбленно на ступеньку, дымит себе папиросой. «Мясо там бродит!» – оттопыривает он на коровник большой палец. Кошки прикидываются, что человеческий язык для них инопланетная тарабарщина, и даже не смотрят в сторону окопавшегося крысиного войска.

– Вот вам тогда, язвы! – Пиманыч складывает из натруженных пальцев кукиш.

С причитаниями о тяжкой доле несчастные кидаются к хозяйке – угрюмой и носатой, а та лишь с удовольствием выговаривает: «Может, со двора сгинете, приблуды!» Как ни странно, сердечное хозяйкино пожелание приблуды понимают верно и перед носатой Пиманихой больше ни о чём не заикаются.

И хоть вылизывают животины молочную миску до блеска, худоба является тут как тут. Пора приспосабливаться к горю на свой лад. Пиманыч только раскрывает рот, глядючи, как Швед двумя лапами ловит бабочку и с удовольствием ею хрустит. «Эге! Да ты у нас не Швед, а чисто француз, – удивлённо восклицает старик. – Бабочек да устриц морде твоей заграничной подавай!»

Полубольной Симон обретает в характере живинку, прежде в нём невообразимую: бойко зыркает лазоревыми глазами в желании засечь какой-нибудь съедобный продукт да и лапами двигает шустрее прежнего. Васька, подлец, остаётся сам себе на уме – каждым утром после крушения всех надежд он недовольно виляет драным хвостом и на день исчезает с голодного двора.

Полностью кошачье царство собирается только к вечерней молочной миске, которую Пиманыч специально ставит перед входом в коровник – цитадель, которую надлежит очистить от неприятеля. Вполне прямой намёк коты игнорируют – спешно, суетливо лакают молоко и подаются

прочь. Пиманыч гневно смотрит на задранные, трясущиеся хвосты, полные гордого к нему презрения, ворчит:

– Потребители! Зорька вас кормит, а в коровник хоть бы кто сунулся! Хоть бы кто в благодарность крысу придавил. Не-ет! Они по лежакам. Они за бабочками!

Хозяйские увещевания ничего не меняют – задранные хвосты, как и прежде, маячат гордыми независимыми флагами. «Я не я, и хата не моя! Да?» – с обидой кричит старик вслед бродяге Ваське, что после молочной трапезы невозмутимо прыгает на забор – к воле!

Но среди полного равнодушия лучик света всё же вспыхивает: Лизка, постояв в оцепенительном раздумье, уходит в коровник мягкой сосредоточенной походкой. Зоркий Пиманыч отмечает, как она пристраивается в засаду, и его лицо озаряет радостная улыбка.

Любимица не подводит – ранним утром на крыльце лежит дохлая крыса с оскаленными мерзкими зубами, длинным хвостом и – к хозяйскому удивлению – приличных размеров! Кошка стережёт трофей и заглядывает старику в глаза: «Этого ты хотел, душа моя?». Ответ Лизка знает и заранее сияет радостью: охота открыта удачно.

– Ах ты ж, Лизочка! – с нежностью воркует Пиманыч, суетливо шаркает калошами и тут же в благодарность несёт остаток жареной рыбы. Коты от подарка атаманше исходят желудками, таращат на свет недоумённые глаза и взывают ко всем известным кошачьим богам о справедливости.

Хозяин тычет в дохлую крысу:

– Учитесь, твари!

Проходит ещё неделя. Беспомощность самцов очевидна: их продовольственный горизонт выше молочной миски так и не раздвигается. Лизка же запросто выкладывает на порог дома целых пять крыс. Швед и Симон пялятся на её жертвы, как на чудо, на всякий случай с опаской и издалека. Зато когда Пиманыч чешет удачливую охотницу за ушами и кормит мясом, чуть не плачут от зависти.

«По справедливости, балабоки! – специально громким голосом отвечает Пиманыч. – Потому как пользы от вас никакой. Смотри, Лизка, не заваргань от них потомства!». Лизка понимает хозяина – с блаженством закатывает от чесаний глаза, урчит: «Близко не подпущу!».

Два дня крыльцо пусто. Лизка встречает Пиманыча с чистой совестью: «Нет больше добычи!» и получает поесть. Кошаки каким-то образом чуют благотворную перемену, с небывалым оживлением толкуют Пиманычу: «Когда ж ты поймёшь, что крысы до единой словлены?!».

Старик это понимает и новым утром выносит еды для всех. Миска, куда единолично пристраивалась Лизка и куда троица уже зареклась подходить, полна куриных потрохов. Пиманыч в благодушии тычет папироской – «Налетай, балабоки!». Лизка наваливается без раздумий, с аппетитом, кошаки же робко крадутся, на всякий случай опасаясь хозяйских оплеух. Старик, однако, миролюбив.

Завидев по маршруту долгожданное спокойствие, балабоки наперегонки скачут к куриным потрохам – и предатель Васька, и перекованный во француза Швед, и даже беззащитный Симон. Для приличия коты гневно шипят друг на друга, но их взаимные угрозы быстро переходят в дружное чавканье.

Голодовка закончилась.

СЕРГЕЙ ТАШКОВ

Член Союза писателей России. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина. Живёт в Белгороде.

***

Всё чаще мне мерещится дорога –
старинная, без рельсов и столбов.
И облако над ней как выдох Бога,
и мягкий свет заката как любовь.

Ни годы, ни века над ней не властны,
и в тех пределах стелется стезя,
где старые дела уже напрасны,
а новые начать ещё нельзя.

Смиренный странник, выхожу и знаю:
меж небом и землёю нищ и наг,
я – блудный сын, а путь – к родному краю,
и трудно сделать только первый шаг…

***

Желтизна на ветках – не наряд,
это, под холодным ветром наги,
окружённой осени горят
самые секретные бумаги.

И не зря поэт, где темнота
под стволами прячет жар нетленный,
тихо бродит, остриём зонта
разрывая пепел драгоценный.

***

Дрожащий куст, холодный холм,
ручей, трепещущий без волн,
завеса мелкого дождя –
и час, и два, и погодя.

Струями мягкими волос
я к мокрой зелени прирос
и медленно во мгле вечерней,
мне показалось, умер вчерне.

Но, растворяясь, я постиг,
ручей, обрыв и ельник редкий:
они – мои живые предки,
а я их музыка и стих.

БАБОЧКА

Это – живопись в полёте,
складня лёгкие эмали,
гость, которого не ждёте,
хоть всю жизнь его прождали.

По оси души и тела,
симметрично боли вещей,
в сердце бабочка влетела
и трепещет, и трепещет…

ДЫХАНЬЕ МУЗЫКИ

Ещё не близкая,
уже не дальняя,
порою слышная, порою нет,
меня окутала, как ночь бескрайняя,
и я дыханием её согрет.
Дыханье музыки,
дыханье музыки –
недосягаемо она проста,
когда под звёздами
в калитке узенькой
переливается
из уст в уста.

У громкой музыки
свои поклонники.
Моя – таинственна,
как вздох легка;
свеча, зажжённая на подоконнике,
мне одному видна издалека.
Дыханье музыки,
дыханье музыки
с моим сливается
тесней, родней.
В плену у музыки
блаженны узники,
и не расстанусь я
вовеки с ней.

НАТАЛЬЯ БУХАНЦОВА

Заведующая экспозиционным отделом Белгородского литературного музея. Живёт в Белгороде.

«Душа Поэзии живая…»

30 июля 2020 года поэт Геннадий Островский вместе с друзьями, родственниками, собратьями по перу мог бы встречать свой 70-й день рождения. Но судьба распорядилась иначе. 12 декабря 2002 года его земная жизнь закончилась.

Бегут по улицам ручьи,
Играют, ластятся, хлопочут…
Я жив ещё, друзья мои,
И праздную рожденье строчек!

Я приглашаю вас ко мне
О вьюгах вспомнить и о Блоке,
И чтоб дышали ВАШИ строки –
В неравнодушной тишине! –

Бесстрашные, как сам народ,
Свободные, как даль земная,
В которых нас переживёт
Душа Поэзии живая…

Родился Геннадий Островский в селе Майна Маинского района Горьковской области. В 1953 году семья Островских: Владимир Ильич, Анна Ивановна, братья Геннадий и Олег – переехала в Белгород. Детские годы навсегда остались в памяти поэта особенным временем его жизненного пути.

(Из детства)

1

…И зной. И хочется воды,
И луг с горячими цветами,
И пахнут радостно цветы,
И ветер веет над лугами,
И светит мамино лицо,
И солнце плещется в кринице,
И тихий вечер на крыльцо
С тобою рядышком садится…

2

У дома тополь опадает,
Вдаль улетает самолёт,
И мамочка бельё стирает
И что-то тихое поёт.
И голубей высоких стая
Летает – белая, как снег,
И ветер стих.
И я не знаю,
Чем жизнь кончается у всех…

3

Туманом луг сырой объят,
Берёза дремлет у откоса.
И пахнет огненный закат
Густым дымком от паровоза.

А даль насквозь обнажена,
И звёзды вспыхнули,
Как свечки,
И я один,
И тишина
Волнуется у синей речки…

Не однажды Геннадий Островский будет создавать поэтические картины, воскрешая годы детства; будет создавать светлые образы своих родителей, которые в жизни для него были не только родными по крови, но очень близкими по духу людьми. Особенно это ощущается в стихах-диалогах, в которых поэт обращается к родителям, уже ушедшим в мир иной.

В день рождения мамы

В твой день рожденья плачу я.
В окне – ни проблеска, ни света.
И как поздравить мне тебя,
Когда тебя на свете нету?
Прости меня, коль слышишь ты…
Не слышишь… Но, как дух, витаешь.
Да искоркой из темноты
Меня спокойно утешаешь.
Я поброжу один во тьме,

Утру докучливые слёзы.
...И так торопятся к тебе –
Две приготовленные розы!

Соловей
Отцу
Как любил ты рассветную песнь соловья,
Самого удалого соловушку!
Как ты, радости светлой своей не тая,
Всё качал поседевшей головушкой!

Разом канули годы твои в никуда…
А весною, как только смеркается,
Через поле покойное, через года
До сих пор соловей заливается…

В Белгороде Геннадий Островский окончил среднюю школу, поступил в Белгородский политехнический институт (филиал Всесоюзного заочного политехнического института). Был призван в армию, служил на Краснознамённом Черноморском Флоте. С 1972 по 1980 годы работал аппаратчиком на Белгородском витаминном комбинате, пожарным. С 1980 года – бетонщиком хозрасчётного участка треста «Белгородстрой».

Публиковаться начал во время службы в армии. Это были флотские газеты «Флаг Родины», «Крымский комсомолец». С конца 1970-х годов активно печатался в областных и центральных газетах, в региональном журнале «Подъём», во всесоюзных журналах «Октябрь», «Огонёк», «Пограничник», в коллективных сборниках «Приметы», «Молодые голоса», «Слово о бойце»; в альманахах и журналах «Тверской бульвар, 25», «Роман-журнал XXI век», «Светочъ». В наследии поэта четыре стихотворных сборника: «Возвращение», «За весенними птицами», «Белый холм», «Старинные снега», «На единственной земле». Книги издавались в Воронеже, Москве и Белгороде.

В 1970 – 1980-е годы Геннадий Островский – молодой литератор, выпускник Литературного института имени Максима Горького – активный участник литературной жизни страны. В 1979 году он участвовал в работе 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей и получил рекомендацию на издание второй книги стихов «За весенними птицами». В этом же году он был приглашён на литературный вечер, посвящённый юбилею журнала «Октябрь», где выступал со своими стихами. В 1980 году участвовал во Всесоюзном семинаре молодых поэтов, пишущих для детей и подростков, в Ленинграде. Его стихи для детей в разное время публиковались в журнале «Костёр». Геннадий Островский читал свои стихи в Политехническом музее – в том самом легендарном зале, где в 20-е свои стихи читали Владимир Маяковский и Сергей Есенин, а в 60-е звучали голоса Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадуллиной и многих других знаменитых поэтов. В декабре 1983 года Островский был принят в Союз писателей СССР. И в Белгороде, и в Москве голосовавших против не было. Случай почти беспрецедентный для тех лет.

Конечно, хорошо знали поэта и в литературном мире нашего края. Он посещал знаменитую литературную студию «Современник» И.А. Чер-

нухина. Позднее сам руководил литературным объединением «Надежда» при Дворце культуры Белгородского витаминного комбината. Его стихи знали наизусть, он был желанным гостем во всех читательских аудиториях, становился центром внимания на любых литературных встречах. Работал литературным консультантом областной молодёжной газеты «Ленинская смена». Принимал участие в Днях литературы на Белгородчине.

Однажды Л.Н. Толстой заметил: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». И в жизни поэта многое было не так гладко, оврагов хватало. Молодого поэта упрекали в излишнем рационализме, заданности, усложнённости, литературном формализме. Версификационная небрежность, однообразие ритмов, бедность рифм, неряшливое использование метафор, сравнений, аллегорий, сомнительная образность – и это далеко не всё, что обнаружил в стихах Островского один из критиков, чья статья была опубликована в журнале «Знамя» в 1983 году.

Замечания и укоры иной раз были действительно небезосновательны, и, очевидно, они пошли на пользу автору. Он неустанно работал над стихом, постепенно освобождаясь от всего ложного и наносного, обретая свой почерк, свой голос.

Другу-поэту

Сожмись в комочек и терпи
Весь этот бред, летящий в души.
Скажи душе своей: не спи!
И только даль родную слушай,
Да в небо звёздное гляди,
Парящее над тихим кровом,
И что там будет впереди –
Не назови случайным словом;
И пусть слова в ночной тиши,
Плоть на бумаге обретая,
С твоей взволнованной души,
Как листья с дерева, слетают…

В стихах Геннадия Островского и философское осмысление жизни, и добрая улыбка, и здоровый юмор; находим строки, воспевающие русский пейзаж; чувствуем доброту, страстный любовный порыв, глубокую русскую тоску, напряжение, тревогу. Порой за сдержанностью и строгостью поэтических строк ощущаем острую боль, удивительную отзывчивость на человеческое горе. С особым тактом, без лишних «ахов» и «охов» обнажает поэт своё сердце.

Старуха

Хромая, желтолицая
И древняя, как храм…
Прикручены тряпицами
Калоши к башмакам.

Прошла, как призрак, рядышком
И тенью обожгла…

Куда ты, горе-бабушка,
По февралю пошла?

А нынче ветер северный,
Глядишь, повалит с ног.
Уже снежок рассеянный
Забился в узелок.

И долго так маячило
В толпе её пальто.
…Стою и тихо плачу я,
Чтоб не слыхал никто.

Стихи Островского волнуют доверительностью, душевным откровением, а самое главное – необычной свежестью поэтических красок. «Точные, глубокие по мысли строчки легко запоминаются, звучат как афоризмы», – в одной из своих статей отмечал поэт Игорь Чернухин. В читательскую душу из стихов Островского переселяются и живут образы, свидетели нашей беспокойной современности.

Снег на базаре

Над всей жратвою распродажной
И нищенскою суетой
– Купите снег, – я крикну, –
граждане!
Вот он – кружится надо мной!
Вам только надо обернуться
И в жизнь случайную свою
Влюбиться!
Сердцем улыбнуться –
Всё за улыбку отдаю!
…А снег летел – на кур, на водку –
И наплывал, и волновал,
И приставал к лихим молодкам,
И прямо в губы целовал.

А снег валил – и на бананы,
И на кокосы райских стран…
(Лежали б рядом обезьяны –
он бы валил на обезьян).
А снег взвивался то и дело,
Кружился, ластился, мелькал,
И приглашал на танец белый,
И танцевал, и танцевал.

А снег – дразнил,
хмелел
и плакал…
Потом
До самой темноты

Лежал повсюду на прилавках,
Как позабытые цветы.

Был этот снег всего дороже!
И словно знал,
Летя сюда,
Что он, как мы,
Умрёт,
И больше
Его не будет никогда…

Лишь на просторе лирический герой Геннадия Островского обретает себя, свободу, находит вдохновение, переживает умиротворение.

Ночной ветер

О чём шумишь ты, ветер поздний,
О чём поведать хочешь нам
Среди холодной ночи звёздной,
Скитаясь дико по холмам?
Я выйду в ночь, где шум тревожный,
Где листья липы и трава,

И у деревьев придорожных
Услышу вещие слова –
О том, что в сердце отболело,
О первой радостной любви,
И пусть моё застынет тело,
Как руки белые твои, –
Я буду знать, что будет в мае,
Зачем темно по сторонам,
О чём шумят, не умолкая,
Ночные ветры по холмам…

Холмы, поля, дали, равнины, дороги, леса – этим образам отдаёт предпочтение автор. Между землёй и небом герой находит своих настоящих друзей, хороших попутчиков, добрых собеседников.

Притаились холмы под луною ночной,
Разошлись вековые просторы.
Тишина… Я один. Только ветер ночной
Затевает со мной разговоры.
Засвистит он во тьме над моею душою –
И зайдётся душа от испуга.
Ветер, громче свисти! В этой жизни земной
Никогда не понять нам друг друга…
(«Ветер»).

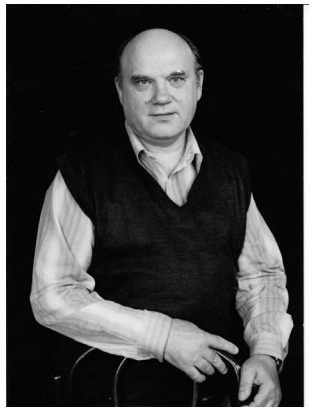
Ах, как мне хочется обнять
Метель, летящую над полем

И вместе с нею говорить
О том, что трудно нам обоим…
(«Ах, как мне хочется обнять»).

С годами поэзия для Геннадия Островского становилась естественной необходимостью, хлебом насущным, воздухом, жизнью. Именно она наполнила его духом прозрения и пророчества. В последние годы своей земной жизни, когда поэт вёл замкнутый, почти отшельнический образ жизни, редко появлялся на людях, только поэтический дар поддерживал его дух.

Поля и холмы исходив и излазив,
Как вор осторожный в богатом дому,
Тяжёлой дорогой, разбухшей от грязи,
Я вновь возвращаюсь к себе самому…
Пусть я пропаду, пусть мой голос надтреснет,
Но ветер молчит у меня за спиной,
Пока я хочу величальною песней
Приветствовать всё, что случилось со мной.
И горбится книзу кривая дорога,
И кто-то свистит, что уже не успеть…
Мы все – в полувздохе от Господа Бога,
Так что же теперь напоследок не спеть!
Бессмертье души… И простора безбрежность
С глухими лесами по обе руки.
Пусть к горлу прильнёт запоздалая нежность

И кажется вздохом,
Как те огоньки
В кромешной ночи за седыми холмами,
Как шёпот крыла у слепого птенца…
И снова задышит земля под ногами,
И выплывет свет дорогого лица…
Я руки раскину, как дерево ветви,
Я буду как небо – простором богат,
Пока надо мной восходящие ветры
Сквозь синюю мглу до небес долетят…



ВАСИЛИЙ ЛИМАНСКИЙ

(1945 – 2016)

Член Союза писателей России, поэт. Печатался в областных газетах, в журналах «Наша жизнь» (Москва), «Наш современник» (Москва), «Роман-газета XXI век» (Москва), в альманахе «Светочъ», в коллективных сборниках. Автор поэтических сборников «Отдалённая гроза», «Поздние цветы» и других.

***

Как в детстве в мамины объятья,
В траву густую упаду.
Берёзки-сёстры, клёны-братья,
Принёс я к вам свою беду.
Как хорошо лежать и слушать
Природы вечный разговор.
Она, как сон, врачует душу
И красотой ласкает взор.
Её загадочные чары
Берут меня в счастливый плен.
И легче мне сносить удары
Нежданных горьких перемен.
Как поле вешнее, надежда
Оттаивает от тревог.
И край родной родней, чем прежде,
И тайной в сердце входит Бог.

***

Когда наполненный печалью,
Мир утопал в людской крови,
Христос родился, как начало
Великой Веры и Любви.
И не Его вина, а наша,
Неоспоримая вина,
Что зло живёт и скорби чаша
Ещё не выпита до дна.

***

Живу, как пёс бездомный.
Болит душа, болит…
А рядом мир огромный
Сияет, как болид.
Кого-то счастье нежит.
Кто стать богатым смог.
А мне – увы! – всё реже
Надежду дарит Бог.

***

Любовь и вера – жизни остов
Средь океана суеты.
Однажды болью сладкой, острой
Тебя пронзят до немоты.
И вдруг поймёшь, что ты не волен
В душе желания убить,
Что лишь одною страстью болен –
Любя, любимым тоже быть.

Моя религия

Моя религия – Россия.
Ей изменить – что в землю лечь.
И мой удел: пока есть сила,
От чёрных сил её беречь.
Она и в горе, и в разрухе,
И в дни побед – моя судьба.
Я весь пропитан русским духом,
Как деревенская изба.
Куда бы жизнь ни заносила,
Я верил, быть концу дорог.
Моя религия – Россия,
И как алтарь – родной порог.

***

Странный вечер… Взгляды, речи…
Ты – моя и не моя.
Жаль, не вечен праздник встречи.
Мы вздыхаем, боль тая.
Будь что будет! Всё забуду.
Всем капризам уступлю.
Что мне судьи – Бог и люди!
Я живу, пока люблю.

***

Срок минет, и земную службу
Закончу я среди людей.
Мне смерть протянет руку дружбы,
и я не отведу своей.
Простят ли мне живые люди,
Что бед невольных был виной,
Как жаль, что горя не убудет
С моим уходом в мир иной.

НАТАЛЬЯ САВЕЙКОВА

Поэт. Стихи публиковались в коллективных сборниках «Воздушные чернила», «Оскольская лира», «Первый взгляд», в альманахе «Поэзия», в «Антологии современной литературы Белгородчины». Автор поэтических книг «Имя твоё», «Неведомые письмена», «Звучащая радость», «Свет вечерний» (2015).

Живёт в Москве.

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУГ МОЙ…

Прошлое возвращает мне звуки, голоса, запахи. Память прихотливо сшивает эти воспоминания в лоскутное одеяло. События всплывают, переплетаются, как им вздумается… Чаще всего те, которые происходили в «белгородский период» моей жизни.

В очередной раз перечитываю книги, которые стоят на одной полке вместе, вперемешку, книги ныне здравствующих и уже ушедших. Среди них есть и книги Юры Литвинова: «Записки Сказочника», «Игры облаков», «Происки прозы», «Три ри», «Две книги стихотворений»… Им он успел порадоваться, подержать в руках.

Открываю книгу «Высокая скворечня», которую Юра уже не увидел, и снова, и снова читаю строки:

Здравствуй, друг мой беспечальный,
Это я – твоя печаль!..

И я с головой, словно в омут, погружаюсь в эту печаль, грустные и радостные времена юности.

«Как хочется прийти к чему-то!»

О Юре Литвинове, как и о каждом из друзей, невозможно рассказать, не упомянув о тех, кто был рядом. Друзья посвящали друг другу стихи, ссорились и мирились, влюблялись, уезжали и возвращались...

В Белгороде проходили занятия литературной студии «Современник». Их вёл поэт и прозаик Игорь Чернухин, язык не поворачивается сказать «руководил студией», хотя в то время он возглавлял писательскую организацию. За его плечами были и литературный институт, и джезказ-

ганские лагеря… Он говорил о наших «творениях» не свысока, а по-дружески, с юмором, иногда жёстко. А мы запоем читали свои и чужие стихи, спорили до хрипоты и о литературе, и о жизни.

В двухтомнике «Между прошлым и будущим…», изданном в 2012 году, Игорь пишет: *«Из студии "Современник" впоследствии вышло немало хороших профессиональных литераторов… К сожалению, далеко не все одарённые студийцы дожили до публикации своих поэтических и прозаических творений…»*

О каждом из друзей – поэтов, «современников», участников литературных семинаров – можно написать много добрых и тёплых слов, с некоторыми из них я до сих пор поддерживаю дружеское общение, но нереально втиснуть в воспоминания более 40 лет жизни… Да, наверное, и не нужно.

Первыми студийцами, с которыми я познакомилась, были Гена Островский, Юра Литвинов и Витя Мерзляков. Неподражаемые, талантливые, разные, сложные, настоящие.

Навсегда врезалось в память стихотворение Юры, написанное в те годы:

Я дождь не утренний – вечерний,
хотя и начался с утра.
Не верю, что уйти пора,
топчусь – гонец без поручений.

Меня разбили фонари
на разобщённые струи.

Устал я к цельности стремиться,
я куча перьев, но не птица,
не рыба – куча чешуи.

Вечерний надоевший дождь.

Как хочется прийти к чему-то!
И тянешься до той минуты,
пока средь ночи не поймёшь,
что падаешь,
а не идёшь.

Вспоминаются шумные посиделки до утра у кого-нибудь из студийцев или в мастерских наших друзей-художников и беззаботная, весёлая вольница выездных семинаров молодых литераторов.

После студии мы частенько шли гурьбой в мастерскую Сергея Ташкова и Стаса Дымова. А мастерская находилась рядом с кукольным театром, где работал Юра Литвинов. Или – домой к Юре и Тане Литвиновым – на Портовую, 58, где засиживались до полуночи и, за разговорами, уничтожали все хозяйские запасы. Нередко дневали-ночевали у Саши Филатова, частенько засиживались и у Гены Островского… Заглядывали на огонёк к Игорю Чернухину, в 80-е ставшему не только учителем, но и другом.

…А в начале 90-х годов закончилась история «Современника». У каждого из студийцев сложилась своя судьба, иногда драматичная. В 1990 году не стало Вити Мерзлякова, в начале 2000-х – Гены Островского, Саши Машкары и Коли Душки, в 2013 году – Юры Литвинова. 28 апреля 2017 года ушёл из жизни и сам Игорь Чернухин… Круг замкнулся.

В одном из последних писем Чернухин написал мне: «*Вспомнились, как чудесный сон, теперь уже далёкие дни и годы студии «Современник», годы нашей молодости… Боже, Боже, как летит время!.. Как мало нам его отпущено на этой горестной земле!.. Всё, что было после «Современника», не хочется вспоминать… После не было уже той, как мне кажется, радости, чистоты в душе, того восторга молодости и свободы в сердце…*»

«Делиться радостью я не считал за труд…»

Портовая, 58 – не адрес, а точка в пространстве, в которой пересекались пути-дороги поэтов, прозаиков, актёров, художников и просто хороших приятелей.

Кто только не собирался у Литвиновых! И Юра щедро делился друзьями, радушно знакомя всех друг с другом. Радостно встречал, шутливо провожал, энергия и фантазия бурлили, выплёскиваясь в мини-спектакли домашних вечеров (актёр! поэт! сценарист! сказочник!), философских размышлений, дополненных юмором и озорством, изрядной долей самоиронии…

В стихотворении «ПОРТ 58» он пишет:

Птицы над садом,
Дом у дороги,
Друг в палисаде
Четвероногий.
По два оконца
В три стороны,
Эти для солнца,
Те для луны.
Ну и для ветра,
Что с юга несёт
Податью щедрой
Весну каждый год.
Слива, берёза,
Черешня, сосна,
Яблоня, роза,
Сирень, бузина –
Всё вперемешку
Сажали без спешки,
Сойка орешки,
А ёж сыроежки.
Что-то, как видно,
Взрастить позабыли,
Но безобидно
Жили и были.
Вроде бы поровну
Всё здесь делили.
В каждую сторону
Раз, да сходили.
Вы-то откуда?
Пришли, так входите.
Двери покуда
Чуть-чуть притворите.

В конце 70-х – начале 80-х я часто бывала на Портовой, 58, порой оставаясь с ночёвкой. Потом приезжала из Старого Оскола и Москвы и нередко жила подолгу.

Автобус, который останавливался рядом с домом Литвиновых, ходил редко. А конечная остановка маршрута – городское кладбище. По этому поводу было много дурацких и, казалось бы, безобидных шуточек. Кто тогда мог предположить, что оно станет последним приютом Юры…

Чаще всего я шла пешком, всего-то четверть часа! И неспешное путешествие словно готовило к встрече.

Воспоминания, как фотовспышка, выхватывают из тьмы то каштан, растущий у дома, то кота по кличке Хозяин, вальяжно устроившегося в юрином кресле… Таня нередко исполняла под гитару песни на стихи студийцев и поэтов Серебряного века. А однажды Юра берёт в руки флейту, и её звуки вторят танинному пению… В 80-е поток гостей уменьшился, и случались чудесные вечера для долгих разговоров и дружеского общения.

Об одном из таких вечеров я позднее написала:

Дивный запах скипидара,
Голос флейты и гитара…
Шелест книг в ночной тиши,
Где не будет ни души
Чуждой.

Родители Юры возвели большую пристройку к дому, где был оборудован рабочий кабинет. И там же находились открытые стеллажи, до самого потолка, с книгами, иногда редкими. Их можно было читать только в кабинете, чем я с благодарностью пользовалась.

Юрий Литвинов

Портовая, 58
М. Дьяченко, Т. Литвинова, В. Стариков,
Ю. Литвинов, Н. Савейкова

Ю. Литвинов и С. Ташков

Конечно же, наше общение не было «улицей с односторонним движением». Литвиновы приезжали ко мне и в Старый Оскол, и в Москву. Но меня всё чаще преследовала тоска, особенно после ухода из жизни родителей, по родственной душе, тоска по дому. И при первой возможности я приезжала в Белгород, где меня всегда ждали…

В последнюю встречу Юра сделал мне роскошный подарок: только ему известными тропами он провёл меня от Портовой до театра кукол, затем мы заглянули в областную библиотеку, где я работала после окончания Московского института культуры… Потом долго бродили по городу, который неузнаваемо изменился. И ближе к вечеру пришли в гости к Игорю Чернухину…

Воспоминания – это бесконечная дорога домой. Только нет уже того Белгорода, где прошла юность. Поэтому болью отзываются в душе строки из стихотворения «Слепой судьбы прошёлся частый гребень», написанного ещё в 1981 году (напророчила!): «И не к кому будет приехать, // И нечего будет сказать!».

Большинство поэтов знают многое: и о времени, и о своей будущей судьбе. Мучительное чувство надвигающейся разлуки – предчувствие-предвидение – ощущается в стихотворении Юры Литвинова «Я здесь».

Опять я тоскую по отчему краю.
Сижу средь его неухоженных пашен,
Курю папиросу и не понимаю –
Куда это запропастились все наши?

Земли и воды, даже неба хватает.
Пусть ветер свистит, но не так уж он страшен.
Корова стоит – никого не бодает.
Куда и зачем разбежались все наши?
Какой ещё воли,
какой ещё доли
Искать, если вечно за пазухой пусто?
Сижу среди пашен без хлеба и соли
И грею под сердцем последнее чувство –
Любовь.
Хоть её огонёк не погашен.
А вдруг на него и потянутся н а ш и.

«Вечных не помня долгов и вчерашних предательств…»

Мы жили в своём мире, где царили поэзия, хорошие книги, живопись... Он почти не соприкасался с другим, существующим параллельно, миром официоза, комсомольских собраний, пафосных призывов. Мы были молоды и счастливы, с ощущением полной свободы, несмотря на то, что пристальное внимание «компетентных органов» многим сломало судьбы.

Однажды прихожу на Портовую, Юра встречает у порога и радостно рассказывает о рукописном журнале, который они с Сергеем Ташковым задумали для всех приходящих. «Надо сначала зарегистрироваться!» – весело говорит он, предлагая новую игру-действо, в которую непременно надо было включиться. Видя, что я в нерешительности смотрю на большую тетрадь, говорит: «Ну, напиши хоть что-нибудь!». Пишу: «Савна, сестра милосердия». И записываю первое вспомнившееся стихотворение…

Обычная большая тетрадка со стишками или шутливыми записями… Но этот рукописный журнал сотрудники «идеологического управления», курировавшего деятелей культуры, квалифицировали как «самиздат». Дальше всё происходило как в плохом шпионском детективе: в мою комнату в общежитии постучали, и я получила приглашение «на беседу», о которой «никому не следует сообщать»…

После четырёхчасового «диалога» ключ в двери повернулся, и мне было сказано с нескрываемым раздражением: «Можешь идти, но помни – твоя книга (рукопись уже лежала в издательстве) никогда не будет напечатана».

В тот момент эти слова меня нисколько не волновали. Посмотрела на часы: наверняка, ребята сейчас в мастерской Ташкова и Дымова, которая была рядом с кукольным театром, а дневной спектакль уже закончился.

Юра, хмуро улыбаясь, сказал: «Не переживай ты так, нас тоже вызывали». Сидели и гадали, кто доносчик. Явно, кто-то из часто бывавших на Портовой…

С изданием книг в советские времена всегда было сложно, а уж после такого предупреждения и мечтать об этом не стоило. Но всё же мы встретились с Юрой под общей обложкой коллективного сборника «Первый взгляд», где были опубликованы его стихотворения «О песня русская...», Долгий праздник, «Здравствуй, любимая...», «Двое». В сборник также вошли четыре моих стихотворения и произведения других студий-

цев: Виталия Волобуева, Александра Машкары, Виктора Мерзлякова, Анатолия Форова, Елены Шуваловой.

Благодаря счастливой случайности моя тоненькая книжечка стихотворений, несмотря на угрозы, всё-таки была издана.

В начале 80-х по ряду личных причин я уехала из Белгорода к родителям в Луганскую область. И вскоре позвонила редактор из Воронежского книжного издательства: «Скажи спасибо Завражину, он отстоял твою книгу. Скорее возвращайся на Черноземье». Иван Завражин, рецензент книги и секретарь Липецкой писательской организации, посоветовал: «Куда угодно, только не в Белгород». Так я оказалась в Старом Осколе. Там жили Таня Олейникова и Саша Машкара, они приютили меня после вынужденного переезда.

А книга Юры Литвинова так и не вышла…

Если в 70-х – 80-х годах «непечатание» его книг ещё как-то можно было объяснить, то в 90-е – принять происходящее уже было сложно. Одна за другой публиковались книги студийцев: Людмилы Чумакиной, Геннадия Островского, Виталия Волобуева, Михаила Дьяченко…

Юра писал много – «в стол», до лучших времен… Писал стихи и рассказы, сказки-притчи – ироничные и философские. Отсутствие книг его тяготило и удручало, истощало творческую энергию:

Ничего не хочу – сыт по горло
всем, чего только можно хотеть.
Будто к стенке стеною припёрло –
не стерпеть!..

Разумеется, стихи появлялись в периодических изданиях и коллективных сборниках. Печатали и рассказы, и сказки, и публицистику. Особенно порадовала его публикация в русско-германском издании «Другие люди».

И только в 2001 (!) году практически одновременно вышли его первые книги «Записки сказочника» и «Две книги стихотворений», а через два года «Происки прозы». Слишком поздно… Сколько сил и здоровья было затрачено на ожидание этих самых «лучших времён»!

«Себе другому я всю жизнь иду навстречу…»

В 1986 году я переехала в Москву, и началась моя многолетняя переписка с Литвиновым, которая не прерывалась до его последних дней.

Бережно храню его письма (и рукописные, и напечатанные на машинке, и присланные через Интернет). Письма, написанные с неповторимой интонацией, иногда это мини-рассказы, письма-размышления, шутливые комментарии. Читая и перечитывая их, я слышу его голос…

Вот отрывки из некоторых писем, где Юра пишет о жизни театральной и не только, о литературе вообще и поэзии в частности.

01.11.1986

Рады, Наташенька, что ты откликнулась. Я уж было подумал, не поменяла ли ты место жительства – с молодожёнами это частенько случается…

Мы нынешний год провели в бесконечных разъездах. Суди сама: Валуйки – Алексеевка – Житомир – Киев – Кодра – Белгород – Москва – Ленинград – Симферополь – Алупка – Львов – Кривой Рог, а завершим сию эпопею в славном граде Старом Осколе, куда отправляемся 9-го ноября с недельными гастролями, везём – кстати – спектакль, поставленный по мой пьеске «Жили – Били – Поживали» (это винегрет в стихах на темы самых детских русских сказок: «Колобок», «Курочка Ряба» и «Кот Котофеевич»).

Обещают вскорости гонорар заплатить, я, обрадовавшись скорому обогащению, сразу же влез в долги и купил себе новую пишущую машинку. Матерею.

Впрочем, сочинять некогда – очень много контрольных работ задали первокурснику ВГИКа. Даже письма полновесного позволить себе не могу, пишу этакие «информашки», от которых самого смех разбирает…

21.10.1987

Вот уж не думал, что такое возможно в октябре-месяце: две недели светит солнце и дует ветер до одури однообразный – юго-восточный, но самое неприятное – довольно сильный и резкий. Листву с деревьев обдирает, прежде чем она открасуется. Нет красоты в подобной осени, одна оскомина, да ещё польза – свёклу с полей вывозят посуху.

Писать не могу, не хочу, а стало быть, не пишу. Такое впечатление, будто умер, лежу под полутораметровым слоем песка и глины и звуки жизни слышу очень, очень приглушенно. Какие-то бу-бу-бу, гыр-гыр-гыр, а кто и о чём, и кому, и зачем – не понять. С небывалой остротой чувствую отравленность, загаженность и развращённость природы, ещё больнее – озлобленность гражданского населения… Беспощадность в суждениях и взглядах такова, что скоро вместо зонтиков надо будет носить громоотводы.

В районе Масловой Пристани набухает потихоньку флюс водохранилища, или водохоронилища, как тебе нравится. Мне не нравится никак, уж очень богат опыт – горький – других подобных «морей», которые становятся то болотом, то помойкой, то источником заразы…

Чувство бесполезности и ненужности заставляет меня избегать бумаги. Правда, сделали мы с Ташем[1] одно письменное дельце – сочинили для нашего театра пьеску «Смоляной бычок». Для самых маленьких по мотивам русских сказок и потешек.

20.01.1989

Не думай дурно обо мне, Наталья. А если думаешь, то перестань немедля! Жив я, покуда. Пишу вот. А то, что мог бы сделать это и пораньше – другой вопрос. Жизнь такова, что описанию не поддаётся, вот и сторонюсь бумаги…

В местном отделении Союза писателей избрали десять дней назад нового секретаря, теперь им стал Вик. Белов, а замом В. Жуковский. Организация сия, как видишь, «у последней черты».

Сам я там же.

Регулярно публикуюсь на страницах «Ленинской смены» – статей-

1 С. Ташковым

ки, рецензийки, информашки… Кроме этого пошаливаю рифмованием в стиле «сатиры», но без опубликования. Вчера вот срифмовал:

Когда жирует рыбья стая,
Над нею нету вожака.
А если в сети попадает,
За этот промах отвечает
Отдельно каждая треска.

Правда, замечательно?

16.02.1989

Эх, Наталия, москвачка ты наша, что же ты такое вымыслила – написать письмо из Старого Оскола людям, которые только и мечтают увидеть тебя, да обнять, да покалякать с тобой в домоседской обстановке. Зачем дразнишь? Не хорошо это. Хотя, конечно, претензий особых нет – причины не заехать уважительные, кроме того в головах наших достаточно понимания, что и ты всегда рада случаю повидаться. Что ж, отложим этот случай до апреля–мая. Не болей!

У нас на Портовой родился новый жанр, «кухонная поэзия», это то, что сочиняется на кухонном столе в ожидании закуски… Один из опусов я тебе высылаю для веселия сердечного, остальное – года за три – на обрывках и клочках хранится за печкой. Так что новое течение – винореализм, например, – будет плясать от печки.

Остальное ерунда. Не стоит внимания. Тихо, глухо и противно, как и век назад. Власть предержащие куражатся, только теперь уже под перестроечными лозунгами. А общественное мнение родиться не может, ввиду отсутствия общественности: все мы, поставленные в условия, где всё даётся по талонам, справкам и удостоверениям, слишком дорожим личным благополучием и местом в очереди…

Прости, если письмо вышло нудноватым, это я периодики перечитал малость. Сегодня возьмусь за Пушкина, может, полегчает.

28.12.1994

С Новым годом, Наталия! С Рождеством Христовым! Рад, что ты жива, а значит, есть надежда, что всё уладится уже в этой жизни. А то загробную так долго ждать, все глаза проглядишь, пока заметишь избавительницу Смерть на горизонте.

Скажи, шуточки у Юруточки…

Но ты не обращай внимания, из нас, из жителей театра кукол, в канун Нового года и Рождества выкачивают столько положительной энергии, что порой на самых близких её, положительной, уже не остаётся. Но для тебя я чуть-чуть зажал в правом кулаке, ибо в неправом зажата сигаретка.

Высылаю тебе «Мостище» (аж 16 полос!), посвящённый 30-летию Белгородского С.П. Я там был, но сбежал рано (в 23:00), почувствовав, что самое интересное случилось лет 15 тому назад, когда мы были молоды и наивны. Подробности торжественного вечера (театр кукол был на нём

светлым пятном на сером фоне) и банкета (он был вообще без светлых пятен) изложу при личной встрече, которая – надеюсь – состоится в начале апреля, когда мы «стартуем» на корабле «Да!» в третий раз. Если воз-можности приехать не предвидится, сообщи заранее, чтобы я не «гнал волну» в прессе.

Геннадию привет и наилучшие пожелания. Пусть не серчает на жизнь и не ворчит на тебя. Жизнь и ты – это лучшее, что он мог найти на этой Земле.

21.03.1995

Получили мы сегодня от тебя, Наташа, весточку. Очень рады, что дела с книжкой продвигаются в нужную сторону (тьфу-тьфу-тьфу).

Если у тебя будут возможность и желание, приезжай. Мы упраздним официальную часть и сразу отправимся в подвальчик, где соберём друзей и перечитаем всё новое и всё любимое. Попоём, пообщаемся.

Через два дня на базе театра проводим праздник «Здравствуй, книжкина неделя», а 27-го марта – Фестиваль детских театров кукол «Парад сказок». В обоих праздниках я завязан основательно, как их «крёстный отец». А ты ведь знаешь, как наказывается у нас инициатива. Я и сценарист, я и постановщик, я и член выездного жюри и т. д., и т. п. Короче, верчусь на пределе моральных и физических сил. Люблю, когда много работы, но не люблю, когда поперёк лежит чья-то глупость. Впрочем, это долгий разговор, а времени у меня нет.

Прости, что письмо получилось коротким. Я его затеял с единственной целью – сообщить, что мы тебя ждём.

До свидания. Сообщи, когда ждать! С любовью мы.

24.09.1998

Наталия, голубушка, не серчай на меня, лентяя, разгильдяя и насовсем выпавшего из времени. Мы о вас помним, и это главное. Что же до писем, то даже Рождественских открыток никому давно не посылаем. Окуклились мы с Танюшкой. Высовываемся из кокона лишь под давлением людей и обстоятельств очень уж настойчивых и веских.

О моём нежданном посещении Германии Людмила[2] тебе, верно, рассказала. В конце июля столь же нежданно попал на «Оскольскую лиру» в качестве помощника Волобуева (вели мастерскую поэзии).

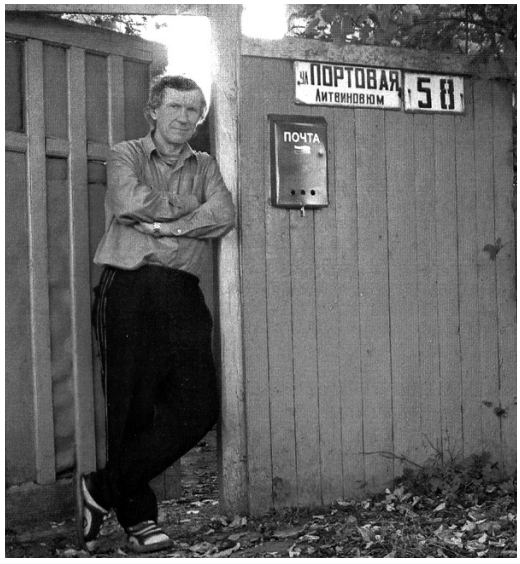
Сейчас готовимся к открытию 33-го театрального сезона. Работы завались, денег не дают. Смеёмся. А что делать?

Почти ничего не сочиняю. Пишу сценарии и статейки для газет (если попросят). Творчеством это не является, лишь переводом казённой бумаги и чернил (казённых же!). Экономия.Посылаю тебе книгу Саши Филатова. А ещё кое-что из моих последних стихов (не считая половины «горьких вздохов»).

Всё реже можно было обнаружить в почтовом ящике письмецо, а то и пухлый конверт с фотографиями и вырезками из газет, содержащими белгородские литературные новости. Но Юра был «компьютерный» человек, быстро освоил премудрости Интернета и электронной почты,

2 Л. Чумакина

что давало возможность обмениваться новостями гораздо проще и быстрее. Письма по-прежнему были обстоятельными и глубокими, во вкладках – стихи, рассказы, фотографии…



26.06.2011

Ну, вот и я! Вытащил себя за чуб из будней и устроил праздник – чтение новых стихотворений Наталии Савейковой… Душа моя улыбчивая, Наталья, спасибо! Если получится, то приложу тебе свой крайний стих...

Ай, не буду предварять.

Просто новости: В мае побывали на фестивале, получили приз за лучшую музыку в спектакле (она того стоит!). А с 10 по 15 июня наш репертуар отсматривали критики – крутейшие в кукольном мире. Театру поставили «хорошо с минусом», а Танюшке Литвиновой за моноспектакль «Гуси-лебеди» – «пять с плюсом». Нат, я даже не знал, что такие комплименты бывают на этом свете... Но у Танюшки всё одно грусть-тоска-депрессия, кошки капризничают, собака не слушается и муж чихает-кашляет-скрипит и оступается на ровном месте...

08.03.2012

Спасибо, Нат, за поздравление тёплое и слова нежные!

И тебя с праздником, если празднуешь. С радостью, если радостно!

И с весной, хочешь ты этого или нет, а лыжи пора прятать за буфет.

Вот тебе для веселия душевного фото с рожицами знакомыми: мы с Танюшкой встречаем Новый 2012 год – без шума и пыли, а помнишь, какие новые годы были?

Но после встречи нового века всё таким мелким кажется...

Особенно дороги последние письма Юры. Он активно работает над рукописью новой книги, строит планы на будущее…

01.04.2013

Вот тебе большая первоапрельская ШУТКА (по объёму, а не по качеству).

Сама разберёшь, что к чему? Там и прохоровские чтения с памятником Пушкину (видимо, он в Прохоровке таки бУв). И кое-что с Портовой, и с презентации двухтомника И.А.[3], и 26 марта 2013, когда мы с Танюшкой покидаем больницу, – в объятия Деда Мороза...

А тексты в другом письме – поправить не успел... Голова какая-то не родная... Кто я?

3 И. Чернухина

До!
сви
да
ни
я!!!!!

А! Вот тебе ещё шуточка – текстовая.

КРЕПКАЯ ДУМА

Что мы ляжем – будем делать?
С кошкой пёрышком играть?
Телевизор презирать?
Телефону враки врать?
Или отдыхать всем телом?
Вот вопросы! Но ответ
мы искать не станет нынче,
конь не ржёт, дитя не хнычет,
локтем в бок жена не тычет,
и всё так же бесконечен
и беспечен белый свет.
А немного поваляться
в воскресенье, это – право –
не пустяк и не забава.
Накопленье сил, чтоб браво
от работы отбиваться
в понедельник утром рано
и бежать легко и рьяно
вновь в объятия дивана,
снова лечь и снова тихо
там ленивой думой двигать…
думой крепкой, думой смелой:
нет греха, коль нету дела.

1 января 2013 года
Скворечня

05.04.2013

Ага-ага! Знакомые мотивы! Ладно. Будем читать! А то ещё и цитировать (когда за душой ни шиша!!!!).

Вот тебе ещё несколько фото с юбилея Танюшки, коль скоро ты её 100 (СТО!!!!!) лет не видывала. За комментариями на Портовую, 58!

И спасибище за красоту лиц и пейзажей.

Мы вместе!

13.04.2013

СПАСИБО за редакторский зуд, мне, кстати, редактора в данный конкретный момент работы над рукописью и не хваТАТ! Не вычитано было – спешил исполнить обещание, вот и собрал впопыхах отдельную торбочку… Всё исправил! Хоть сбрасывай тебе свою рукопись…

Ну, до свидания!
И покупай билет до Белгорода.
На июнь, конечно, когда:

Середина июня

Малина зреет. Тишина в саду.
Рты заняты и руки в сладком соке.
Среди двора,
на самом солнцепёке
варенье варят.
Первое в году.

Прилипла ложка к блюдцу, где цветут
и увядают розовые пенки,
воздев победно усики-антенки,
там осы тигробрюхие снуют.

Гирлянда банок с раннего утра
украсила штакетник востроносый,
упрятана в них будет до мороза
целебная
июньская
жара.

14.04.2013

Будешь смеяться – моя рукопись 13-я на очереди!!! Да ещё в 13 году. Так что время есть. Разложу всё по частям да и вышлю... Пока!

В электронной почте сохранился мой ответ на два последних письма Юры:

С удовольствием всё просмотрела… Вечер выдался уж очень хороший, добротный такой, хорошо думается и пишется. Но как ты написал: «Голова какая-то не родная...».

Словно ангелы, хлопья летят
и парят над землёю.
Что ж поделать нам, брат,
с твоей и моей головою?
Вместе песню ли спеть,
чтоб утихли все боли?
Чаем душу согреть,
отпустить птиц на волю?
Пусть летят к берегам,
где весна милосердна…
Вслед горючим снегам
распускаются вербы…

«Ветер с неба» читала несколько раз (и заметь, по доброй воле).

С первых строк «Здравствуй, друг мой беспечальный, Это я – твоя печаль…» – приворожил. И, как за дудкой крысолова, до конца – вон из города за «На сон грядущий», «Второй исход из приюта», «По вешкам», «Шаги»...

Но вот: «Картины звуков (полночный напев)»! Одна строка перетекает в другую: «вплести нить флейточки альтовой». И главное не понятно, как это сделано! Красиво, а не приторно, «царица тишина» нашептала. И с другой стороны – единым выдохом… Как тебе работается?

Боженька послал мне несколько дней свободных от работы, хотя и дал взамен (для раздумий) простуду. Но эту странность даже Люда давно заметила: «Ты, когда болеешь, много пишешь». А потому что вся шелуха выгорает. И много-много свободного времени – и выспаться, и подумать, и душе поработать. Вот и переписываю набело черновики. Ну на то они и черновики, чтобы их переписывать заново.

А всё из-за тебя, друг ты мой бессонный.

Не хворай. Танюшке привет.

Юра так и не успел окончательно поправить рукопись книги, над которой он работал до последних дней, пока хватало сил. 19 мая 2013 года закончился его жизненный путь.

…Книга вышла только в июле 2014-го, больше года прошло после его смерти.

«Птичье горло моё перехвачено нитью силка…»

Последние годы Юра словно играл в кошки-мышки со смертью, предчувствуя, что времени отпущено слишком мало:

Как жаль,
что жизнь настолько быстротечна
Вся вытечет,
найдётся друг сердечный
Тогда,
когда на ней поставят крест…

Из многих стихотворений, которые я посвятила Юре, он особенно любил то, что было опубликовано в книге «Звучащая радость»:

Сколько лет мы не виделись,
брат мой по духу и крови?
Как, дружочек, живёшь
и о чём твоя дума сейчас?
Проводил меня в мир
и все годы держал наготове
круг спасательный – нить,
единящую нас…

…Износилось до дыр моё тело,
как ветхое платье,
и латают прорехи врачи,
надеясь на опыт земной.

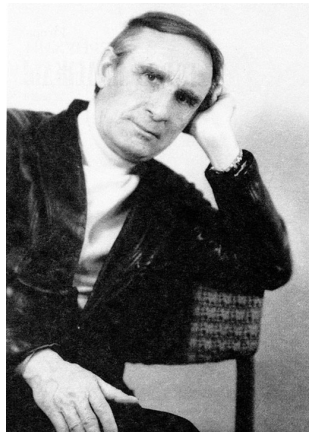
Ты же, брат мой возлюбленный,
знаешь любые заклятья:
вот и смерть отошла,
только горб не исчез за спиной.

Нам, калекам увечным,
не спрятать ни язв, ни уродства.
Мы затем и пришли,
чтобы нас узнавала толпа.
И морочит, и бесит её
наше явное сходство,
и печать роковая,
и венец драгоценный
вкруг лба.

Снова и снова читаю строки из стихотворения Юры Литвинова, открывающего его последнюю книгу «Высокая скворечня»:

Вновь за счастьем – за моря,
Вновь за радостью – за горы!
Воротишься ты не скоро,
А воротишься, так зря.
Край родимый не осудит,
Только здесь уже не будет
Ни скворечни, ни гнезда –
Всюду голых веток сети,
На помин о щедром лете –
Дух гнилых плодов в садах.
С кем тут радость разделить?
С кем здесь счастье половинить?
Над крестом в сухой полыни
Только слёзы лить да лить.
До свиданья, друг печальный,
Это значит не прощай…

Друг и поэт ушёл в свои сказочные миры, ушёл туда, где веет ВЕТЕР С НЕБА…



ИГОРЬ ЧЕРНУХИН

(1930 – 2017)

Поэт, член Союза писателей СССР и России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почётный гражданин Яковлевского района. В 1975 году создал и до 1990 года возглавлял литературную студию «Современник». В 1970–1972 и 1980–1987 годы был ответственным секретарём (руководителем) Белгородского регионального отделения Союза писателей РСФСР. Лауреат премии Белгородского обкома ВЛКСМ, Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле», награждён медалью «За заслуги перед землёй Белгородской» 1-й степени.

Ранние звезды

Выходя на дорогу, душа оглянулась…
Ю. Кузнецов

Не поздно, не поздно, не поздно
Душой оглянуться назад,
Увидеть, как ранние звезды
Глядят на осенний закат.

Как свет их далёкий и грустный,
Струится над далью полей,
Услышать, как ветер над Русью
Развеял печаль журавлей.

Как звук их высокой молитвы
Звучит ещё в сонной тиши,
Вещая далёкие битвы
Во имя славянской души.

Не поздно, не поздно, не поздно
Ещё оглянуться назад…
Мы тоже, как ранние звезды,
Глядим на осенний закат.

Мы светим и падаем тоже
В осеннюю стылую тьму
По дьявольской воле и Божьей
И таем, как искры в дыму.

Но видим за далью долины,
И слышим небесную речь,
И лёгкая тень паутины
Над нами проходит, как смерч.

Гроза

Обошла меня молния мимо –
Я на землю сухую ступил.
– Что ты плачешь, душа-Серафима? –
Гром небесный меня не убил
.
Он лишь рядом пронёсся свирепо,
И его золотая змея
Распорола тяжёлое небо
И сожгла на ветле соловья.

Я от яркого света ладонью
Закрывал поминутно глаза,
Но меня обдавала водою
И наотмашь хлестала гроза.

И тогда я в отчаянье крикнул
И в сердцах обругал небеса.
Кто-то вдруг тихо засовом скрипнул –
Огнь угас, только дождик плясал.

Я устало побрёл по заречью
К твоему очагу и теплу,
А гроза, громыхая, далече
По добру уходила и злу.

…Я пришёл, как из старого фильма,
Что крутили лет тридцать назад.
– Ты меня не ждала, Серафима?..
– Проходи… Я ждала тебя, брат…

Исход

Покоя нет и воли нет…
Раздора
Горит костёр… Мир слепнет от огня,
И Судный день, должно быть, грянет скоро:
Господь к ответу призовёт меня.

Что я скажу, печальный странник, Богу? –
Земной свой путь как оправдать смогу?
– Покой и воля, говоришь?..
И строго
Бог скажет:
– Всё на левом берегу…
Взгляну на левый. Чуден мир забвенья! –
Там в земь уходят ложь, навет, молва.
На правом же – какому поколенью
Морочат ум лукавые слова?
Иду на левый. Гаснут небо, звёзды.
На левом – лес и ночь… кричит сова…
– Уже не рано, но ещё не поздно:
Молись, молись…–
Шепнёт у ног трава.
Очнусь… Ворота
Ада или Рая?
Окончив путь, что ночи был черней,
Душа голубкой белой замирает –
Не смерть страшна,
Страшна дорога к ней.

ЛЮДМИЛА ЧУМАКИНА (РАДКОВСКАЯ)

Поэт. Автор книг «Стук в дверь», «Оттенки», «Днесь», «Дневник сиделки», «В году двенадцать декабрей» и «Плюс-минус жизнь». Стихи публиковались в альманахах «Поэзия», «Воздушные чернила» и других. Автор рассказов, эссе, рецензий, воспоминаний, публиковавшихся два десятилетия в журналах, еженедельниках, газетах Москвы и Белгорода. Л. Чумакина включена в двухтомную энциклопедию «Русская Литература. XX век», второй том («Критика») с указанием книг, критический материал на которые публиковался в московской периодике. Живёт в Москве.

«Приют, что на Портовой…»

Это не портрет и не биография! Это о Юре – из памяти моей – то, что в сохранности! В семьдесят лет писать о молодости, когда взгляд стал суше, а язык неповоротливее, – опасно. Нужно поменять угол зрения, чтобы безошибочно обозначить ту явь, те эмоции, те настроения… Я говорю о середине семидесятых (и дальше), как раз о том цветущем «личном» времени, когда мне было далеко до тридцати, и я ощущала себя ровесницей тех, кто моложе на пять-восемь лет, и это безоговорочно принималось. Самое первое знакомство с Юрой произошло в литературной студии, где нас (незнакомых) сошлось за столом человек семь, и Чернухин Игорь Андреевич (проницательнейший человек) предложил нам (каждому) прочитать любимое стихотворение из чужой поэзии (а нам, конечно, не терпелось вывалить в его уши горы своих первых неуклюжих сочинений!), поэтому для нас это был неожиданный ход!.. Кто-то замешкался, кто-то отказался… Помню, что Витя Мерзляков вытащил из кармана листочек со стихами… Симонова, а Лена Шувалова прочла… Щипачёва, Аня Колтунова – что-то «былинное». Мне повезло больше – я знала наизусть пушкинское «Погасло дневное светило», которое долго читала не без смущения (в то время юным казалось, что Пушкин это что-то допотопное), но Чернухин просиял, и последнюю строфу, не удержавшись, прочёл со мной дуэтом и, «помолодев», сказал, что именно это сам читал на «вступительных» в Литинституте.

Запомнилось, что Юра прочёл Вознесенского, которого я в те поры знала на память премного, а посему сразу отметила из всех – Литвинова. Все мы были взволнованы, определяя лидеров, присматриваясь друг к другу и ликуя, что причастны к литературе и нас называют «студийцами»! От этого первого чувства, что у нас теперь есть настоящая студия «Современник» с настоящим большим поэтом во главе, – атмосфера была доброжелательной. Мы были наивны, невежественны, «чушь прекрасную несли»… – и полюбились этим нашему мудрому «князю Игорю», в котором «души не чаяли»! Юра был умным и весёлым. Он говорил ярко, возбуждённо, ища глазами соучастия и понимания. Жизнь у нас была насыщена творчеством, а всё прочее, что называлось «работой», «службой»… и занимало большую часть недели, – мигом забывалось на всех литературных сходках, где кипели страсти и радовалось сердце. Это были не только «занятия» в Студии, не только литературные яркие семинары, не только выступления с собственными произведениями перед очень неравнодушной публикой, но и встречи в выходные дни (с ночёвками) в домах друзей. И, коль речь о Юре, то сразу скажу, что «дом Литвиновых» был для всех настежь – днём и ночью. Не помню, чтобы Татьяна или Юра встречали новую порцию гостей без возгласа радости! Это вступительная часть, разгоночная. Я боюсь увязнуть в материале, если буду держаться последовательности и подробностей, поэтому буду выхватывать эпизоды, имеющие прямое отношение к Юре… Я уже ощущаю такую (!) мешанину в голове, такой обвал событий и слов, которые просятся быть озвученными! У меня непростая задача – уйти от болтливости и выискивать Юру в этой лавине! Эпизод – это оптимальная форма, откуда легче выуживать «героя» своего и через его поступок, «конфликт», прямую речь… – дать некоторое представление о нём.

Однажды, когда мы уже крепко сдружились, Юра захотел похвалиться мной перед своими друзьями-художниками. Вечером мы пришли в мастерскую, где были только Сергей Ташков, Стас Дымов и Петя Яровицкий. Всех поголовно тогда занимали мысли философов, экзистенциалистов… Разговор не очень клеился, я всё больше помалкивала, полагая, что это меня должны развлекать и образовывать глубокомысленные живописцы, и потому ничем не блеснула, и стихов прочесть мне почему-то не дали… Но и «молча» (а я считала это нормальным) мне были интересны мальчики, особенно ни на кого не похожий Ташков. К концу слабой вечеринки (скажем – неудачной) я услышала, как Яровицкий (замечательный! Так рано умерший…) тихо и ехидно-разочарованно сказал Юре: «И что? – Мордашка!». Я в это время оглянулась в смятении и увидела, как Юра приблизил своё лицо к Петьке, чуть приподняв свою тогдашнюю светлую бородку, и вперив в него взгляд, энергично и жёстко сказал: «Ты не прав! Будет время понять это!» …Времени по счастью было много, чтобы всем всё понять друг о друге…

Мы много читали. Всё подряд. Мы были обязаны знать всё. Юра и я обменивались чтивом: он мне – Курта Воннегута, Марка Фриша, Борхеса, Маркеса… я ему – Шафаревича, Зиновьева, Бердяева… и полные собрания всех поэтов Серебряного века – Гумилёва, Ахматову, Клюева, Ходасевича, Пастернака («Доктор Живаго»), Мандельштама… Откуда такое богатство в семидесятые? – Случай! В Москве (близкие мне люди, в том числе священники) имели всё это «забугорное» – и я тачками возила в Бел-

город из Москвы, слегка замаскировав, книги, изданные под редакцией Струве, книги издательства «Ардис» (за эти был предусмотрен «срок») и т. д. Это было ошеломляющее чтение в те времена, и я доверяла очень узкому кругу. Дом Литвиновых был моим вторым домом, где можно было всё озвучивать, сомневаться, мыслить, читать – без опасений. Соответственно мы привлекли к себе внимание стукачей – это было неизбежно. Был такой яркий эпизод в этой неисчерпаемой теме… Втроём (Юра, Таня, я) мы гостили у московского священника, получившего первый приход в Белгородской области. Вслед за нами появился некто с фотоаппаратом, и мы все пошли на церковную службу, а вечером (уже вчетвером) возвращались на автобусе. Я осталась у Литвиновых. Юра сразу сказал, что он знает этого человека (на 99% стукач). Недолго думая, я побежала на почту и отправила священнику телеграмму такого содержания: «N, как выяснилось, не из Белгорода, а из Кариота». Приёмщица телеграмм вдруг спросила меня: «А где это находится?». От неожиданности я ответила решительно и нагло, полную чушь: «Это село в Вейделевском районе». Законопослушная и бдительная приёмщица написала под чертой бланка: «Из Кариота – верно!». Напиши я правильно «из Кариот» – у меня бы не приняли телеграмму… Но телеграмма была получена священником! Юра не ошибся: N был секретным сотрудником. Но эта тема неисчерпаема. Теперь уже не хочется её развивать. Было и покруче: много-много круче!

Литвиновы отличались странноприимством. У них постоянно кто-то жил, ночевал, столовался, обитал… И никто никому не мешал! Татьяна пела под гитару классику (из тех самых книг), стихи Юры, мои… Весной во дворе цвели каштаны: под ними стоял стол и вокруг него – всегда гости, дружно поедающие «готовку» Татьяны. Мы собирались большой оравой – и на Новый год, и на гражданский Новый год, т. е. «Старый Новый год»! Нам было хорошо. Как-то Литвиновы приняли пожить (после Чернобыльской катастрофы) семью киевлян: четыре человека, в том числе ребёнок. И даже в это время с прибавлением забот – друзья не мешали, а лишь присоединялись к общей куче. То была киевская семья художников. Отец семейства – тёзка Юры. Я его сразу узнала! Мир тесен. Однажды зимой я и Юра были под Белгородом у нашего священника, где и встретили этого интеллигентного юного киевлянина в заштопанных брючках, который налегая на «о», говорил «Суморокóв» и был очень талантливым живописцем. Я помню какое-то трепетно-родственное состояние души, когда мы втроём ночью ходили по метели в деревне священника и говорили, говорили о творчестве и религии. Оба Юры как будто нашли друг друга: я шла и слушала их с упоением, ощущая себя вне времени…

На каком-то вечере поэзии мы читали стихи в ДК «Строитель». Это случалось неоднократно, с последующим застольем, с музыкой, с бальными танцами, с вручением цветов и подарков поэтессам (вроде меня) «бальными мальчиками»: это было красиво и кружило голову… В упомянутый мной вечер – нас, поэтов, было четыре-пять (?), в том числе Юра, Гена Островский… а из поэтесс – только я. Нам уже казалось, что мы большие поэты, мы вовсю подражали Москве, раскованно читая, что-то говоря публике, принарядившись… После чтения (опять же подражая) Гена Островский, ещё на сцене, отдал мне свои цветы, тем самым принудив и остальных отдать мне все цветы (сорвав аплодисменты!), а за кулисами издал клич – «едем в кабак!» Ну, мы только – «за»! Однако Юра сказал нашей

холостяцкой компании (почти непозволительное по тогдашним меркам): «Я не пойду. Я обещал Татьяне вернуться пораньше». Помню, что я порывалась вернуть Юре его цветы (для Тани!), воображая, как он зимой вернётся с выступления с белыми цветами! Но меня буквально оторвали от земли и утащили вместе с цветами, забыв о Юре, мои сумасбродные мальчишки-поэты! До сих пор мне жалко, что Юра ушёл без цветов! В итоге они потеряли свежесть, и я в конце вечеринки бросила их на подоконник. Но каков Юра?! Я бы так не смогла, меня бы не хватило на такой подвиг…

В выходные дни, когда я оставалась на ночь у Литвиновых, когда была тишина и отсутствие людей, – я любила не спать. Наговорившись – каждый выбирал себе занятие. В одну такую ночь Юра сказал: «Люччику сегодня что-то не пишется. Надо создать условия. А то утром нечего будет прочитать». Характерно потерев руки, он ушёл, а я тихо сидела в углу под настольной лампой в ожидании стихов, прикрыв глаза. Вдруг в этой тёмной комнате послышалась «нужная» мне музыка, необъяснимо-щемящая, средней громкости. Это Юрочка придумал мне атмосферу (у него были чутьё и чуткость), и я несколько часов писала стихи под «Глорию» Вивальди! Это было особенное состояние. Такое могло прийти в голову только очень творческому человеку. Утром он радовался, рассказывая Татьяне о своём изобретении, стимулирующем вдохновение. У нас как-то получалось больше радоваться, чем огорчаться, потому что мы вообще были рады друг другу (даже просто втроём!).

В доме Литвиновых была настоящая печь, которая топилась дровами и углём. Когда «ночующих» оказывалось больше одного – мне персонально стелили возле тёплого бока печки (элитарное место), и я любила вдыхать этот запах, который запомнился с детства, и ощущать себя свободной кочевницей, но под крылом верных друзей, с которыми не было скучно. Мы были дороги друг другу и жили общими интересами.

Пару раз мы были вместе в Крыму. Коктебель – это позже, а вот Алупка была прославлена нами, т. е. опять же изобретением Юры! В то лето в море было много мидий. «И суп варил из мидий…» – сказал Тарковский загадочно. Мы тоже сподобились. Наплававшись, вечером на камнях сооружали нечто древнее, дающее закипеть нашим мидиям внутри раковины и приоткрыть створки её; оставалось выдернуть зелёный «хвостик» водорослей – и «суп из мидий» можно было заглатывать, при этом запивая самым простым, но качественным белым вином «Фетяска». Под золотым небом на камнях у самого синего моря – это было чистое наслаждение. Нас было несколько человек, в том числе и Коля Душка (наша нынешняя печаль; он поразил меня последним романом, который я прочитала в рукописи). После мидий мы забирались под «покров скалы» и очень любили говорить «о высоком» – к этому звёзды располагали и тихое ночное море. Мы были молоды и жадны к знаниям. О смерти мы ещё не научились думать – мы о ней только вздыхали, слишком любя жизнь. Говорили незрело, но в этом была вся прелесть. И постоянно хотелось говорить! Почти не было разногласий в тот период «ликбеза»! Темпераментную речь Юры я не смогу передать – осталось лишь впечатление. Мне очень не хватает этих интонаций, улыбки, скороговорки, тёплых грустно-весёлых его глаз, стремительности, внезапного веселья от какой-то мысли, озорных мальчишеских выходок и словечек… «Барышни! Никак грустим!?» – так и слышу…

Остаётся мне завершить усечённый рассказ о Юре – одной его важ-

ной чертой, а может, и сущностью. Ему несвойственно было (даже в споре) обижать собеседника. Он говорил горячо, но никогда – злобно. Возможно, поэтому он всегда переживал за обиженного кем-то или чем-то, особенно если дорожил человеком. А разве мало в молодости – драм, бед, обид?!
Юра посвятил мне стихотворение (уже в более позднее время дружбы), которое любил читать на публике (не забывая меня), когда я давным-давно покинула Белгород. Я тоже люблю это стихотворение, в котором Юра уловил свойства моего характера. Но в нём есть казус! У нас было не принято рассказывать о личных драмах и переживаниях, а тем более задавать вопросы (Юра был очень деликатен и бережен в дружбе). У меня был сложный период жизни, который в начале и в развитии дал мне много счастья, но возникли обстоятельства, потребовавшие от меня поступка. Ничего этого я Литвиновым и общим друзьям не рассказывала, поэтому никто не мог знать о глубинных камнях в большом потоке больших чувств, которые внезапно возникли у меня. Чуткий Юра этим стихотворением бросился защищать меня (а что он ещё мог?!), но он, конечно, не знал, что впору защищать не меня, а «обидчика» от моих внутренних крайне-романтических представлений о человеке, который «обязан» быть по моим меркам – совершенным! Я и тогда ничего не сказала Юре, когда он спросил, а не задевает ли меня последняя строфа стихотворения? Конечно, по факту она неверна (причём абсолютно!), но поэт имеет право писать без «подстрочника»! К тому же Юра уже с к а з а л, уже сделал выпад в мою защиту – и это дорогого стоило…

Живя в Москве (и в ближнем Подмосковье) я не теряла связь с Литвиновыми: они бывали у нас с мужем – поэтом Александром Радковским – и зимой и летом (конечно, не так часто, как я в Белгороде). Юра держал меня в курсе событий, касающихся литературного Белгорода. Мы писали письма, пересылали статьи друг другу, находясь в творческой форме. Пришла мне в голову идея написать «Заметки с продолжением» о белгородских поэтах. Юра моментально включился воплощать! Это была интересная работа «на два города» в 90-е! Она длилась целый год. Я писала «от руки» свои каракули сразу в печать. Юра, получив по почте порцию исписанной бумаги (о двух поэтах), – бежал с ней в «Смену» к Наташе Почерниной – и вскоре появлялась статья на полторы-две страницы (даже с фотографиями). Получив от Юры по почте «первый испечённый блин – не комом», – я отсылала вторую порцию на двух поэтов… Так мы с Юрой (и Наташей!) опубликовали «Заметки с продолжением» о Восьмерых…

Мне дорог был Белгород, где я прожила тринадцать лет, – и вот удалось что-то сказать о тех, о ком хотелось: это было счастливое состояние души! Мы с Юрой особенно бурно общались в этот год, осуществляя наш проект. В 2000-е – «Заметки» взял в свой журнал («Белые кручи») Бабин Володя. Думаю, что именно из «Заметок» есть смысл вычленить то, что о творчестве Юры Литвинова, и поместить здесь для полноты моего рассказа, который получился не так хорош, как хотелось, но всё же он о Юре. Другим тоже есть что сказать (поосновательнее), ведь Юра был не только поэт и прозаик, но и актёр Кукольного театра и деятельный «культуролог». Ещё добавлю, что в трёх моих московских книгах (и в новой рукописи) есть посвящения Юре, Тане, дому их… Название этих заметок – взято из книги «Днесь» (стихотворение – «Прощание с Белгородом»). Не без удовольствия перечислю постоянных или частых. Или не столь частых, но

желанных Юре людей, из которых состояли встречи «на Портовой»: Галя Матюхина (Шумова), Клава и Коля Одинцовы, Наташа Савейкова, Юра Шеховской, семья Истоминых, Виталий Стариков, Нина и Игорь Чернухины, Сергей и Тамара Ташковы, Люба и Коля Душка, моя сестра Оля (любимица Юры и его крестница), Виктор и Дангуоле Карповы, Стас Дымов, Петя Яровицкий, Оля Волошина, Коля Гладких, Таня Олейникова, Саша Машкара, Петя Ребане, Миша Дьяченко, Гена Островский, а ещё харьковчане, киевляне, москвичи. Всех назвать было бы невозможно.

ЮРИЙ БЕРИДЗЕ

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор нескольких приключенческих повестей, книг стихов «Опыт общей беды», «Пульс Земли войною учащён», «Кровоточины» и других. Лауреат премии имени А.С. Грибоедова. Живёт в Москве.

*Играй, зурначи**

Ночь была бы бездонно черна,
но искристые звёзды на юге.
И поёт звездопаду зурна
у пастушьей лачуги.
И открыт этой песне простор,
целый мир перед нею распахнут,
и блистают на маковках гор
ледяные папахи.
С этой песней светлее в ночи,
ты играй,
ты играй,
зурначи…

*Зурначи – музыкант, играющий на зурне.

Дождь идёт

Запрокинуты лица –
дождь идёт, дождь идёт…
Будет длиться и длиться,
может, жизнь напролёт
это чувство полёта
сквозь поток дождевой,
эта долгая нота
высоты неземной…

Каравелла

В этот город, далёкий от моря,
каравеллу мою занесло.
Светофоры вовсю светофорят –
уж такое у них ремесло.
Я схожу со своей каравеллы
на асфальтный щербатый причал:
все при деле, а я – на пределе,
за которым придётся молчать,
за которым останется чахнуть,
забывая былые шторма
и свои капитанские вахты,
и в просиженном кресле дремать.
И уж точно совсем не по делу,
изводя за тетрадью тетрадь,
не забытую мной каравеллу
рисовать,
рисовать,
рисовать…

Поутру

Просыпаюсь на заре –
птичий гомон во дворе,
снег вскипает пенно,
не протоптана тропа,
у колодца, сухопар,
журавель надменный.
Ишь как голову задрал…
Как там – видно ли Урал
от моей деревни?

Лето

Под небом цинкового цвета
понуро сгорбится мосток,
с дождём стечёт остаток лета
по мокрой крыше в водосток,
утонет в придорожной луже,
смиренно пустит пузыри
в виду нахохленных пичужек –
и снова в небо воспарит,
где переждёт и эту осень,
и зиму, и весну за ней,
и снова, золотоволосо,
к вам возвратится. И ко мне…

Дождливый вечер

Дождливый вечер так лилов,
как гаснущий огонь.
Стекают капли куполов
в Господнюю ладонь,
напев литых колоколов
Ему в ладонь течёт,
кресты, как птицы, с куполов
слетают на плечо…

Март

Просёлок уже заболочен,
и в горле оврага клокочет,
вот-вот захлестнёт и мосток
бурливый весенний поток –
того и гляди унесёт
под зычный потока басок.
Спешу написать пару строчек
под гвалт оголтелый сорочий…

ДМИТРИЙ ЖУКОВ

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор книг «Движение души» (сборник стихов), «Здесь всё родное…» (публицистика), «От печали до радости», «Первая роль», «Курчатов – Барселона», «Планида?..» (проза). В 2014 году Жуков Д.М. «за особый вклад в развитие литературного дела в Год культуры в «Соловьином крае» признан «Литератором года». Живёт в Курчатове Курской области.

ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ[1]

Они сидели друг напротив друга за большим дубовым столом в кабинете Президента. Первопечатник Иван Фёдоров – в простовато-мужицком обличье, непритязательный, свойский, эдакий ходок из глубинки, и Президент – не заданно улыбающийся под многочисленными телекамерами, взорами сотен, тысяч глаз, а в расстёгнутом пиджаке, расслабленно помешивающий ложечкой дымящийся чай, с привычной дотошностью и настороженностью поглядывающий на собеседника. «Да, – размышлял Иван Фёдоров, ощущая на себе недоверчивый взгляд Президента, – его можно понять: все льнут к нему, заискивают, поддакивают, пытаются протащить свои интересы. Особенно иноземцы не дремлют, то одно, то другое у России норовят оттяпать. И как узнать: друг ты или враг, с добром или подлостью подвизаешься? Да и какие могут быть друзья у Президента? Это он должен быть Другом своему Отечеству, иной прерогативы у него нет».

Рядом величаво и раскатисто ударили куранты. Будто напомнили о важности каждого мига, каждого решения, принимаемого здесь.

– Итак, тебя зовут… – хлебнув чаю, пристально всматривался сквозь поднимающуюся дымку Президент.

– Фёдор Иванов, – склонил голову печатник.

– Да полно, – махнул рукой Президент. – Я всё знаю. Чего уж там… Говоришь, из Руси сбежал тогда *«не от самого того государя, но от многих начальник и священноначальник, и учитель, которые на нас, зависти ради, многие ереси умышляли…»*. Так?

[1] Глава из историко-фантастического романа-дилогии «Планида?..» в сокращении.

– Истинно так…

– «*Хотячи благое во зло превратити и божие дело вконецъ погубити; якож обычай есть злонравных и ненаученных, и неискусных в разуме человек, ниже грамматическия хитрости и* навыкшее… Такова ест зависть и ненависть, сама себе наветующи, не разумеет, како ходит и о чем утверждается…».

Иван Фёдоров – чего уж таиться, коль правда вышла на свет, это он и есть, – ещё ниже склонил голову.

– И ты решил сейчас, в наше время, узнать: не перевелись ли зависть и хитрости по-прежнему «благое во зло» обращают или всё изменилось?

– Так, батюшка…

– Ну, ну…

Президент задумчиво помешал ложечкой чай.

– Как бы я хотел… И Иван Грозный хотел. Но всё идёт туго, очень туго на Руси. Как думаешь, чего не хватает?

– По моему разумению, просвещение с наукой должны рука об руку идти. Не сразу, но прогресс будет, непременно будет.

– Так-то оно так. А если враг наседает со всех сторон? А на это силы нужны, большие силы.

– Сила ещё в умении…

– В точку! Об этом я и хотел с тобой поговорить. Ты ведь не только печатному, но и военному делу искусник?

– Да какое там… Я всю жизнь книгами занимался.

Президент резко отодвинул чашку в сторону, чай выплеснулся на стол.

– Не крути! Я же говорю: мне всё известно!

Достал из ящика стола бумагу, сунул её Ивану Фёдорову:

– Как мог ты, русский человек, просветитель, предложить такое императору Священной Римской империи Рудольфу Второму?

Иван Фёдоров быстро пробежал текст.

«*О, Ваше Светлейшее величество!*

Я на собственные деньги изготовил сложенную из частей пушку. Вес её составляет три гири, которые называют центнерами. Каждую такого рода пушку, практическое назначение которой зависит от её размеров, можно разбирать на отдельные, строго определённые составные части, а именно на пятьдесят, сто и даже, если потребуется, на двести частей, в зависимости от установленной величины и калибра каждой пушки.

Кроме того, для подвоза и проверки такого орудия не требуется ни ящиков, ни повозок на колёсах, укреплённых железом. Стало быть, их можно легко привести в действие как на колёсах, так и без колёс.

При всём этом я сделал изобретение в деле ручных бомбард. Сто моих бомбард могут причинить неприятелю столько же вреда, сколько четыреста (используемых до сих пор). Я могу доказать это (на опыте) Вашему светлейшему Величеству.

Поэтому, прочитав внимательно моё письмо, соблаговолите, Ваше светлейшее Величество, не пренебречь моими услугами, порассмотреть их и изучить. Я уповаю на Ваше светлейшее Величество, что Вы окажете мне эту милость, я, как раб, ревностно готов исполнить любые услуги,

если такой ремесленник и человек, имеющий опыт в военных делах, нужен Вашему светлейшему Величеству.

Написано в Вене 23 июля 1583 года.
Вашего светлейшего Величества покорный слуга
Иван Фёдорович Москвитин
Печатник (гравировщик) греческий и славянский».

«Надо же,– поразился Иван Фёдоров, – цела бумага! А ведь с той поры четыреста с лишним лет прошло».

– Я понимаю, деньги на печатание книг во Львове были нужны. Но ведь недруги твоё изобретение против Руси могли повернуть! Против твоей Родины!

Нахмурив брови, Президент сумрачно уставился на Ивана Фёдорова, нацелился просеивать слова собеседника.

– О, светлейший! Я сделал предложение императору Рудольфу Второму потому, что тогда между Москвой и Священной Римской империей германской нации, включающей в себя Германию, Австрию, Чехию, Венгрию и прочие земли, намечалась военная коалиция. Применение изобретённой мною пушки никак не пошло бы во вред России, а, наоборот, способствовало бы успеху.

– Почему же не сошлись?

Президент сурово следил за каждым движением собеседника. Значение слов можно спрятать в общем потоке, а вот глаза наверняка скажут правду. Не каждый выдерживал его пристальный взгляд, и ему сразу становилось всё ясно.

Пришелец из шестнадцатого века глаз не отводил, взор под стол не прятал, и Президент сделал вывод: говорит начистоту.

– Рудольф согласился заключить договор лишь после того, как пушка будет изготовлена. Я понял, что он просто хочет воспользоваться моим изобретением без всякой оплаты.

– Так, так…

Президент встал из-за стола, засунул руки в карманы.

– Ты же на Руси познавал литейное, пушечное дело?

– Недалеко от Печатни лили металл, я часто туда бегал, кое-чему и научился. Мне это больше для книгопечатания пригодилось. А на военное дело я не нацеливался. Это уже в самом конце пришлось…

– Знаменитый Андрей Чохов, создатель царь-пушки, построил стоствольное орудие гораздо позже... Кроме того, мортира Чохова была не разборной, а цельнолитой.

– Воистину так…

– Выходит, ты опередил своё время. И историки это подтверждают.

Президент быстрыми шагами подошёл к столу, взял бумагу, близоруко прищурился.

– «В исторической перспективе изобретение Ивана Фёдорова имело значение, далеко выходящее за пределы военной техники. Уяснение смысла взаимозаменяемости способствовало созданию машиностроения, переходу от ручной техники изготовления к машинной». Это пишет Немировский, лучший российский исследователь твоей жизни и деятельности. Что скажешь?

Иван Фёдоров пожал плечами:

– Историкам виднее.

Президент забарабанил пальцами по столу.

– Виднее, говоришь… А вот что через триста, пятьсот лет скажут о нас?

Он резко выпрямился.

– Поносить будут почём зря. Если… Если…

– Что «если»? – подтянулся Фёдоров. – Народ вашу деятельность одобряет. Насколько мне известно, на последних выборах семьдесят шесть процентов за вас проголосовало. Нигде, даже в хвалёной Мерикании, нет такой поддержки.

– Так-то оно так. Да ведь давят недруги со всех сторон, обложили Россию, как медведя в берлоге.

Президент вскочил, энергичным шагом подошёл к растянутой на всю стену карте, ткнул пальцем в красные флажки вокруг границ России:

– Базы НАТО к нам уже вплотную придвинули. От ударов террористов они якобы защищают. Сами они террористы! Югославию в самом центре Европы разбомбили, Ирак ни за что ни про что растерзали, Ливию разорили, на Украину лезут, везде. Раньше мы молчком сносили, были всем хорошие. А стали голову поднимать – Крым назад вернули, на Украине свои интересы отстаиваем, Сирию защищаем – сразу Россию в агрессоры записали. Им бы нас изничтожить, как те страны, было бы в самый раз. Не выйдет! Не та уже Россия, пора бы им это понять. Но не унимаются, паразиты!

Вот ты говоришь: просвещение и наука. Правильно! Но если потеряем самостоятельность и независимость – кому это будет нужно?

Иван Фёдоров услышал в словах Президента знакомые нотки. Вот так же яростно, не щадя живота своего, боролся за Россию против иноземных недругов и их приспешников Иван Грозный. Даже жестокость являл, рубя головы налево и направо, за что его многие историки потом осуждали. Но осуждать – не отвечать, языком работать все горазды…

От первоначальной расслабленности Президента не осталось и следа. На лбу чётче, резче обозначились складки. Узкое лицо сильнее обтянулось кожей, на скулах бугристо заиграли желваки.

Когда-то вот так же, наверное, стоял у окна в глубокой задумчивости Иван Грозный. Вдали брезжил рассвет, от узорчатого стекла тянуло холодком. Внизу с алебардами прохаживались бородатые стражники, время от времени протяжно ударял колокол, а царь, одетый в тёмно-малиновый становой кафтан с наперсным крестом на груди, тяжело опираясь на посох индийского дерева, всё стоял и стоял, думая тяжкую думу. Косматые брови сведены в кучку, лицо от ночного бдения заострено, бородка клинышком растрёпана, правая верхняя бровь так и дёргается, так и дёргается – верный признак недовольства.

Да и было отчего кручиниться Ивану Васильевичу. Первый поход на Казань окончился неудачно. Татары ликовали. Стоя на крепостных стенах, они кидали вверх лохматые шапки, вопили басурманскими голосами, визжали, гигикали, празднуя победу.

А всё оттого, кусал губы царь, что по старинке действовали, аки деды и прадеды воевали. Но прошло то время, когда копьями, хилыми пищалями да слабенькими пушечками можно было одержать победу. В Европе военное дело куда лучше поставлено. И порох они искусно делают,

и пушки мощные льют, а ещё – подкоп при осаде крепостей придумали устраивать, взрывные мины туда закладывать.

Почему в тысяча пятьсот тридцать пятом году литовские войска под самым носом у Москвы беспрепятственно взяли город Стародуб? Да потому, что использовали «подкоп по подземелию к граду». Узнав об этом, Иван Грозный дал указание «лукавство подкопывания» перенять. Ко времени новой осады Казани в одна тысяча пятьдесят втором году русские уже имели у себя в войсках «немчина хитра, навычна градскому разорению». Таковым стал датчанин Размусен. Взлетела на воздух крепостная стена, и Казань пала.

Но то было позже. А тогда Ивана Грозного днём и ночью обуревали мысли: как переманить искусных западных людей заодно с возами пороха, доброго металла для отливки пушек? И вот явился некто Ганс Шлитте. Это после историки назвали его и авантюристом, и проходимцем, ловкачом, сумевшим втереться в доверие главам нескольких государств, закрутившим величайшую афёру не афёру, но, во всяком случае, предприятие, имевшее большой резонанс. Именно вследствие действий Шлитте перед Европой впервые встал вопрос о «русской опасности» и о необходимости ввести в отношении Москвы политику изоляции и репрессий.

Ганс Шлитте, занимавшийся поставкой в Россию металла для изготовления оружия, хорошо знавший русский язык, подрядился навербовать в Европе мастеровых людей. Иван Грозный радовался: сколько бы ни стоили иноземные мастера, пользу принесут большую. До этого попытки перенять у европейцев новые технологии заканчивались неудачей. Ещё Василий Иоаннович III «не однова» взывал к датскому королю: «которые будут у тебя мастеры в твоей земли Фрязеве архитектоны,… и которые мастеры горазды каменного дела делать, и литцы, которые умели бы лить пушки и пищали, и ты б тех мастеров к нам прислал». Но датский король, опасаясь усиления русичей, оставил просьбу русского царя без ответа.

И вот наконец дело сдвинулось. Иван Грозный получал известия одно «лепше» другого. В Аугсбурге во время аудиенции Шлитте предъявил императору грамоту и письменное поручение от царя набрать умелых ремесленников, ружейных мастеров, фортификаторов, а также доставить в Россию «вооружение и другие припасы». Император подписал документы после того, как ему была обещана ссуда – семьдесят четыре бочки золота на десять лет и субсидия на содержание войска в тридцать тысяч всадников в течение пяти лет.

Заручившись официальными бумагами, Ганс Шлитте нанял две группы, в которые вошли сто двадцать три человека, «докторов, магистров и других учёных, колокольных, рудокопных и золотых дел мастеров, зодчих, гранильщиков, колодезников, бумажников (parikmaker), лекарей, типографщиков и других подобных художников», специалистов. Одна, во главе с доктором Цегентером, отправилась сухим путём через Пруссию и Курляндию. Другую Шлитте повёз через Любек и Ливонию.

Ранней весной одна тысяча пятьсот сорок восьмого года Шлитте и нанятые им специалисты прибыли в Любек. Здесь он намеревался зафрахтовать корабли с командой, чтобы переправиться в Ревель.

Иван Грозный уже поднимал на пиру заздравные кубки и принимал поздравления сподвижников. Он готов был самолично увидеть, как прибывают груженные до самых бортов корабли, как, покачиваясь на тра-

пах, сходит, рассматривая деревянные русские постройки, баб в цветастых сарафанах и мужиков с кудлатыми бородами, та самая «немчура», с которой они и бились, и мирились, и которые так нужны сейчас своим мастерством и мудрёными изысками развивающейся Руси.

Но шли дни, тянулись недели, а от Шлитте ни слуху ни духу.

Корабли попали в шторм, их разметало в щепы, а люди пошли ко дну? Но переданная гонцом весть оказалась сродни морской стихии: все нанятые мастера задержаны, а сам Ганс Шлитте взят под стражу и посажен в тюрьму.

Такие же неприятности постигли вторую группу: в Курляндии доктора Цегентера арестовали, и нанятые люди разошлись по домам.

…Иван Васильевич хмуро смотрит в окно, беспомощно рвёт бороду. Уже не только бровь, всё веко дергается, того и гляди нервный припадок случится. Но что ему до того…

– Собаки паршивые! Иуды проклятые! Насолить России вздумали? Ах вы поганцы эдакие!

Царь готов был от души погулять посохом по спинам тех, кто принял такое решение, намять бока, чтоб знали, почём фунт лиха.

– Не пущать корабли в Россию, посадить Шлитте в тюрьму якобы из-за возникшего долга! Ах вы изуверы, христопродавцы, – скрипел зубами Иван Грозный. – Да разве в долге дело? Знаю я вашу змеиную сущность, безвинными овечками прикидываетесь, а сами палки в колёса так и вставляете, так и вставляете. Всё знаю! Знаю, что писали из Ревеля в Любек, в центр Ганзейского союза, с тем чтобы не пропускать Шлитте в Москву во избежание тех «страшных бед», которые последуют не только для Ливонии, для всей немецкой нации, если московиты усвоят себе военное искусство и вообще умение Запада. И те согласились, твёрдо усвоили манеру не пропускать через московскую границу ни людей, которые могли бы «цивилизовать» Москву, ни товары, которые могли бы усилить боевую мощь русского государя.

Ну да вы не знаете русских! Не хотите с нами торговать, стесняете на границах русскую торговлю, задерживаете едущих к нам иностранцев – примем ответные меры, найдём другие возможности.

Несмотря на жёсткие антироссийские меры со стороны немецких «партнёров», Россия исправно получала артиллерию, боеприпасы и порох. В страну приезжали подрывники, фортификаторы, литейщики, медики и других специалисты – уже из Англии, по северному морскому пути.

«Санкционеры» же, не признавая явное давление и противодействие со своей стороны, при официальных встречах прикрывались витиеватыми фразами, неся на лице натянутые улыбки и выказывая мнимое почтение российской государственности. Но что за этим стояло, можно судить по «Запискам о Московии» немецкого сочинителя Генриха фон Штадена.

Этот «деятель» предложил план военной оккупации «Московии», который несколько лет обсуждался гроссмейстером Немецкого ордена Генрихом, польским владыкой Стефаном Баторием и императором Священной Римской империи Рудольфом II.

Штаден писал: «Управлять новой имперской провинцией Россией будет один из братьев императора. На захваченных территориях власть должна принадлежать имперским комиссарам, главной задачей которых

будет обеспечение немецких войск всем необходимым на счёт населения. Для этого к каждому укреплению необходимо приписывать крестьян и торговых людей – на двадцать или десять миль вокруг, – с тем чтобы они выплачивали жалование воинским людям и доставляли бы всё необходимое…». Русских предлагалось делать пленными, сгоняя в замки и города. Оттуда их можно выводить на работы, «но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом».

«По всей стране должны строиться каменные немецкие церкви, а московитам разрешить строить деревянные. Они скоро сгниют, и в России останутся только германские каменные. Так безболезненно и естественно произойдёт для московитов смена религии…»

***

...Прохоров неожиданно переменился в лице, стал сосредоточенно задумчивым. Перестал орудовать зубочисткой.

– Наверное, ты с Героем рассорился, – пристально посмотрел на Дениса.

– Да как я могу с ним рассориться? Он же не человек, образ… Рассориться… Ха-ха-ха… – подыграл интересной шутке Писателя Денис.

– Не скажи… – Прохоров стал ещё задумчивее, углубился в себя. – С Героями надо дружить… Ты вот говоришь – не человек. Да, это так. Но он же живой, понимаешь? Ты родил его, наделил только ему свойственным чертами. И он уже живёт по своим законам. Он даже может тебя не слушаться, а поступать так, как ему заблагорассудится.

– Как это? – подался вперёд Денис.

– А вот так, поверь моему опыту. Бывает, такие выкрутасы Герой выделывает, только держись. Думаешь, ты им управляешь, крутишь, вертишь как заблагорассудится? Ничего подобного. Герой сам себе на уме. Ты пишешь, пишешь, ведёшь его в одну сторону, а он р-раз – и выскочил, вильнул в другую. Ты обуздал, укротил его, а он снова свой характер показывает. Вот так-то, брат.

– М-да…

– А бывает ещё хлеще…

– Как это?

Прохоров зашумел на диване, заворочался, потянулся к графинчику с водкой. Поболтал его, удостоверяясь, что маловато осталось. Разлил остатки по рюмкам, махнул официантке рукой.

– Давай по маленькой. А потом ещё нальём. Разговор тут серьёзный. Он оглянулся по сторонам, словно желая удостовериться, что никто не подслушивает.

– Давай за наших Героев! Чтобы мы, Авторы, ладили с ними. А не то они таких дел наворочают… Иной запросто выскочит из Книги и давай жить себе обычной жизнью. Бывает, что Книга ещё не написана, а Герои уже действуют вовсю – подсказывают, направляют, вмешиваются в планы Автора. Или после публикации Книги всплывают в действительности как живые…

– Как это?

– Да вот так… Что ж, это их право… – качнувшись вперёд, сделал неопределённое движение Прохоров. – У меня однажды такой случай был….

Союз белгородских литераторов

АНЖЕЛИКА АСТАХОВА

Поэт, художник, бард, автор нескольких поэтических сборников. Живёт в Белгороде.

А всё!

А всё потому, что ты вырос, и нету дороги,
Ни маменьки нету, ни папеньки нет. Ты без сил.
Едва ковыляешь, не чуя ни руки, ни ноги.
Никто не поможет уже, сколько бы ни просил.
Ты видишь вокруг лишь украдкие вспышки и взгляды.
И глаз не сомкнуть, как тотчас же на клочья порвут.
Ревут вдалеке огнедышащие водопады,
А ноги мозолей уже никогда не натрут.
И вдруг ты увидишь того, с кем едва разминулся.
И кинешься в ноги его ты облобызать...
И так, чтоб на дереве лист нехотя шевельнулся,
Расскажешь всё то, что так долго хотелось сказать.
Он царственной гривой волос твои щёки осушит,
Он будет орлиными крыльями стрелы метать,
Он прячет за пазухой изнемождённые души,
И учит их заново в выси прозрачной летать.

Пасхальное

Сквозь леса частые ветки неба хрустит турмалин.
Из леса походкою предка шагает седой исполин.
Чего-то он хмурится сильно, хоть день выдаётся погож.
В руке – клетка с курицей, в джинсах засаленных – нож.
Сердце устало бороться, к сердцу прижат петух,
Стал господин у колодца, мысль свою высказал вслух:
«Неможется мне, ой, неможется!..» Колодец вздохнул и притих.
Кривлялась на дне его рожица: «А всё-тки, придётся – двоих!..»
Солнце пекло в поднебесье, голову очертя,
Нос человече повесил, расплакался как дитя.
Вспомнил, в часы утра ранние, задолго до первых лучей,
Петух его сны протаранивал! Округа ругалась: «Чей?»
Смакуя на винном прилавке шипучее «Божоле»,
Слушал как местные тявкали: «Ах, чтоб, сукин сын, околел!»
Вспомнил, как Петел непрошеных гостей со двора уводил:
То бился с лисой, то с коршуном, хорьков почти всех победил.
Остался один – Одноглазый, но боле и до сих пор
Он в этот курятник не лазал, пожизненно мечен как вор.
Старик огляделся: «Гармония!.. В цветок заползает пчела...»
Вспыхнула в памяти молния, как будто всё было вчера:
Сосед всё искал по улице птицы пропавшей след,
А Петел приводит в дом курицу – даму на выхлопе лет.
Особа непримечательная, но, надо ж, с того же дня
Одно яичко старательно в день выдавала она.
Завтра, поди, Воскресение... Дети и дети детей
С шумом заселят дом твой, старик, попотей!
Будет Пасхальный им ужин и послепасхальный обед.
Шлёпнулся ножик в лужу алою кровью одет.
«Баба, поставь опару, будем святить куличи.
Обоих забил. На пару. Тише, жена, не кричи».

Светящийся

Встал и отправился штопором к самому краю земли,
В платье кругом позаштопанном, сотканном из конопли.
В травах жужжало железное жужелиц веретено,
Образом небезызвестным вода превращалась в вино.
Яблочко вытер пыльное, съел, семена семеня,
Кутаясь в простынь могильную, ровно к исходу дня.
Пустынник пустоши пустной верой дышал глубоко,
Соломкою ослик похрустывал, в небе текло молоко.
Знать бы, когда сворачивать пожитки, словцо за словцом...
Вспыхивала, не иначе, как звёздная пыль в лицо.
С молитвой песок просеивая – частиц золотых миллиард,
Смотрел он, как Кассиопея ножкой играла в бильярд.
В груди каменело всё чаще. Дыханье – с дыханьем земли...
Смеркалось. И стало сияющим платье из конопли.

ТАТЬЯНА ДЕГТЯРЁВА-ЕСИНА

Автор поэтических и песенных сборников, лауреат Международной национальной премии «Золотое перо Руси – 2016. Живёт в Новоалександровске Ставропольского края.

НЕ КАНУТЬ В ЛЕТУ ЧИСТЫМ РОДНИКАМ

Слава Богу, казачество, вычеркнутое из истории России после 1917 года, не кануло в Лету. Пусть с большим трудом, но возрождается оно, много сделавшее для своей Родины. Не всё я знаю, да и не мне судить, но историю казаков Есиных мне хочется поведать.

Уже народилось и пятое, и шестое поколение нашего славного, так много пережившего казачьего рода на новоалександровской земле: мой сын Сергей Дегтярёв и внучек Александр, которому чуть больше годика! Посчитала недавно, более 80-ти родственников отца жили и живут на Ставрополье, в Курской области и продолжают наш казачий род!

СПАЛИ НА КУЛАКЕ

Предки наши прибыли на поселение из Курской губернии. Мой прадед Калина Васильевич Есин родился в станице Новоалександровской, год его появления на свет неизвестен. А вот сын его Василий, мой дед, родился в 1881 году. О прабабушке Стении память родни сохранила мало. Знали только, что семья жила натуральным хозяйством и они с мужем были хорошими, работящими людьми. Жили зажиточно, ибо приучены к труду были с детства. В семье сохранилась история, что у них даже в Швейцарском банке был свой счёт, но воспользоваться им никому из рода Есиных не пришлось.

Следующее казачье поколение – дед мой Василий Калинович и бабушка Акулина Ермолаевна, в девичестве Михнева. Было у них семеро детей: три дочери и четыре сына, в том числе и мой отец Иван Васильевич Есин. К труду тоже были приучены сызмальства.

Будучи офицером Кубанского казачьего войска, Василий Калинович отказался стрелять в рабочих, восставших в 1912 году в Баку, и тогда отец лишил его наследства, поэтому он жил обособленно. Дед был сотником Кубанского казачьего войска. В 1925 году его расстреляли красные, бабушка даже не смогла его похоронить, так как всех свалили в одну расстрельную яму на севере станицы.

До 1917 года семья Василия Есина имела обширный надел земли (ведь он выдавался на каждого казака, от девок особого проку не было), позволявший содержать стадо коров, табун лошадей, коз, свиней. Имелась у них и сельхозтехника: косилки, веялки, лобогрейки для обмолота зерновых. Родовой дом единственный в станице был под цинковой крышей, что говорило о зажиточности семьи. Василий Калинович всем четырём сыновьям построил по дому, и они сохранились по сей день.

В сезон семья нанимала работников. Бабушка Акулина говорила:

– Почему богатый называется кулак? Потому что спали на кулаке, очень мало! А во время страды не спали сутками. Приедешь с игрищ, только голову положишь на кулак, а отец уже кричит: «Девки, вставайте снопы вязать!».

Тяжело жили, но весело, с Богом в душе. Традиции казачьи соблюдали: младший всегда на поклоне у старшего, а тот учит только хорошему: не курить, не пить, не сидеть в присутствии старшего без разрешения. Взаимопомощь была в чести. Бога чтили, родителей. Второй чаркой всегда вспоминали прародителей. Законы гостеприимства определила сама жизнь. Как-то всё было основательно. В этом я не раз убеждалась на примере своих многочисленных родственников.

РАБОТА – ЭТО ШЕДЕВР

В 1931 году семью раскулачили, и бабушка Акулина Ермолаевна с сыновьями, дочерью Анастасией и её мужем были высланы на Урал. Две других дочери вышли замуж за бедных и остались в станице. Перед отъездом бабушка спрятала драгоценности в саду, а по возвращении назад их так и не нашли – на месте сада уже стояли конюшни.

С собой на выселение взяли только иконы, которыми в семье очень дорожили. На Урале было трудно. Вернулась семья в родную станицу благодаря обману и Василию Васильевичу, моему крёстному отцу. У него был каллиграфический почерк, и он изготовил поддельную справку с печатью. Но долго оставаться на одном месте не могли и, опасаясь очередных репрессий, уехали в город Прохладный.

В третьем поколении казачьего рода – мой отец Иван Васильевич. Он был настоящим казаком: голубоглазый, светловолосый, с крепкой фигурой, работящий. Я никогда не видела его без дела. Кроме основной работы плотником в совхозе «Расшеватский», продавцом в местном магазине, экспедитором, у отца была небольшая мастерская, где всегда пахло стружкой и свежими опилками. Этот запах я люблю до сих пор! Мне нравилось смотреть, как работает отец. Всё у него получалось ладно – шифоньер с зеркалом, табуретка, стол с резными ножками. Особое отношение у него было к сундукам. Он их не просто мастерил, а придавал каждому свой вид, чем-то украшал. Отец вкладывал в дело душу, и я считала, что каждая его работа – это шедевр. Видя, как у меня горят глаза, он позволял помогать

ему: то рубанком, то наждаком, которым я полировала изделия. Надо сказать, что всё это мне нравилось и получалось. Наверное, я должна была родиться мальчиком. Отец тяжело перенёс потерю первого ребёнка, пятилетнего сына, который умер в 1952 году, а через четыре года родилась я.

РАБОТА – ЭТО ШЕДЕВР

Была сорванцом, до 12 лет играла с мальчишками в футбол, устраивала «разборки», если обижали слабых, понимала технику. Не каждый мальчишка мог угнаться за мной, если я была за рулём мотоцикла. Ещё школьницей заняла первое место в конкурсе механизаторов. На улице и в школе меня все любили за активную жизненную позицию, весёлый и добрый нрав, за участие во всех школьных делах, да и на улице любила устраивать различные праздники. В детстве мне особенно нравилось слушать отца, сидя у него на коленях. Имея три класса образования, он много знал, потому что много читал. Знал наизусть Пушкина, Лермонтова, любил пересказывать «Героя нашего времени». Чтобы угодить отцу, в первом классе на 23 февраля я подарила ему своё первое стихотворение.

Как и все мужчины, мой отец в августе 1941 года был призван в армию Гулькевичским военкоматом. Служил санинструктором полка в звании ефрейтора в войсках НКВД, уволился в запас 12 июня 1946 года. Имеет медаль «За победу над Германией» и юбилейные награды.

24 июня 1999 года решением Новоалександровского суда Иван Васильевич Есин был реабилитирован, так как к нему были применены незаконные политические репрессии. Добилась этого я, но отец просил меня этого не делать, никуда не писать, будто чего-то продолжал опасаться.

Моя мама Анна Андреевна, в девичестве Вахтина, уроженка Воронежской области, была второй женой отца. Первая его супруга умерла, оставив годовалую дочь Любу. Мама очень любила и жалела приёмную дочь, а мы с сестрой Лилей по глупости ревновали маму и к сестре, а потом и к её детям. Жили мы в замечательно ухоженной хатке, построенной не наёмными строителями, а родителями.

В ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

Много доброго сохранила память о детстве. Всегда вкусно пахло маминым борщом, котлетами, пирожками. А какие пироги, торты она пекла! Их у неё близкие заказывали даже на свадьбы. Самоучка, она обшивала своих детей, отсылала платья племянницам в Воронеж, бескорыстно помогала соседям. Её все любили: тихая, скромная, никогда не слышала от неё грубого слова, ни с кем не ссорилась. «Бог им судья» – всегда говорила мама, опустив голову. У нас во дворе всегда играли дети со всей улицы, и мама обязательно угощала всех чем-нибудь вкусненьким. К нам любили приходить все.

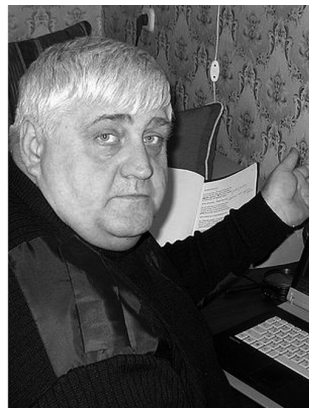
В хате телевизора не было, только радио. Стояли армавирские железные кровати, шифоньер с зеркалом, круглый стол с резными ножками, табуретки, сундук, а в углу висел шкаф для посуды. Вся мебель – дело рук отца. На полу домотканые пёстрые дорожки – произведение маминых рук, как и белоснежные накрахмаленные тканевые занавесочки и чуть подси-

ненные тюлевые. В комнате было всегда чисто, каждая вещь на своём месте. Порядок любили все.

В другом углу, за тюлевой занавеской – икона Божьей Матери. Ей мама всегда молилась, хотя особенных молитв не знала. Благодарила Бога за всё и просила всем здоровья. Помню, если я была чем-то недовольна, мама говорила:

– Кого Господь любит, того наказывает.

А я ещё больше сердилась и лишь теперь поняла эту мамину мудрость. Икону Божьей Матери «Помощница в родах» я храню и сейчас. Она помогла мне и моей невестке. Раньше не было казачьего дома без икон. Сейчас и в моей комнате есть киот. Жаль, что поздно к вере пришла. Но, как говорят батюшки, разными путями приходят люди к Богу.



ФЁДОР МАКАРОВ

Автор восьми сборников поэзии и прозы и также публикаций в газетах и журналах Владивостока, Москвы, Белгорода, Ростова-на-Дону. Член Вседонского литературного сообщества. Живёт в Ростове-на-Дону.

ПРОВЕРКА НА УТОПЛЕНИЕ

(Психология или психопатия)

Разговорились с Юрием Петровичем о случаях, связанных с изменением психологии в дальних рейсах.

Юрий Петрович – тип великолепного хохла – упрямый мужчина с зелёными глазами, чистым лбом и прекрасным чутьём на юмор, ранее, в течение десяти с лишком лет, работавший в одном из черноморских рыболовецких хозяйств и потому хорошо знакомый с предметом разговора.

Вот что он мне рассказал.

***

«Я тогда ещё электрорадионавигатором работал. Рейс уже за половину перевалил. Вся наша экспедиция толклась на одном пятачке под Дакаром, ну, порт в Африке, в Атлантике… Заход в порт раз в три месяца. Тоска.

Всю свою работу я переделал и слонялся по судну, не зная куда приткнуться.

Ясно: приборы пашут, рыбку пишут, я без работы, но это лучше, если бы наоборот.

От скуки начал наводить порядок в своём хозяйстве. Перевернул все ЗИПы, расконсервировал, законсервировал, переложил с места на место, раскопал кое-что интересное, а запнулся вот на чём.

Попалась мне в руки шлюпочная переносная радиостанция. Ясно: проверяется она раз в год. Попробовал – работает. Покрутил ручку, ключом поработал: «Ти-ти-ти – та-та-та – ти-ти-ти…» СОС, стало быть, – «спасите наши души», «save our souls» по-английски! Полный порядок.

Читаю инструкцию, и как тормознуло что: оказывается, согласно инструкции, мало того что она аварийная и переносная, она ещё и герметичная, то есть должна всплывать с глубины до тридцати метров, если притопить сначала, уронив с высоты пятнадцать метров. Диапазон!

О, думаю, шо-то я не помню, чтобы кто-нибудь проверял этот пункт. Ну там ручку покрутят: «Ти-ти-ти – та-та-та – ти-ти-ти...». На том проверка и кончена. А всплывёт она чи нет – вот в чём вопрос.

И засел этот вопрос у меня в голове. Я и так и сяк. Думаю, та если написано – должна, сволочь, всплывать, значит всплывёт! Если попробовать, то должна всплыть. В конце концов, наверное, кто-то и пробовал. В общем, даже наверняка – пробовал.

Иду я к начальнику судовой радиостанции как к непосредственному моему начальнику и честно спрашиваю:

–Так и так, если притопить до тридцати метров – должна всплывать?

Ясно: я – молодой, а начальник – уже пожилой, да старик почти.

– Неси, – говорит, – инструкцию.

Несу. Читаем.

– Герметичная, тварь! Если притопить до глубины тридцать метров, должна всплыть.

Посмотрели друг на друга.

– А ну-ка, неси, – говорит начальник радиостанции, – ети её мать, сюда.

Приволок. Осмотрели. Вроде бы должна всплывать. Такой коробок с закруглёнными углами. Оранжевый. Крышка поднимается защёлками, резиновые прокладки. Ручки для переноски по бокам. Удобно.

Взяли мы её за ручки и – на мостик. Ну, чтобы высота падения более-менее соответствовала.

Начальник отдышался.

– Ставь, – командует, – эту заразу на леер!

Ставим. Поглядели друг на друга.

– Пихай!

Спихнули, показалось, аж «мявкнула». Полетела наша переносная герметичная за борт. Плюх! Хлюпнула и начала тонуть.

Вода в океане чистая, прозрачная. Метров пятнадцать как через стекло, потом мутнее, я бы даже сказал – смутнее…

Долго видно.

Мы плечом к плечу, старый да малый, наклонились, следим.

Продолжает тонуть!

Зигзагом.

Оранжевое пятно в Атлантическом океане.

И тут я начинаю понимать – не всплывёт, не всплывёт, тварь!

И надо бы было хоть «мотузок» какой привязать, что ли…

Начинаю понимать и потихоньку так, плавно отодвигаюсь, отодвигаюсь в сторону.

Начальник, вижу, ещё не … но скоро…

А та – уже даже на глаз видно – больше тридцати метров, а она всё так же зигзагом – глубже, глубже…

Начальник над леером свесился – замер.

Ясно: за все радиоприборы – он материально ответственное лицо на судне!

Замер начальник, и тут я увидел, как в течение короткого времени человек может испытать, наверное, всю гамму чувств.

Сперва любопытство. Затем ожидание. Затем, вдруг, озарение. И

далее радуга чувств от «Господи, какой я дурак!» до «Боже мой, как таких дураков Земля носит?».

И тогда я впервые увидел, как человек может меняться в лице.

Да вот когда тунца на палубу выволакивают, он, прежде чем умереть, меняет цвета.

Все цвета радуги пробегают по его коже. Красиво, конечно, невозможно красиво!

Вот такую же игру красок увидел я на лице начальника. Как у тунца! Ясно: я испугался, а сам хохочу, не могу. «Умрёт!» – думаю.

Постоял так начальник, замерши, затем ушёл.

Ни слова, ни взгляда…

Прятался я от него до конца рейса как только мог. Сам знаешь, на рыбаке спрятаться друг от друга негде, так начальник, как только меня встречал, замирал, как стойку делал, и начинал смотреть не мигая, как гадюка. Не на меня, в сторону куда-нибудь…

А я, как дурак, смеяться начинал, даже хохотать.

Никто понять ничего не может. Ни он, ни я никому – ни полслова…».

***

Юрий Петрович помолчал и досказал: «Тут, конечно, всё дело в том, что мы одновременно забуксовали на цифрах. Сказано: упадёт – с пятнадцати метров, всплывёт с тридцати!

И захохотал.

СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

День был в разгаре.

Солнце светило ярко.

Оно казалось белым-белым и палило нещадно.

Над разогретым бетоном причала горячий воздух, виясь и закручиваясь в прозрачные барашки, поднимался вертикально вверх. На зубах хрустели мелкие невидимые песчинки. Казалось, что ветер приносил их со стороны моря. Но казалось также, что ветра не было вовсе.

Покойному Василию Ивановичу было уже всё равно. Его труп взяли за ноги и под мышки, снесли по трапу на причал, положили на горячий бетон и накрыли белой, в ярком солнечном свете кажущейся ослепительной простынёй. Некоторые из экипажа буксира стояли на борту, положив руки на раскалённую сталь фальшборта, и смотрели на умершего вдруг на штурманском мостике капитана. На Василия Ивановича Бугрименко. На Ваську, на Бугра, на Сохатого, на Грека. Постояв у фальшборта и посмотрев на покойного под ослепительной простынёй, они поворачивались и уходили в кондиционерную прохладу надстройки, где их ждали свои дела. Их сменяли другие.

Василию Ивановичу было не жарко под палящими лучами саудовского солнца. Наверное.

Владельцы буксиров, работающих по снабжению всякой всячиной морских буровых вышек на нефтяных полях Персидского залива, обещали рефрижератором отправить в морг тело Василия Ивановича немедленно, но, видно, у них что-то не получалось. И вечером, когда возвратились с нефтяных полей остальные буксиры, всего их было четыре, и буксир, на

котором умер капитан Бугрименко, прилетевший принимать его под своё командование, сегодня никуда не пошёл. Неживое тело Василия Ивановича всё ещё лежало, накрытое белой, но сейчас уже казавшейся серой, засыпанной мелким-мелким песком простынёй. Кроме того простыня уже кое-где бурела пятнами, о происхождении которых разум отказывался догадываться.

Какой запах, какой-то знакомый запах распространялся во влажном жарком воздухе над горячим причалом. Всё это выглядело угнетающе нехорошо. Владельцы буксиров, на которых были смешанные экипажи под командованием в основном украинских капитанов и среди членов команды которых были в основном украинцы, клятвенно обещали увезти тело Василия Ивановича на мифическом рефрижераторе, который они пытаются найти и заарендовать за бешеные деньги.

В жёлтом свете портовых прожекторов всю ночь пролежало тело Василия Ивановича на нагретом причале. Всю ночь вахтенные члены экипажей буксиров отводили глаза. И всё-таки видели белую простынь, которая иногда вдруг, казалось, шевелилась и увеличивалась в размерах. А может быть, так и было. Тело распухало от жары.

***

Когда Василий Иванович ещё был живой и юный, и мы даже не догадывались, что ему придётся умереть, где-то за три моря от отчей избы, так сказать, мы с ним учились в одной, самой наилучшей, четвёртой группе самой наилучшей второй роты, с самым наилучшим её командиром Алексеем Константиновичем Евсеевым, сперва капитаном, а затем – наконец-то! – майором, в самом наилучшем Ростовском-на-Дону Ордена Знак Почёта Мореходном Училище имени Георгия Яковлевича Седова (РМУ им. Г. Я. Седова).

Василий Иванович (его мы уже называли иногда и так, но чаще Бугор, Васька, Грек, Сохатый, иногда – Лось) передвигался в пространстве очень степенно. Шаг его был размашист и плавен. А его чернявая голова с чуть горбатым и чуть искривлённым носом и с очень внимательными, блестящими, почти коричневыми глазами плыла в воздухе, как бы отдельно от крупного и очень уверенного в своих движениях тела.

Греком его кликали потому, что он взаправду был полукровка: отец его был черноволосый и темноглазый природный грек дядька Иван, а мать – темноволосая, с коротко постриженными волнистыми волосами, вишнёвоглазая украинка тётя Майя.

Васька Грек, учась в школе, занимался борьбой. Был силён, здоров и вёрток. Одним словом: Лось, Сохатый!

Он умел впечатлять. Это, видимо, был его природный дар. Может быть, в его дальнем родстве числились греческие пифии. Не выучив, по разным обстоятельствам, заданного, он выходил к доске, брал мелок в уверенную руку и, легонько постукивая им по зелёной или коричневой деревянной доске, говорил, что, дескать, там есть такие формулы, которые описывают те-то и те-то явления. Видимо, преподавателю чудились эти самые формулы написанными на доске, и Васька, плавно и широко шагая, шёл по аудитории и садился на своё место, всегда получая хорошую отметку. Повторить этот трюк мы, однокашники, если и пытались, то всегда неудачно.

Однажды на стрельбищном полигоне мы с Васькой затеяли бороться. Он был мне не по силам, вился как вьюн и выскальзывал из, казалось бы, самого верного захвата. Я злился и шёл напропалую, а он уклонялся, падал на спину и тут же вновь оказывался на ногах. Оказывается, есть у борцов такой трюк: падая на спину, надо погасить силу удара, хлопнув по стремительно приблизившейся земле обеими руками с ладонями, развёрнутыми строго параллельно поверхности падения. Затем, используя инерцию падения, перекатиться почти на лопатки и в нужный момент, когда ноги окажутся в самой верхней точке, сделать стремительный мах навстречу падению ногами и всем телом, подогнуть ноги под себя, согнув в коленях, и оказаться стоящим на них. Главное не переусердствовать и не плюхнуться носом вперёд, на противника.

Мы перестали барахтаться, может быть потому, что я тоже был не по силам ему, и он начал учить меня падать на спину, на заросший степной травой остро пахнущий жёсткий склон полигона и тут же вставать на ноги.

Пока подошла наша очередь отстрелять своё из автоматов Калашникова и пистолетов Макарова, я уже довольно сносно подражал ему.

Болела набитая спина, лопатки, ноги. Всё тело болело и, казалось мне, скулило, а Васька всё так же улыбался и, как подброшенный невидимыми пружинами, вновь оказывался стоящим передо мной на своих ногах. Следом была моя очередь. Он толкал, я падал на спину и оказывался на ногах носом к носу с улыбающимся Василием Ивановичем, тогда ещё Васькой Греком, Сохатым.

– Думал, вообще из пистолета в мишень не попаду, – когда нас везли назад в училище на крытых военных грузовиках со скамейками, сказал мне Васька, заговорщицки улыбаясь, – руки трясутся, прицел скачет, мишень плывёт...

Я вздохнул. Отлегло. Я думал, что только у меня так.

***

Утром обнадёженные судовладельцами капитаны ушли обслуживать свои назначенные морские буровые вышки, оставив на причале под простынёй одинокое тело Василия Ивановича дожидаться обещанного рефрижератора. Так и не принятый под своё командование четвёртый буксир увёл, матюкнувшись про себя, уже настроившийся домой старый капитан буксира, оставленный владельцами до прилёта следующей замены.

Вечером, когда красное солнце раскалённым шаром опускалось за линию горизонта, на его фоне и на фоне построенных на портовых молах входных маяков в порт один за другим вошли четыре буксира, тело Василия Ивановича всё ещё было на месте. Один за другим буксиры швартовались на свои положенные места, кормой к причалу. По телефонам владельцы искренне удивлялись, что тело всё ещё не забрали, и заверяли, что, конечно же, конечно же, решат вывоз тела немедленно.

Утром капитаны буксиров отказались выходить в море, пока тело умершего капитана Бугрименко Василия Ивановича не будет забрано с причала. Экипажи буксиров поддерживали своих капитанов. Все они рисковали своими заработками и репутацией, потому что будущие судовладельцы могли спросить у предыдущих об исполнительности вновь наня-

тых работников. Да и подобные слухи над морями и океанами витают подобно воздушным завихрениям неустойчивой атмосферы.

К обеду небольшой портишко, затерянный во влажной духоте, пронизанной хрустящим на зубах мелким песком побережий Персидского залива, был пуст. Судовладельцы нашли возможность увезти бренное тело, после чего буксиры тут же ушли на свои назначенные нефтяные поля.

Над разогретым бетоном причала горячий воздух, виясь и закручиваясь в прозрачные барашки, поднимался вертикально вверх.

Союз белгородских литераторов

ШВЕДОВА ИРИНА

Дизайнер, художник, поэт, член Союза журналистов. Кандидат наук. Живёт в Белгороде.

***

Росы дрожат на весу,
И по трубе водосточной
Солнце взошло,
Утра бидон молочный
По небу разлило.
Белой пенкой вскипая,
Пролились облака,
Розоватым тронутые слегка
Утренним светом.
Дети хотят молока.
– Бабушка, дай скорее,
В кружку налей!
Дай нам напиться
Утром душистых полей.
Пусть придёт оно в наши дворы
С тёплым летом.

***

Осыпал дождь росу.
Или следы вчерашних слёз?
Потоком новым напоил, унёс
Туманно-серым утром дым печной,
И облаков гряды
Плывут в синеющий простор всё выше.
Угли поворошу. Тепло под крышей!
В края другие вести первых гроз
Уносит налегке весенний ветер,
И радость дня в ещё неверном свете
Из ближних ив
Мне соловьиный голосок донёс.

***

Между радостями и печалями
Замирая в молчании,
Вижу танец ветвей.
Это ясень шумит у окна,
И весна
Гонит шелест.
Любовь моя! Этот
Долгий зов, как сомнамбула, пью.
Не дышу, не живу,
Не пою.
Жизни прелесть – меж тенью и светом.
Сном единым – не надо ответа –
Мир пространства любви ожил.
Поцелуев знойные миражи
Гонит шелест заката к рассвету,
И не слышен времени бег.
Миг Свободы – в извечной борьбе
Между тенью и светом –
Лишь мгновение...
И не став
Ни стихом, ни письмом к тебе,
Остаётся чиста
Невесомая гладь листа.

ВЛАДИМИР СЕДОВ

Член Союза писателей России. Член Союза кинематографистов России. Писатель, драматург, основатель общественно-политической организации «Русский клуб». Автор более 19-ти книг, сборника новелл на французском языке. Живёт в Нижнем Новгороде.

УЧИТЕЛЬ

У каждого из нас был Учитель.
Кем был он? Другом? Соратником? Второй Мамой? Или просто равнодушным преподавателем? Или всё же он был Учителем – Учителем с большой буквы. Мне повезло. У меня был такой Учитель. Один. Но и его мне хватило на всю мою беспокойную жизнь.

Дверь в наш класс открылась, и за директором школы Ниной Владимировной вошёл человек небольшого роста (вернее, даже маленького), с довольно-таки странной причёской и весьма оригинально одетый.

Голова его от той странной причёски была как будто квадратная.

Синий пиджак, жёлтая рубашка, ярко-красный галстук, и ко всему этому зелёные брюки и красные ботинки.

Таким предстал перед нашим классом новый учитель географии.

Нина Владимировна представила его и ушла.

Уйти-то она ушла, но только мало кто из нас понял, как зовут нашего нового географа.

Но он оказался славным малым и, очевидно, привык, что его имя на слух с трудом воспринимается. Проводив взглядом директрису, он представился нам ещё раз:

– Банкток Банктоныч Загрядский, – и поклонился.

Класс, поражённый новым учителем, молчал, но не весь. С задней парты встал Федька Клепкин и, тоже поклонившись учителю, сказал:

– Батон Батоныч Замотыгин.

Класс дружно хохотнул и замер, ожидая реакцию учителя.

Учитель тоже хохотнул.

– Интересная фамилия «Замотыгин», и имя почти как мое. А во-

обще, если кому-то нравится, то можете меня величать как и Замотыгина, – и, иронически поглядев на смельчака, добавил: – Садитесь, Замотыгин.

Так Федька Клепкин получил новую кличку «Замотыга», а учителя мы стали звать «Батон Батоныч». Но это за глаза.

На первом же уроке учитель задал нам неожиданный вопрос:

– Какую геометрическую форму имеет планета Земля?

Наша вечная отличница Таня Кулакова подняла руку и чётко ответила:

– Наша планета имеет форму шара.

– Неверно, – расстроил её учитель.

Танька фыркнула и, обиженная на учителя, села.

Мы притихли. Что-то тут не так. Танька не могла ответить неправильно.

А учитель, не обращая внимание на наше замешательство, весело так, с какой-то искринкой в голосе добавил:

– Абсолютно неверно.

– А какой же она формы? Квадратная, что ли? – сыронизировал Замотыга.

– Вот именно, дорогие друзья. Земля наша никак не круглая. Её можно с натяжкой назвать эллипсовидной, а если уж говорить совсем честно, она... – и он показал рукой на Замотыгу, – верно, квадратная. Вот ты, мой тёзка, готов поверить, что Земля наша не круглая, а квадратная?

– Я? – ошарашенно переспросил Замотыга.

– Да, ты.

Федя тряхнул головой и, решившись, ответил:

– Готов.

– Молодец! – прямо-таки завопил учитель. – Вот за то, что ты готов поверить в то, во что никто никогда не поверит, я ставлю тебе «5». Давай дневник.

Замотыга с дневником робко, не веря в своё счастье, подошёл к учителю. Он за всю свою ученическую жизнь ещё ни разу больше тройки не получал, а тут пятёрка.

Но учитель пятёрку поставил, чем окончательно запутал и поразил весь наш класс.

После этого урока мы и в школе, и дома только и делали, что говорили о нашем новом учителе. Самым популярным предметом в нашей жизни стал глобус. Вместе и поодиночке мы рассматривали его, круглый, как шар, стараясь рассмотреть в глобусе хоть что-то, отдалённо напоминающее квадрат.

Но в круглом шаре квадрата так никто из нас и не видел.

Один Клепкин-Замотыга ходил гордый по школе и, обзывая нас – своих одноклассников – дуболомами, говорил:

– Разуйте глаза! Какой же это круг? Квадрат! Слепцы.

Родители наши, как и родители «Замотыгина», не поняли ничего из того, что мы им объясняли про квадратную Землю. А папа «Замотыгина» хотел даже выпороть своё «квадратное» чадо, но не стал этого делать только из-за того, что был ещё больше поражён первой пятёркой своего верного двоечника.

Странности нашего учителя географии на этом не закончились. Уроки его резко отличались от тех, которые проходили у нас до этого. Учи-

тель давал знания, но как-то наоборот, и оценки ставил не столько за знания, сколько за способность отстаивать эти знания.

Например, изучаем мы Египет.

Рассказывает он нам о фараонах, пирамидах, войнах, религиях. И вдруг спрашивает: «А что самое необычное в истории Египта?»

Ответов было много, перечислили почти все, в том числе и пирамиды. Он и ухватился за эти пирамиды, и давай пытать, почему же самое необычное – это пирамиды.

Мы и так, и эдак.

А он: «Нет».

Мы с другого конца.

А он опять: «Нет».

И наконец, поняв, что до нас не доходит, выдал:

– Самое необычное – это не пирамиды, а тот человек, который в стране с плоской, как блин, пустыней вдруг сумел увидеть в этой самой пустыне горы, то есть пирамиды, а увидев, решил их построить.

Самое необычное – это ТОТ САМЫЙ ЧЕЛОВЕК, имени которого мы, к сожалению, не знаем, со способностью увидеть то, что никто никогда до него не видел, а он сумел. И вот теперь пирамиды – это самое большое и прекрасное чудо мира. Способность видеть в обычном необычное – вот что отличает человека от животного. Понятно?

– Понятно, – ответили мы, опять поражённые необычностью выводов нашего учителя.

– Чем отличается человек от животного? – задал он нам вопрос на очередном уроке.

Клепкин крикнул:

– У нас нет хвостов!

– Неверно. Когда-то и у человека был хвост. Потрогайте хотя бы сейчас себя за копчик.

– Животные не умеют улыбаться! – крикнул кто-то.

Кстати, учитель не только не запрещал нам кричать с места, если, конечно, было что кричать, но даже поощрял это.

– Это неправда. Они умеют улыбаться, даже смеяться.

– Они не умеют любить, – застенчиво пролепетала наша отличница Кулакова.

– Ну, это вы совсем зря. Животные умеют так любить, как умеют любить не все люди. Что друг друга, что своих детей. Лебеди – вот вам пример полной бескомпромиссной любви. Они проживают жизнь, любя только друг друга, и когда один умирает, то другой, взвившись в небо, падает на землю и тут же разбивается насмерть. А мама-паучиха, когда чувствует, что её маленьким паучатам нечего есть, отдаёт себя им на прокорм. Ну, это так, к слову. Не буду вас больше мучить. Человек отличается от животного тем, что животное живёт в природе, приспосабливаясь к ней: либо меняет окраску, либо видоизменяет конечности, зубы, глаза, а человек сам меняет природу под себя. И делает это он не от того, что ему так хочется, а потому, что это жестокая необходимость. Не секрет, что наша Вселенная меняется, а вместе с ней меняется и биосфера нашей планеты. От этих изменений многие животные просто вымирают как вид. А Человек не может вымереть, потому что он, Человек – конечная цель эволюции биосферы. Вот поэтому он и обязан менять природу сам. А как её менять? Вот тут-то и нужны такие

люди, которые в круге вдруг смогут увидеть квадрат. Такие люди меняют и приспосабливают нашу цивилизацию к новому изменённому миру.

У нас было много вопросов к учителю. Он будил в нас, юных людях, какие-то тревожные чувства, заставлял задавать сначала самим себе, а затем и ему такие вопросы, на которые ответов, казалось бы, не было. А он нам на всё отвечал. Наверное, он нас Любил. Он говорил, что мы все талантливы, но мир меняет гениев, а их единицы. И только эти единицы будут теми, через кого заложена миссия по спасению человечества от грядущей катастрофы, когда через двадцать пять миллиардов лет наша Вселенная, увеличившаяся до предельных размеров, опять начнёт сжиматься и сожмётся до размеров вращающегося нейтрона.

Мы плакали от таких речей от беспомощности. И в то же время каждый из нас надеялся, что именно он будет стоять в цепочке гениев, спасающих мир.

Один гений не спасёт мир. А вот стоящие в цепочке спасут. Имён многих мы даже не знаем, но то, что сделали они, используем и радуемся.

– А что они сделали? – задавали мы очередной вопрос.

– Оглянитесь, и вы увидите!

Прежде всего Огонь. Огонь, который был стихией. Кто-то из наших предков его приручил, поняв, что он может быть полезен.

Природа в своей эволюции не создала колесо, и каким же надо быть абсолютно абстрагировавшимся человеком, чтобы увидеть в перспективе развития человека колесо. Этому гению надо было давно поставить памятник. Ведь он увидел то, чего в природе нет и никогда не было.

А создание кирпича? Обыкновенного кирпича! Ведь всё строительство до кирпича велось из блоков монолитных глыб и было делом трудоёмким и тяжёлым. И вот очередной гений, совсем не подозревая, что он – гений, взял кусок глины, придал этому бесформенному куску форму прямоугольника, обжёг его в огне, и получился кирпич – материал, который позволил построить все города мира.

Даосский монах-алхимик, в поиске элексира бессмертия составляя горючие смеси, создал порошок, который позволил разрушать стены, созданные из того же кирпича, – порох.

Паровой двигатель, а затем двигатель внутреннего сгорания позволили нам перемещаться в пространстве быстрее и быстрее, экономя время, так как любая экономия в конечном итоге ведёт к экономии времени – самого дорогого, что есть у человека.

Электричество позволило нам заглянуть в макро - и микромир, подарив новый вид энергии. Познание атома открыло такие возможности ёмкостей энергии, что стало понятно – чем-чем, а энергией человечество обеспечено полностью и до конца.

Что нас ждёт? Я думаю, генная инженерия, клонирование и антигравитация. Но это то, что мы прогнозируем, а есть ещё нечто, чего мы даже не представляем. Обведя весь наш класс рукой, он сказал:

– За вами будущее, и тот из вас, кто увидит в обычном необычное, кто увидит Землю не круглую, а квадратную, совершит очередной прорыв человечества к выживанию в этом быстро изменяющемся мире.

На всю жизнь мы, ученики, запомнили эти слова нашего учителя. И были ему благодарны за то, что он в век стандартизации, специализации и однообразия научил нас видеть в пустыне – горы, а в круге – квадрат.

ЛЮДМИЛА ЕРЁМЕНКО-КОСТЫРЧЕНКО

Живёт в Красногвардейском районе Белгородской области.

Маме

Вот и вербы цветут.
Снега нет даже в низких местах.
Не растаял лишь снег
На твоих смоляных волосах.

Отложу все дела.
Да и ты, моя мама, присядь.
Я дыханьем своим
Обогрею морозную прядь.

К ней щекой прикоснусь,
Тёплым словом вложу в этот стих.
Серебристую нить
Я в ладонях упрячу своих.

Но желаньям детей
Неподвластна совсем седина.
Вьётся лёгкая прядь,
Словно в гребне седая волна…

Вот и вербы цветут.
Снега нет даже в низких местах.
Не растаял лишь снег
На твоих смоляных волосах…

Рождение стиха

Порыв души как детский крик
В ночи рождённого младенца…
К святой купели в полотенце
Неся его, целуя лик,
Сама ты не осознаёшь,
Малютку нежно обнимая,
Легонько крестик поправляя,
Насколько первенец хорош…
Пьянит восторг, что он родился,
Что миг крещенья совершился,
Что имя ты ему даёшь…

***

Ты хочешь слёз моих? Не надо…
И так всю осень шли дожди.
Всю зиму сыплют снегопады,
И неизвестность – впереди…

Ты хочешь слёз моих? Не надо…
Они горьки и солоны.
Уж скоро март, но я не рада,
В душе не чувствуя весны…

Ты хочешь слёз моих? Не надо…
А вдруг отрадные лучи
Коснутся сердца? И прохладой
Печаль укроется в ночи…

Вдруг благодатным добрым светом,
Меня пытаясь отогреть,
Сирень предутренним рассветом
В апреле станет пламенеть?

А солнце гриву величаво
Распустит, словно рыжий конь!
И вспыхнет искоркою малой
Во мне живительный огонь…

Вдруг я пойму в какой-то миг,
Что ты не стоишь слёз моих?...

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

Член Союза писателей России. Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, а также многочисленных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат многих литературных премий. Доктор медицинских наук. Живёт в Нижнем Новгороде.

СУДЬБА КАРОЛИНЫ

1

Честно сказать, очень мне не хотелось ехать в это Богом забытое место. Конечно, мог бы и увильнуть, прикинуться больным, как в прошлом году.

Впрочем, в прошлом году я не так уж и много выгадал. Сослался на мнимые боли в почках. Покричал, когда молодой, неопытный парень-терапевт постучал ребром ладони по моей пояснице. Оставшись в городе, сразу же получил повестку из комитета комсомола. Меня записали в РСГ (ремонтно-строительную группу), и каждый день, кроме выходных, приходилось ездить на строительство институтского профилактория, таскать цемент на грязных деревянных носилках, кидать тяжёлые и мокрые белые кирпичи, а в дождливую погоду сидеть в грязной и прокуренной бытовке, постоянно глядя на часы – смотреть, сколько ещё времени осталось до четырёх часов, официального конца рабочего дня. Правда, всего за полчаса я доезжал до дома на автобусе и мог посвящать вечера литературному творчеству. Только было ли это лучше и интереснее картошки?

В Белавке мне не понравилось сразу. Во-первых, не было никакого леса поблизости. До горизонта тянулись унылые осенние поля, перемежающиеся труднопроходимыми балками да оврагами, заросшими лопухом и крапивой чуть ли не по пояс. Во-вторых, поселили нас не в частных домах, у старушек, как это обычно бывает, а в одном большом бараке с несколькими тусклыми лампочками без абажуров, свисающими прямо с гнилой крыши.

Работали, конечно, не слишком много. На студенческих сельхозработах никто никогда не утруждался. Грязные, кривые картофелины стучали о металлические вёдра, и у меня, честно сказать, до сих пор этот однообразный звон в ушах стоит. Вялые и некрасивые девушки в болоньевых курточках как раз и занимались «вторичной подборкой», то есть кидали в вёдра те клубни, которые оставил на поле комбайн, а юноши носили вёдра к пятидесяти-килограммовым матерчатым мешкам, лежащим у края борозд. Когда мешки наполнялись, к ним подтягивался маленький грузовичок. В кузове уже стоял длинноволосый Гоша Огурцов, неформал и забияка. Он принимал мешки и прижимал их друг к другу, чтобы они не падали.

После ужина делать было совершенно нечего. На улице, как правило, моросил постоянный осенний дождик. Парни лежали на нарах и вяло переговаривались. Кто-то пытался читать, кто-то бренчал на гитаре.

Однажды до нас дошёл слух, что в селе Подлипки каждое воскресенье бывает дискотека. От нечего делать решили рвануть туда. Вышли сразу после ужина и за полтора часа прошагали километров десять по грязной дороге, едва различимой при помощи карманного электрического фонарика.

Подлипки после Белавки казались чуть ли не Парижем, только Эйфелевой башни не было. Зато был добротный кирпичный только что построенный клуб с портретом добродушно прищурившегося Ленина, с настоящим ВИА в лице трёх гитаристов и косоглазого клавишника.

Тогда, в восьмидесятые, деревенские парни на дискотеках не танцевали. Танцы были привилегией исключительно девушек. И быстрые, и медленные. Несколько девчоночьих пар, переминающихся посреди зала под какой-нибудь шлягер типа «Яблони в цвету» – обычное явление сельской дискотеки. Никому никогда не приходило в голову заподозрить обнимающихся девушек в чём-то нехорошем – времена стояли пуританские. Одна из них, рыжеволосая Оксана, оказалась неплохой певицей. По какой-то причине она не любила местный ВИА, смотрела на парней свысока, но те старались не замечать презрительное отношение девушки и который раз просили её: «Ну, спой, Оксан! Ведь у нас солистов нет. Давай из Каролины, ты хорошо её песни поешь».

Оксана каждый раз пела «из Каролины» (а мы были в Подлипках всего лишь три или четыре раза за этот картофельный дождливый сентябрь). С первого посещения дискотеки мне почему-то запала в душу одна песня, с нелепым таким припевом:

Мальчик-неваляшка,
Красная рубашка,
Посиди со мной,
Милый и родной.

А потом, в последний раз посещения дискотеки в Подлипках, я провожал Оксану до дому. Сразу скажу, чтобы не интриговать читателя понапрасну – никакой любовной или даже банальной сексуальной истории не предполагалось. Просто дикая скука картофельного прозябанья под перманентным дождём должна была хоть чем-то разбавиться – хотя бы видом асфальтированной сельской улицы и кривого фонаря (в Белавке не было ни фонарей, ни асфальта). Конечно, я не помню слово в слово, о

чём мы тогда говорили с Оксаной. Но одна тема запала в память. Женским чутьём уловив, что я человек случайный в её жизни, что скоро уеду навсегда в свой далёкий город, Оксана неожиданно разоткровенничалась. Так иногда люди рассказывают всю свою жизнь случайным попутчикам в поездах.

– Везёт таким, как Каролина, – вздохнула Оксана. – Живёт в Москве, поёт в нескольких группах. Всё у неё есть – деньги, известность, поклонники. Её даже в «Голубом огоньке» под новый год показывали. Как первую звезду. А голосок какой? Пищит, как котёнок новорождённый, пока его не утопили… А у меня что? Отец пьяница, тракторист, мать – медсестра на ФАПе, сама я даже в Воротынский агротехникум поступить не смогла – сочинение на двойку написала. Двадцать шесть ошибок. Ну не даётся мне эта писанина! Почему в жизни всё так несправедливо, Женя? Почему вот у неё всё, а у меня ничего? Ничего, кроме этой непроходимой грязи и косого клавишника?

Я, помню, успокаивал Оксану, как умел. Дескать, всё наладится. Погоди, ты ещё молодая. Всё впереди.

Я, помню, успокаивал Оксану, как умел. Дескать, всё наладится. Погоди, ты ещё молодая. Всё впереди.

Оксана незаметно сиганула в гнилые, полуотворённые ворота. Я остался один и с отвращением пошёл назад, в сырой барак. Потом, когда мне приходилось слышать Каролину по радио (телевизор я и в те годы почти никогда не смотрел, а радио слушал исключительно на кухне, когда готовил еду), всегда почему-то вспоминал рыжеволосую Оксану и мокрые ворота, в которые она сиганула от меня, и запах мокрого гнилого сена. А года через два после моего пребывания в Белавке о Каролине никто уже не говорил.

2

Кто бы мог подумать, что я встречу её через тридцать лет?

Не Оксану, конечно. Рыжеволосая вокалистка из Подлипок совсем меня не впечатлила. Да я и не узнал бы её через такое время. Речь идет о Каролине.

В один из тёплых июльских дней на балконе старого корпуса в Переделкино сидел с ноутбуком в руках прозаик и драматург Василь Бульба, русско-белорусская билингва. Его настоящее имя мало кому известно, также как и истинное количество славянской крови в его сосудах. Впрочем, и русские цари были немцы и датчане. Устав от перманентного тыкания в клавиши компьютера, Василий Миронович смотрел вдаль на шелестящие кроны деревьев переделкинского парка.

Угадав во мне человека, вышедшего из советского детства, он завёл малоинтересный мне разговор о необратимых переменах в нашей стране, о коррупции и вседозволенности, о социальном неравенстве. Часто так бывает – вроде бы и прав собеседник, и согласен с ним на все сто, но чем-то он тебя раздражает. То ли бесполезностью этого разговора, то ли предсказуемостью всех тем… Но неожиданно разговор перешёл в конкретное русло. Бульба вспомнил известное выражение Экзюпери о том, что мы в ответе за тех, кого приручили. Банальность вроде бы, с которой не поспоришь. Но продолжение было неожиданное, конкретное.

– Я четвёртый раз женат и всех своих бывших не забываю. Первая у меня была учительница английского, ещё в Минске. Я ей до сих пор деньги посылаю на праздники. А вторая – очень известная в своё время певица. Каролина. Слыхал о такой? Сейчас её уже почти никто не помнит.

Что-то знакомое я почувствовал в его словах, вспомнились запахи гнилого сена, полуоткрытые, мокрые от постоянного осеннего дождя ворота, рыжеволосая девушка, долгая дорога по грязи в тёмную, околевающую под дождем Белавку.

– Каролина? Это не та ли, которая… И я процитировал:

Мальчик-неваляшка,
Красная рубашка,
Посиди со мной,
Милый и родной.

– Надо же, помнишь!

– А она жива?

– А почему бы нет? На семь лет меня моложе. Ей всего лишь пятьдесят восемь. Почему бы не жить?

Мне казалось, что песни Каролины я слышал совсем в другой жизни.

– И где она сейчас?

– Да рядом с нами. В Новопеределкино. Пешком дойти можно. Кстати, сегодня зайти собирался. Ты свободен после ужина? На машине съездить можно. Десять минут. Заодно и познакомишься.

– А это удобно?

– Неудобно спать на потолке. А если серьёзно, то она с детства очень общительная. Правда, задувать стала много за последнее время. Кстати, не знаешь в Москве хорошего нарколога?

С наркологами мне как-то общаться не приходилось, даже с нашими, нижегородскими. Бог избавил… А в Москве и тем более. На следующий день вечером мы поехали в Новопеределкино. Возле кладбища, на горке, уже образовалась пробка. Как всегда, закрыли железнодорожный переезд. Рядом с машинами уже сновали таджики, предлагали игрушечные флаги Российской Федерации и устройства для сотовой связи.

– Раньше все писатели на электричке ездили, а теперь… – Бульба задумался. – И кому нужна машина, если на ней проехать нельзя!

Прежде чем мы переехали ненавистную железную дорогу, шлагбаум открывали и закрывали не менее пяти раз.

Зато после того, как миновали переезд и свернули направо, машина понеслась как по трассе. Вот и улица Лукинская, вот и длинный кирпичный дом у церкви. Отсюда очень недалеко до станции «Мичуринец», а от «Мичуринца» на машине пять минут от Дома творчества, и тогда никаких переездов на пути не будет. Пройтись по полю, возле Мичуринского пруда, одно удовольствие. И займёт минут двадцать. Это не стоять полтора часа в пробке у переезда. Но Бульба не автомобилист, он таких вещей не понимает.

Дверь открыла пожилая неопрятная женщина в махровом халате.

– Привет, Елена, – сказал Бульба. – Извини, что не один. Мы ненадолго.

– Елена Степановна, – произнесла она мужским прокуренным голосом и напряжённо закашляла в морщинистый кулак с чёрными ободками грязи на ногтях.

– Ты не обращай внимания, что она шатается, – шепнул мне Василий, когда мы снимали обувь. – Атрофия коры мозжечка. Отравилась денатуратом.

Женщина действительно слегка покачивалась из стороны в сторону.

– А где же… – начал было я, но Бульба прервал меня:

– Это и есть Каролина. Она самая. В миру – Елена Ванюхина.

– Я помню, у вас высокий голос был, – сказал я, чтобы не молчать.

– Выпьешь столько, сколько она, любой голос потеряешь, – засмеялся Бульба.

Всё это было некрасиво с его стороны. Всё-таки женщина. Но Каролина как будто не понимала насмешек. Постепенно переместились на кухню. Обстановка там была довольно убогая – нелепые бежевые обои с рваными краями, с изображением коричневых электрических розеток (и кто это надумал купить такие?), загаженная, месяцами немытая плита. Из-под трубы с облупившейся масляной краской вылезали быстрые рыжие тараканы. Повсюду валялись порожние бутылки, в основном пивные и водочные.

– Ну, давай остаканимся, – предложил Бульба. – Дай-ка наши коронные стопочки! Стопочки так и не нашлись. Каролина призналась, что продала их недавно у переделкинского рынка за двести рублей.

– Ну и дура, – припечатал её Бульба. – Это же чешское стекло! И подарок белорусского писателя.

Принесённую Бульбой водку пришлось наливать в чайные чашки.

– Мне тут недавно на ВДНХ, на книжной ярмарке, говорил один такой, раскрученный, – продолжал Вася. – Журналист и писатель. Дескать, у меня нет времени заниматься самовыражением. Я завоёвываю литературное пространство. У меня семья, дети голодные. Кстати, очень хороший писатель, реалист. Хотя и чересчур зацикленный на политике. А я ему отвечаю – да ты прав, конечно. А с чего ты взял, что я только самовыражаюсь? Я работаю над словом. Профессионально работаю. И ничего не завоёвываю. Ведь профессиональный писатель это всего лишь тот, кто хорошо пишет. А профессиональный певец – кто хорошо поёт. Сейчас поёт, а не вчера. Это вот у нас Каролина раньше хорошо пела. А кто теперь Каролина, кто?

– А кто теперь Бульба, кто? – неожиданно парировала Каролина.

– А раньше кем был этот самый Бульба? Отец – Мирон Бурбулис, мать – Шура Квасова. Какой ты белорусский писатель?

– Не важно!.. Я белорусский язык знаю, пишу на нём, вырос на Витебщине. И вообще… Национальностью своей гордится только тот, кому больше нечем гордиться! В чём заслуга конкретного человека, если он родился русским, евреем, белорусом?

– А кто тебя раньше-то знал? Кто тебя сейчас знает? Выйди-ка на этот рынок засранный, новопеределкинский, спроси-ка там у кого угодно, что такое бульба? Картошка, скажут, по-белорусски. Картошка… Почём картошка? Двадцать рублей килограмм. Такая тебе, Бульба, цена. А я Каролина. Меня хотя бы раньше знали и пели…

– А я и сейчас знаю, – сказал я, чтобы разрядить обстановку и процитировал:

Мальчик-неваляшка,
Красная рубашка,

Посиди со мной,
Милый и родной.

– Это самая ранняя моя песня. Потом я вместо «красная рубашка» пела «я твоя милашка». Помните, когда я впервые «милашку» спела?

– Нет, не помню.

– На «Голубом огоньке». Рядом со мной ещё космонавты сидели, такие все привлекательные, в военной форме, с проборами в волосах. Герои Советского Союза. – Каролина налила себе ещё водки. – Извините, парни, закуски больше нет… Вот раньше мужчины были! В космос летали! Герои! Формы-то какие носили красивые! Погоны, ордена-медали. А сейчас одни алкаши. Или вот такие, как наш Бульба, творческие личности.

– Я беларуский письменник! – заорал Василь. – Зразумела, дура? Трэба за закускай у краму схадзиц. А то у гэтай спявачки ни храна ежы.

– Давай, беги, письменник… Кстати, может ещё бутылку захватишь?

Пока Бульба бегал за бутылкой, Каролина попросила у меня в долг пятьсот рублей.

– Понимаете, ни копейки нет с собой, – наврал я, прекрасно понимая, что Каролина не из тех, кто отдаёт долги. А спонсором быть не хотелось. – Все деньги в Переделкине, в комнате. Да и то только на заправку, до дома доехать.

– Я понимаю… Но мне-то что делать? Ведь я нигде не работаю. Пенсия крохотная. Надо за квартиру платить, за свет, за газ… телефон уж полгода как отключили за неуплату. На сотовом тоже денег нет. У меня мама, старушка, в Покрове живет. Соскучилась по дочке. Плачет ночами, бедная. На автобусный билет до Покрова дадите? Двести рублей дадите? Мама плачет! Старушка плачет!

– А вы разве не из Москвы? – спросил я, давая понять, что о деньгах говорить не хочу.

– Что вы, я приезжая. Из Владимирской области. Спасибо Бульбе, сумел в своё время квартиру получить как советский писатель. Вы не смотрите, что мы тут собачимся. Васька человек хороший, порядочный. И писатель неплохой. Не зря ему квартиру выделили! Он и сейчас бы хорошо зарабатывал, если б эти скоты в Беловежской пуще, в его родной Белоруссии, Советский Союз не развалили. Пьяные животные себя хозяевами почувствовали. Каждый своей вотчиной заправлять захотел. Украина… Да когда в истории такое государство было, Украина?

– Это вы правы, – согласился я. – Украина означает «окраина».

Каролина не захотела продолжать нейтральную политическую тему. Славянский вопрос её не занимал.

– Потом мы квартиру продали, – продолжала она, – а мне Бульба третью часть отдал, отсюда эта однушка. Никто мне не помогал, несмотря на всенародную известность. Кто я? Отец – пьяница, мать – продавщица в гастрономе. Я даже в техникум поступить не сумела во Владимире – сочинение на двойку написала. Двадцать две ошибки. И почему в жизни всё так несправедливо, а? Почему вот у этих, с голосами кошачьими, всё, а у меня ничего? Ничего, кроме этого гадкого спального района, откуда до метро в автобусе надо сорок минут пилить?

Я слушал Каролину, и меня не покидало чувство, что эти слова мне уже приходилось слышать в другой обстановке и от другого человека.

Вскоре вернулся Бульба. Он налил себе четверть чайной чашки и категорично заявил, что больше пить не будет.

– Не могу больше. У меня режим. Я пишу каждый день после завтрака, а потом ещё до пяти часов. Только вечером позволяю себе немного расслабиться.

– Молодец, – ответила Каролина. – Его неслучайно минские друзья прозвали Железной Задницей.

– И тебе заканчивать надо, Каролина. Кстати, могу тебя на работу устроить. Уборщицей в издательство. Деньги, прямо скажу, шуточные. Зато это дисциплинирует. Не будешь спать до двух часов дня. Будет у тебя… как это… трудовая гордость! Каждый день к восьми утра на работу. Пол подмела, из мусорных вёдер выбросила – и назад!

– Правильно, Василий. Как мудрые люди говорят, ученье – свет. А неученье – чуть свет… и на работу! Спасибо, дорогой. Поздно мне полы мыть. Меня тут выступать звали.

– Это куда?

– В клуб АЗЛК. Там что-то вроде кружка.

– Петь, что ли? – усмехнулся Бульба.

– Не кощунствуй! Куда мне теперь петь! Не петь, а рассказывать. Об эстраде семидесятых. Там есть один пенсионер, инженер бывший – Рогинский, Михаил Львович. Так вот этот Рогинский интересуется эстрадой семидесятых годов. Недавно он читал доклад на тему «Судьба Каролины».

– Как звучит здорово! Прямо-таки как роман! – воскликнул Бульба. – Вот и Женя тебе то же скажет. Ну и о чём он говорил?

– Да обо всём. Как я жила в Покрове, как музыке училась, как провалила экзамены во Владимире, как с этим гадким Брезкуном встретилась, как начала петь.

– А обо мне он что говорил?

– О тебе? Да ничего почти. Говорил, что в таких-то годах Каролина была женой журналиста Василия Квасова. Квасов напечатал о ней статью в журнале «Молодёжная эстрада».

– Это я-то журналист Квасов? И это всё, что он знает про меня?

– Так доклад был обо мне, Вася. Он назывался «Судьба Каролины», а не «Судьба Бульбы».

– Вот паразит! – огрызнулся Бульба. – Вечно эти исследователи всё переврут. Все они такие… Помните, как Есенин писал о Брике?

Вы думаете, что Ося Брик –
Исследователь русского языка?
А на самом деле он шпик
И следователь ВЧК.

Прошу тебя, Ленка, не ходи больше на такие сборища. Бездарные пенсионеры тешат себя байками, косят под исследователей.

– Почему это косят? Рогинский – настоящий инженер, кандидат наук. Он коробки передач конструировал для «Москвичей». А ещё он любит всё старое, советское, настоящее. Советские мультфильмы. Советские кинокомедии. Советских певцов и актёров. Космонавтов тех же и всякие космические изобретения.

– Так почему же он факты неправильно интерпретирует? Почему не сказал, что Василий Квасов работал для «Книжного обозрения» и «Ве-

черней Москвы», а для русской и белорусской литературы ишачил день и ночь неугомонный Василь Бульба, двуязыкая бабочка славянской культуры? Почему Рогинский не доложил в своём клубе, что этот письменник бяздарны, никчэмнасць, кватэру ёй зрабив у Маскве, хай и у жудасным раёне…

– Хопиць, Бульба! – закричала Каролина. – Надоел ты мне. Иди на хер.

– А вот и пойдём, – уже спокойно, после некоторой паузы, сказал Бульба. – Именно туда, куда ты мне указала. Всё, Ленка. – Он медленно поднялся с шатающейся табуретки и двинулся к двери. – Сейчас я тебе тысячу рублей дам. Больше нет, не серчай.

Каролина молча приняла бумажку.

– Заходи, если время будет. И вы, Женя, заходите. Скучно одной. Раньше хоть телевизор смотрела.

– Где, кстати, телевизор?

– Отдала водопроводчику. Он мне смеситель менял на кухне да бачок унитазный устраивал.

Бульба только махнул рукой.

– Ну всё, бывай.

Уже в машине он спросил меня:

– Она у тебя деньги не вымогала?

– Нет, – ответил я. Мне показалось, что такой ответ не подольёт лишнее масло в огонь.

– Надо же! – удивился Бульба. – Обычно она у всех просит.

На переезде нам повезло – стояли не больше десяти минут. Было уже поздно, начало темнеть. Из ресторана «Дети Солнца», который нынешние тупые нувориши назвали просто «Солнце», доносились ритмичные звуки. Женский визгливый голос что-то пел, а музыка (и бывают же такие совпадения!) удивительно напоминала ту песню, которую пела рыжеволосая Оксана.

– Слушай, Василий, – не сдержался я. – Ведь это же песню Каролины поют, ту самую:

Мальчик-неваляшка,
Красная рубашка,
Посиди со мной,
Милый и родной.

Бульба прислушался.

– Нет, не эту, – добавил он вскоре. – Хотя все они похожи друг на друга, эти песенки.

АЛЕКСАНДР ЛОМТЕВ

Член Союза писателей России, заместитель председателя правления Нижегородской областной организации «Союз писателей России». Член Союза журналистов России.

Автор книг «Путешествие с ангелом», «Ундервуд», «Пепел памяти», «Шёпот неба», «Лента Мёбиуса», «Финский дом», «Ичкериада», «Не бойся», «Однажды я не умер» и других. Лауреат премии СП России «Имперская культура» 2006 г., премии им. А. Куприна 2015 г. и других. Публиковался в журналах «Север», «Нева», «Сибирские огни», «Волга», «Южная звезда», «Берега» и других. Директор Информационного агентства «Саров», газеты «Саровская пустынь». Автор четырёх персональных выставок графики. Живёт в Сарове (бывш. Арзамас–16) Нижегородской области.

УДОЧКИ

Почти каждое утро сразу после завтрака Сергей Иванович брал удочки, вынимал из-под кровати небольшую сумку с «припасами» и выходил из палаты. Во дворе он присаживался у деревянного стола, раскладывал на гладких некрашеных досках поплавки, грузила, крючки, потом складывал всё это обратно в сумку и выходил за ворота. По узкой тропке, извивающейся среди чёрных стволов столетних лип, Сергей Иванович выходил на околицу, садился на неведомо когда и для кого вкопанную скамейку и собирался с духом.

До речки было километра полтора. Это далеко. Если тебе под девяносто – очень далеко. Сергей Иванович сидел на скамейке, смотрел на дорогу и всё не решался отправиться в путь. Он представлял себе, как побредёт по зелёному пустырю, пройдёт мимо поля, где будет стоять звон от стрекота кузнечиков, шелестя высокой травой, минует заливной луг, усыпанный цветами, и выйдет на песчаный берег речки. Поплавки закачаются на мелкой волне, трясогузки будут суетливо бегать по жёлтой отмели, а над противоположным берегом пролетит пара седых луней. Солнце поднимется высоко, и рябь на воде станет слепить глаза, от песка пойдёт сухое тепло, но лёгкий ветерок освежит лицо. Сергей Иванович достанет из сумки тайком заготовленные ещё с вечера бутерброды и с удовольствием

съест их без остатка, вытряхнув из пакета крошки для трясогузок. Впрочем, трясогузки, кажется, не клюют крошек…

Из задумчивости его каждый раз выводил звонок, созывающий обитателей дома на обед. Сергей Иванович поднимался со скамейки, бросал взгляд на напрасно ожидавшую его тропинку и брёл обедать. На крыльце он останавливался и выкладывал для дворовой собаки подсохшие несъеденные бутерброды.

После обеда он садился у окна и допоздна смотрел на чёрные стволы лип, на тень от сарая, потихоньку ползущую в сторону дома, на кошку, крадущуюся вдоль забора, и думал о том, что завтра обязательно дойдёт до реки…

«Пап, ты поживёшь здесь месяц, мы вернёмся из отпуска и заберём тебя домой». Сергей Иванович не хочет вспоминать тот день, но каждый день голос сына звучит в голове сам собой, а вместе с голосом возвращается и воспоминание. И сердце начинает стучать. «Тут хорошо, тут твои сверстники, тебя подлечат, кормить хорошо будут… На рыбалку ходить будешь…». Конечно, оставлять его одного на целый месяц в их большой квартире на Садовой было никак нельзя. Газ забудет выключить или утюг… Воду уж сколько раз в ванной забывал выключать, квартиру не запирал… Хорошо – внучата почти всегда дома. Утром только в школе… Удочки захватили по его настоянию. Уж если на месяц в санаторий – так уж порыбачить от души. Когда-то даже в отпуск, на море, Сергей Иванович брал с собой снасти и таких кефалей, бывало, вываживал из солёных волн на коктебельских пляжах, что местные от зависти только крякали. И сына научил рыболовству. С сыном они объездили полстраны, забирались с удочками в такую глухомань… А потом сын показывал в школе фотографии, а за сочинения на тему «Как я провёл лето» получал исключительно пятерки…

Это была долгая и счастливая жизнь. А потом… Умерла жена, две маленькие квартиры обменяли на одну большую, внуки как-то неожиданно подрастали, а он так же быстро старел. Что-то стало происходить с памятью. Невестка как-то странно смотрела на Сергея Ивановича и ночами о чём-то сердито разговаривала за стеной с сыном…

Увидев «санаторий», Сергей Иванович всё сразу понял. И сын понял, что он понял, но ничего не сказал. Прислонил удочки к прикроватной тумбочке, огляделся, промолвил: «А что – чисто, светло» и стал помогать Сергею Ивановичу раскладывать вещи.

Сергей Иванович держался молодцом. Потом ему рассказали, что один старик, когда понял, где его оставляют, упал на пол и зарыдал, как ребёнок. А Сергей Иванович молчал, заставлял себя не говорить вслух того, что рвалось из груди. Но что толку не говорить вслух, если в голову пришло и не хотело уходить единственное слово – «сдали». Как сдали в ветлечебницу больного и старого Грэя. Только Грэю повезло: в лечебнице ему сделали укол, и он ушёл, даже не поняв, что произошло, до последнего преданно глядя вслед хозяевам.

В первую ночь в доме престарелых Сергей Иванович то и дело просыпался, не мог понять, отчего он не на своём привычном диване, мучительно вспоминал, где он, словно утопающий за соломинку, хватался за удочки в изголовье и снова проваливался в темноту.

Удочки особенно хорошо отвлекали его первые дни. Он перебирал их, вспоминал, где и когда купил удилища, как готовил снасти, что и когда

поймал. Вот это удилище подарили ему на шестидесятилетие сослуживцы, вот это – на семидесятилетие сын. Вот это… Среди дорогих складных пластиковых и бамбуковых хлыстов была и особенно дорогая ему довольно корявая на вид самодельная ореховая удочка, которую он самолично вырезал и оснастил для сына, когда впервые взял его с собой на серьёзную рыбалку. И как она только смогла сохраниться столько лет во всех житейских перипетиях, переездах, квартирных обменах, ремонтах…

Сын несколько раз звонил, рассказывал о внуках, расспрашивал о здоровье. Разговора о возвращении не заходило, и Сергей Иванович об этом не заговаривал.

Он похудел и перестал бриться. Время от времени взбадривал себя, пытался участвовать в жизни дома престарелых, даже, вспомнив былое, взял в руки гитару. Но вскоре снова впадал в хандру, отгораживался от всех и не разговаривал даже с соседом, тоже, впрочем, человеком замкнутым и молчаливым.

Однако каждое утро неизменно выходил с удочками за ворота в надежде, что уж сегодня-то непременно дойдёт до реки, и поплавки будут качаться на серебряной ряби воды, и трясогузки будут бегать по отмели, и…

И каждый вечер с чувством несбывшейся надежды сидел у окна, смотрел на липы, но видел не липовую аллею. Словно слайды из заброшенной куда-то коробки (а зачем теперь слайды, когда есть видео!) проходили перед ним картины его длинной и, в общем-то, неплохой жизни. Жизнь неплохая, да конец странный, думалось ему, как бы всё сложилось, доживи Зоя до сегодняшних дней? Сидел бы он сегодня вместе с ней за кухонным столом под любимым абажуром, а может, у телевизора. А по утрам она ворчала бы, глядя, как он собирается на рыбалку…

Лето тянулось нестерпимо долго, а пролетело в одно мгновенье.

Однажды, когда в окно с размаху влепился жёлтый лист да так и приклеился к стеклу, Сергей Иванович вдруг понял: если он завтра же не пойдёт на реку, то уж не пойдёт никогда.

Станет холодно и сыро, он перестанет выходить на улицу, будет подолгу молча сидеть у окна и смотреть на один и тот же пейзаж за окном. На чёрные стволы лип, на угольный сарай в конце участка, на чугунную ограду вокруг дома, про которую говорят, что она сохранилась ещё с тех пор, когда в доме жило большое семейство князей Шаховских. Сергею Ивановичу нравилось иногда вечерами представлять себе, какое дружное и весёлое семейство обитало тут. Он придумывал их дни и вечера, представлял себе старого князя-ворчуна, сочиняя за него реплики и отвечая ему то за сына, то за многочисленных внучат. Ярко горели свечи, от печей щедро шло дровяное живое тепло, где-то в комнатах играл рояль. Обшарпанное пианино стоит в «клубной комнате» дома престарелых, и на нём даже иногда играет почти лысая бывшая учительница Вера Владимировна. Но тогда был рояль. И только рояль. И какой-то молодой голос вплетался в полные волнения гулкие звуки инструмента, и старинный романс грустно плыл из комнаты в комнату. И Сергей Иванович вдруг узнавал голос племянницы, а лица расшалившихся детишек были лицами его внуков, и сын вскидывал одного из них на широкие плечи (как сам он бывало), а невестка несла ему на серебряном подносике рюмочку наливки… И Сергей Иванович тихо плакал светлыми слезами…

Но на этот раз не пришёл на помощь ни старый князь, ни воспоминания, ни глупая надежда, упрямо жившая где-то в уголке души. Этот жёлтый осенний лист словно пробил брешь в оконном стекле и впустил в его мир холод и безнадёжность. В голове была пугающая ясность: вот-вот придёт зима. И эта зима уже трогала его тоскующее сердце ледяными пальцами, и терпеть не было никакой возможности.

Сергей Иванович вытащил из-под кровати сумку и под удивлённым взглядом соседа, привыкшего к тому, что ритуал всегда свершался только по утрам, начал перебирать снасти. Он проверил леску на каждой удочке, переставил пару крючков и заменил один из поплавков. Перед отбоем сходил в столовую и взял с подноса, который всегда подавали к вечернему кефиру, несколько кусков…

Задолго до завтрака Сергей Иванович вышел из палаты, миновал двор и вышел за ворота. По узкой тропке, извивающейся среди чёрных стволов столетних лип, Сергей Иванович вышел на околицу. У скамейки он остановился, но присаживаться не стал.

Он представлял себе, как побредёт сейчас по зелёному, но уже подвянувшему пустырю, пройдёт мимо рыжего осеннего поля, где уже не будут стрекотать кузнечики, минует отсыревший и пожухший от заморозков заливной луг и выйдет на песчаный берег остывшей, приготовившейся уснуть подо льдом речки. Ему вдруг стало так зябко и бесприютно, что палата показалась на мгновенье желанным домом. Но ледяная рука вновь тронула медленно бьющееся сердце, и Сергей Иванович, подняв на плечо связку удочек, отправился в путь…

НАДЕЖДА КОРОЛЬКОВА

Живёт в селе Графовка Белгородской области.

***

Испито мной горя!.. Другим не по силам.
Я Бога простить мне грехи упросила.
И Бог согласился в обмен на обет –
Мне жить без любви до скончания лет.

Я с радостью выпила воду святую,
Покорно вернула посуду пустую,
Господь прикоснулся к моей голове,
И строго спросил: «А скажи-ка ты мне –
Спасения ради – любовь предаёшь…
А как без любви бабий век проживёшь?».
Господь, улыбаясь тихонько в усы,
Исчез в небесах за созвездьем Весы.

Осталась стоять я, разинувши рот,
И вдруг показалось – любимый зовёт!
Рванулась на голос по лунной дорожке…
Нигде… никого… Но мелькнули вдруг рожки.

Патефон

Остов хаты – без окошек,
Палисадник – без цветов,
От следов соседских кошек
Проторёнки меж кустов.

Здесь и поросль от угорки,
Здесь крапива и паслён.
А за хатой, на задворках
Среди хлама – патефон.

Он не сразу узнаваем –
Шея скручена судьбой.
А когда-то, я же знаю,
Патефон был молодой.

Пел басисто, пел задорно,
Пел душевно, весело,
Подпевало и проворно
В пляс пускалось всё село.

Мелюзги сверкали пятки,
Выбивая пыль времён,
Вдовы плакали украдкой,
Если плакал патефон.

Было, было и такое –
Песни пели с хрипотцой
О войне! О скорбной доле –
Не смахнуть слезу рукой.

Что ищу я на задворках?
Может, память о себе?
На виниловой подкорке
Шифр к загадочной судьбе.

Ни воротец, ни калитки –
Временной открыт портал,
Патефон промок до нитки,
Ждать спасенья перестал.

Осень поздняя. Мне зябко.
Дождь полощет зеленя…
Кошка стряхивает с лапки
Приходившую меня…

Баллада о первом поцелуе

День Победы – без мамы,
Прогоркло вино…
Нет печальнее драмы:
«Это было давно» –
Это было недавно…
Война… Медсанбат…
Страх с отвагой – на равных!
Каждый воин – как брат.
А однажды … на зорьке
Шёл в разведку отряд.
Кто-то выкрикнул: «Зойка!
Проводи, буду рад!».
Маме было семнадцать,
Девка – кровь с молоком,
А солдатик по раме
Звонко бил кулаком.
Невысокого роста,
Кривоног, некрасив…
Мама вышла… Всё просто –
Поцелуй попросил.
Попросил, будто хлеба,
Будто кружку воды…
Не уйти – видит небо
В этот раз от беды!
«Сердце ноет и плачет –
Нецелованный я.
Не война – всё б иначе
Пелась песня моя.
Смерть – коварная баба.
Навидался, воюя.
Не хочу быть обласкан
Я её поцелуем…
А ты добрая, значит
Не обидишь… Уважь!» –
Парень просит и плачет,
Сразу видно – не блажь.
Кто-то крикнул: «Серега!»
Развернулся солдат…
Мама сжалась… «Продрогла?» –
«Ты ж мне, парень, как брат!».
Но по-бабьи вздохнула
И шагнула в рассвет…
И тому поцелую
Шестьдесят с лишним лет.
Он ушёл в предрассветье
Навсегда, на века!
«Нет прекрасней на свете», –
Вновь выводит рука.

Мама в сердце хранила
До последних минут
Поцелуй сердцу милый,
Как любовь берегут.
Среди дат и реликвий,
Среди милых имён,
Скажет, будто окликнет:
«Пал целованным он».
Я не знаю фамилии…
Из каких был он мест?
Незабудки да лилии
Парню вместо невест.
День Победы – без мамы,
Прогоркло вино.
Нет пронзительней драмы:
«Это было давно…»

***

Золотыми чернилами осени
Я пишу о любви в сотый раз.
Ну зачем повторяешься – спросите,
И сама я не знаю подчас.

Хаотичные мысли, как осы,
Жалят ум и роятся в душе.
Нет ответов. Одни лишь вопросы,
Штампы, фразы… сплошное клише.

Но у каждого слова есть корни,
Связь живая людей и веков.
Я кричу милой Родине: – Помни,
Плоть моя из любви и стихов.

Золотыми чернилами осени
О любви драгоценной пишу.
– Что ты пишешь? – однажды вы спросите.
– Я в любви вам признаться спешу!

ДЕНИС ЛИПАТОВ

Стихи и проза печатались в журналах «Нева», «Континент», «День и Ночь», «Крещатик», «Волга», «Урал», «Нижний Новгород», «Новая Юность», «Графит», «Новая реальность», «Ликбез» и других. Автор книги стихов «Другое лето» и книги прозы «Науки юношей». Участник поэтического товарищества «Сибирский тракт». Живёт в Нижнем Новгороде.

АЛЖИР

Была посмешищем. Для всей школы. Ходила всегда в каких-то безразмерных пиджаках и юбках, впрочем любая одежда была бы на ней безразмерной: длинная, тощая, высохшая, выкуривала по две пачки «Беломора» за день. Ни мужей, ни детей (ну, кроме нас, значит, по двадцать – двадцать пять балбесов в каждом классе) никогда, конечно, не было и в помине.

Алгебра. Всю жизнь только она – иксы, игреки, интегралы, производные, функции, системы уравнений, с двумя, тремя, с одними неизвестными. Теоремы и леммы. Доказательства. Дискриминанты и деприми. Чёрная доска, на которой в течение каждого урока она пишет все эти значки и буквы, соединяя их всю жизнь в одни и те же формулы, которые и составляют её жизнь и которые в конце каждого урока дежурный – какой-нибудь вихрастый троечник или пусть даже и не троечник и не вихрастый, а вообще девочка-припевочка-отличница, весь класс в неё влюблён – какая разница, в общем, кто, но в конце каждого урока стирает эту её жизнь с доски плохо отжатой и грязной тряпкой, оставляя от неё только меловые разводы.

Не любили и боялись. Потом, когда стали постарше, уже и не боялись. По-прежнему не любили, кое-кто даже ненавидел, но никто никогда не жалел. Да и с чего бы? Входила в класс уже взвинченная – почему доска грязная? – кто дежурный? – привести в порядок! – и начинается – ор, истерики, линейкой по столу – балбесы, неучи, дубины – марш к доске – вон из класса – чего, дура, накрасилась – чего, идиот, смотришь! И так пять лет! Вколачивала в нас алгебру, значит.

Но случались и у неё «приступы доброты», какие-то непонятные «лирические отупения». Это называется – не с кем поговорить, одиночество и тоска, и чёрная доска. Приходила в такие дни – садилась за стол, глаза будто затуманены, смотрит с минуту на всех, как на родных, улыбается – деточки, мои – говорит – бедные мои – говорит – на кой чёрт вам эта алгебра – говорит – на кой чёрт вам этот английский – говорит – он же такой скучный! А хотите, я вас французскому ещё буду учить? А мой сосед по парте уже злорадно шепчет мне в ухо: «Сейчас опять начнёт молодость вспоминать, про Алжир заливать». А то я не знаю!

Ага. Все знали. Наизусть уже: вечное лето, пустыня, пальмы, раскалённый до бела город – кофейни и школы прямо на улице, под огромными тентами или шатрами – революция, обретение независимости, нищета, чунга-чанга, колониальный французский, по сорок-пятьдесят чумазых ребятишек в классе, глазёнки распахнуты, стремятся учиться, хоть весь день в школе просидели бы – не то что вы – и конечно – море, море, море.

– Кто из вас бывал на море? – и смотрит на нас влюблённо, влюблённо, сияет улыбкой, просто сверкает вся лучиками и морщинками, будто то самое, блядь, алжирское солнышко, которого на самом-то деле она, скорее всего, никогда и не видела.

– Туфта это всё, – опять шипит Забелло, – насмотрелось фильмов с молодым Бельмондо, вот и несёт всякую пургу.

– Да? А французский у неё откуда?

– А хер её знает.

– Так я не слышу – кто из вас видел море? – прямо вся растает сейчас, светится прямо вся, что твой чернобыльский реактор, а в ответ смотрят на неё тридцать пар ненавидящих глаз, а она же не замечает! Она нам сейчас «Марсельезу» запоёт! Девочки ещё что-то пытаются изобразить, когда она на кого-то посмотрит, а мы – так и не пытаемся даже – просто глаза прячем, а кто и не прячет, а ей – хоть бы что!

В общем, выбешивала она этим своим Алжиром всю школу регулярно. Раз в четверть примерно. И когда случался у неё такой день, во всех классах, в которых были её уроки – у всех «наступал Алжир». А на следующий день – всё по новой – дебилы, идиоты, дуры, интеграл что ли первый раз увидели, чего буркалы вылупил, какие вам институты – и вот так от звонка до звонка.

Директор терпел это всё с болью в сердце. Дотянуть бы её до пенсии, а уж там… Тем более материал мы на удивление знали хорошо, контрольные, даже и «со штампом», районные, решали без троек, и родители наши её почему-то уважали.

Но до пенсии она не дотянула. Случился очередной «Алжир». Да какой! Для начала мы её просто не узнали: вошла в класс не прежняя кляча, заезженная, жалкая и дёрганная в какой-то нелепой и полунищенской одежде, которую носила она бессменно, а вошла – и с порога – «бонжур» – во всём новом, будто замуж собралась. И дальше – с места в карьер – сорок пять минут, без остановки, на чистом (наверное, чистом, кто ж его знал – спецшкола-то английская) французском ведёт урок, объясняя новую тему. Всю доску исписала формулами – и всё так мило, задушевно – хоть бы раз прикрикнула или даже просто взглянула построже – ничего похожего – воркует себе, как голубка, как будто она сама только что из института и это её первый самостоятельный урок, ну ни дать ни взять – именинница,

невеста, отличница – «энтра наус», «труа», «пар экселленс». «Аревуар». И, конечно же – море, море, море. Алжир. Будь он неладен.

– А вот это уже билет в дурррку, – произносит Забелло даже и не злорадно, а как-то удивлённо, специально, впрочем, картавя, но шуточка получается так себе – нелепой и грустной, и в гробовой тишине, в которой класс не шелохнувшись впервые, наверное, с начала учёбы просидел все сорок пять минут, этот его «билет в дурррку» слышат, конечно же, все. Кроме неё, разумеется.

Забыли её в школе охотно и быстро: мы – как страшный сон, учителя – как свой стыд и позор. Как будто сплавили, наконец, беспомощного и бесполезного родственника. Алла Алексеевна, пришедшая на её ставку, – и впрямь выпускница, отличница и невеста – дня три держала в лаборантской окна открытыми и не заходила туда – настолько там всё было прокурено. Нас она не боялась и не церемонилась и начала урок легко и непринуждённо:

– Ну что, цыплятки, продолжим учиться?

И мы, здоровенные пятнадцатилетние лбы, нахватавшиеся уже по сормовским подворотням блатной фени и «понятий», простили ей этих «цыплят» сразу и безоговорочно и влюбились в неё без памяти. «Алжир», казалось, был забыт всеми и навсегда. Но оказалось, не навсегда. И не всеми.

Ближе уже к зиме, в самую непролазную жижу, в самые мерзкие ноябрьские деньки, когда и здоровому-то человеку удавиться не покажется такой уж глупостью, а уж дёрганным и прыщавым подросткам и подавно, родители стали подбивать нас на добрые дела, на подвиги – сходить, значит, навестить старую учительницу. Никто из нас, конечно, никогда не согласился бы на такую пытку. Но вмешалась Аллочка Алексеевна: нет – говорит – надо – говорит – благородное дело – говорит. Вы же добрые, говорит. Ага. Добрые. Ну надо, так надо. Она и вызвалась нас организовать и тоже навестить свою предшественницу. Ну, в общем, некуда было деваться.

Набралось нас человек десять. Идти надо было к ней домой. В «дурке» она, оказывается, тоже долго не задержалась: поставили её на учёт, прокололи там какой-то гадостью, чтобы поспокойнее была, и выставили за дверь – благо есть куда, не на улицу всё же. А что вы хотите: лимит койко-мест, бюджет куцый, и нормальным-то сумасшедшим не всегда места хватает, и здесь вам не богадельня, в конце-то концов.

Денёк выдался – мерзее некуда – в Алжире таких, наверное, не случается – идём, месим грязь, плетёмся как на убой. Аллочка пытается нас как-то взбодрить – куда там! Проходим мимо каких-то ларьков, и тут Живоедов говорит:

– Нет, я так не могу! Реально надо сначала чем-то догнаться!

– Чтоооо? – это Аллочка.

– А давайте, и правда, скинемся, что ли, возьмём какой-нибудь бормотухи недорогой? «Вермута» или «Солнцедара».

– Чтоооо? – опять она.

Почти ни у кого никаких денег нет, только у Живоедова, но он вызывается всех угостить.

– Женя, не смей! Женя, не смей! – кричит ему вслед Аллочка, но он уже возвращается с бутылкой и десятком пластиковых стаканчиков, на ходу срезая пластмассовую пробку.

– Алжир! – торжественно предъявляет он бутылку.

И в самом деле: на жёлтой этикетке самого отвратительного и дешёвого пойла грубо намалёваны пальмы, пески, море, восходящее солнце, негритята, какая-то чунга-чанга, короче, и поверх всего этого аршинными буквами: «Алжир» – вино плодово-ягодное.

– Девочки, ну вы-то куда? – чуть не плачет Аллочка.

– Да бросьте вы, Алла Алексеевна, – отвечают они ей, закуривая. – Мы же по чуть-чуть, для настроения. Давайте с нами.

Кажется, она тогда не выдержала этого безобразия и ушла. А мы и правда поймали настроение: переместились в какой-то дворик, на лавочки, выпили эту бутылку, наскребли ещё на одну, на закуску раздраконили пару сладких рулетов «к чаю» и вафельный ореховый торт, которыми снабдили нас родители. Жизнь на мгновение улыбнулась. Даже выглянуло скупое и бледное солнце. Девчонки, покуривая, щебетали в сторонке о своём. Мы захмелели и чувствовали себя мужчинами. Живоедов, накрывший всю эту «поляну», сидел нога на ногу, раскинув по сторонам руки и запрокинув голову, подставляя лицо лживому ноябрьскому солнцу, и, глубоко затягиваясь, то и дело повторял: «Алжиррр…», что, вероятно, означало, что ему хорошо.

Настроение у нас переменилось. Появился хмельной и мстительный азарт. Теперь уже всем хотелось пойти «навестить» старую учительницу, увидеть то убожество, в котором она, вероятно, пребывала, дать, наконец, выход своим обидам и непримиримой детской ненависти.

– А про Алжир она, кстати, не звездила, – сообщает нам по дороге Забелло. – Я спрашивал у отца, и правда – была такая тема, когда у них там в шестьдесят каком-то году революция случилась, наши посылали туда учителей, инженеров, врачей – помогали типа.

– Интернациональный долг?

– Ну, типа того. Только без войны, не как в Афгане.

– Интересно, а с неграми она там спала?

– В Алжире нет негров, там арабы.

– Африка же.

– Ну вот сейчас у неё и спросишь. Пришли.

Гогочущей толпой отморозков ввалились мы в подъезд. Звериная наша решимость росла с каждым шагом. Но перед дверью мы заробели, топтались минут пять.

– Ну… звоните уже кто-нибудь.

И Живоедов позвонил…

Возвращались мы молча. То, что мы увидели, было слишком даже для нас. Голодная и безумная старуха не помнила ничего и никого. Кто-то предложил купить ей хотя бы хлеба, но деньги, какие были, все уже были истрачены. Мы не могли даже этого. Соседка, открывшая нам, полчаса тараторила, как ей тяжело с ней в одной квартире и что надо уже что-то делать, а сама она уже ничего не может, пенсия мизер, да и цен она не знает, не ориентируется ни в чём, и на рынке её недавно чуть не побили. Сказав, что сейчас мы сходим, купим ей хлеба и ещё каких-нибудь продуктов и вернёмся, мы просто сбежали. Аревуар.

– Не стыдно? – спросила на следующий день Аллочка.

Ещё как. Да что поделаешь.

А следующий год был для нас выпускным. Многое позабылось, а уж это… Между первыми экзаменами и последними уроками оставили нас

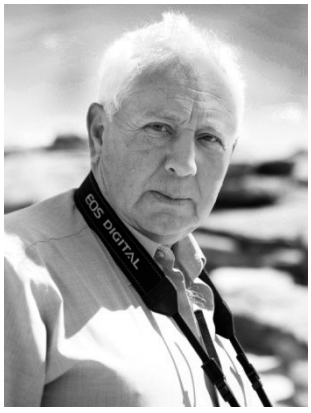
как-то подготовить класс к ремонту. Надо было вынести всякий бумажный хлам, «макулатуру»: старые классные журналы, стенгазеты, да мало ли всего накопилось за столько лет. Среди прочего попалась пухлая папка, тесёмки развязались и оттуда рассыпались старые школьные фотографии. И выпорхнула одна: группа молодых счастливых людей на берегу моря, среди них одна девушка. Они улыбались так, как можно улыбаться, когда впереди вся жизнь. Девушка была и впрямь красотка. Мы невольно залюбовались.

– А ведь это наша Эльвира Львовна, – вдруг проговорил кто-то, будто и сам себе не веря.

– Ктооо?

– Эльвира… Алжир.

И, конечно, море, море, море.



ЮРИЙ ХОБА

Член Союза писателей ДНР. Моряк, путешественник, журналист. Лауреат конкурса «Золотое перо Донбасса». Автор шести сборников прозы. В качестве военкора многократно выезжал на линию боевого соприкосновения. Живёт в ДНР, практически на линии фронта.

ПРЕСНЫЕ ЛЕПЁШКИ

Подал полсотни мужику, который в инвалидной коляске высматривал милостыню у врат храма Иоанна Предтечи. Удовлетворившись содеянным актом милосердия, присел на скамью в скверике, откуда просматривалась сохранившаяся с византийских времён церковь и испытанный чайками холст моря. Но едва достал спичечный коробок, как к коляске подлетела гражданка в длинной юбке. Отобрав деньги, она сунула бедолаге в рот зажжённую сигарету и начала вычитывать подопечному что-то серьёзное.

Днём позже на трассе Керчь – Джанкой мы с товарищем купили у рыжеусого мужика по пресной лепешке.

– С пылу-жару,– молвил рыжеусый.– Сам пеку, сам продаю на обочине. А что делать? Жинка вечно хворая, в селе работы для таких, как я, не имеется. Берите, полсотни за обе...

С лепёшками мы управились по ходу движения. Съедобные, ничего не скажешь. Но был в них привкус, который живо напомнил инвалида у церковных врат и сигарету, которую надзирательница сунула бедолаге в рот с таким видом, словно бросила кость шелудивому псу.

ПРИБРЕЖНЫЕ КУМУШКИ

Предвечерье тёплой вуалью ниспадало на Керченскую гавань. Оно скрадывало берег Тамани, шаги гуляющего по набережной народа и голоса трёх кумушек, которые бесцеремонно сошлись за спиной одинокого рыбака. Мужик, как и прочие представители этого племени, оказался на редкость терпеливым. Однако по его спине было заметно – насколько раздражают болтливые дамочки:

– Гляди, кума, какую фифу повёл… И не говори. Будь у меня такие кривые ноги, я бы в молодости ещё повесилась… Я, девочки, на месте того мужика эту кралю, как Стенька Разин, купаться бы отправила. Ишь выписывает кренделя... кобылица Первой конной.

– Вы на себя-то давно в зеркало смотрели? – не выдерживает рыбак.

Спросил вроде вежливо, не повысив голоса и не повернув головы, однако на кумушек реплика подействовала почище фугасной гранаты. Брызнули в разные стороны, даже не попрощались. И сразу же в гавань вернулась вуаль предвечерья, которая, как ничто другое, благостно согревает душу и взор.

СОЛЁНАЯ ТРАПЕЗА

В Феодосии к морю подвёрстаны даже самые сухопутные птицы – домашние голуби. Они утоляют жажду из лужиц на каменных волноломах, а кормятся подаянием, которое от близости моря тоже делается солёным. Стоит на берегу объявиться человеку с хлебным батоном, как голуби вместе с чайками окружают его разноцветной подтанцовкой. Клёкот, визги, стрекотание крыльев. Завидев поживу, сюда же подтягиваются осторожные утки и вальяжные лебеди. Наиболее нетерпеливые тут же вклиниваются в ряды кормящихся, чтобы разделить с ними трапезу.

За лебедями невозможно смотреть без улыбки. Сейчас обитатели закрытых водоёмов больше смахивают на подгулявших матросов. Идут вразвалку, спотыкаются о малейшие неровности набережной, пьяно распихивая по сторонам пернатую мелочь.

– Укачались на волнах бедолаги, – сочувственно говорит молодка в малиновых сапожках и такого же цвета беретике. – Как бы не стошнило... А вы почему лебедей не снимаете?

Я промолчал. Не хотелось признаваться, что подвыпившие мужики и похожие сейчас на них пернатые меня меньше всего прельщают. Другое дело – весёлая подтанцовка чаек и голубей, которые утоляют жажду из подсоленных штормами лужиц.

ПЛОЩАДЬ СОЛНЕЧНЫХ АКВАРЕЛЕЙ

Над Феодосией дымка с привкусом корабельного сурика. Она невесомо ложится под ноги прохожих и проникает сквозь оконные стекла дома-музея Грина, покой которого оберегают тяжеленная дверь и увенчанная кудрями цвета выброшенных на берег водорослей смотрительница. Разговариваем шёпотом, однако голоса и шаги звучат так, словно мы забрели в склеп. Линялые фотографии на стенах, мертвенная блеклость рукописей.

– Господи, – сердится приятель, – такую серость развели...

Я тоже испытываю что-то вроде разочарования. В моём представлении, дом-музей автора «Алых парусов» должен быть сродни воспетой им хрустальной обители, затмить которую не дано даже стылой дымке. Но отраду для души и глаз мы всё-таки отыскали.

В квартале от музея старая площадь. Она крошечная, однако развешенные на стенах домов акварели местных маринистов разогнули её

границы до самого окоёма. И поэтому на площади светло, как в произведениях величайшего романтика планеты. А ещё здесь держится едва ощутимый аромат корабельных снастей, до самой сердцевины пропитанных дальними странствиями.

ПОБИРУШКИ

Братья меньшие совсем озверели. Горлицы облюбовали сады, лебеди кормятся у человеческого жилья, а бурундуки, белки и обезьяны в карман лезут. Но всех перещеголяла однорукая макака, которая живёт в портовом городе Бомбее, где недавно гостили мои приятели. Гражданка настолько обнаглела, что, похоже, не испытывает угрызений совести, когда отнимает у туристов недоеденный банан или сладкие палочки.

– Нахальнее существа свет не видывал, – посетовал приятель. – Макаке и правую руку, похоже, в наказание за воровство оттяпали. А не поделишься бананом, клыки обнажит, орёт непотребным голосом.

Бурундуки тоже не подарок. Не приведи Господь заметит пакетик с жареными семечками, без которых наши туристки за границей чувствуют себя неуютно. Если какая из них случаем семечку за бюстгальтер обронит, бурундук тут как тут. Лезет, стыдно сказать, куда ему не положено, да ещё поглядывает – не будет ли добавки?

А ведь братья меньшие нахалами никогда не были. И побирушками их сделал сам человек. Настолько плотно приблизился к дикой природе, что голубям, лебедям, обезьянам и бурундукам не осталось ничего иного, как переквалифицироваться в иждивенцев. Чего доброго процесс адаптации в скором времени выгонит их на храмовую паперть, где до сегодняшнего дня побирались исключительно представители рода, который величает себя венцом творения.

ВЛАДИМИР ЧУРСИН

Журналист, редактор районной газеты «Истоки».
Автор нескольких поэтических сборников. Живёт в Прохоровке Белгородской области.

***

В окно мне дождь стучал всю ночь.
Мне не спалось и не читалось:
Не ливень бился во всю мощь,
А молодость моя стучалась.

Друзьями обступила дом
И, несмотря на темь, беспечно
Орала песни под окном
О том, что юность бесконечна.

Калейдоскоп вращался лиц,
И перепутывались годы…
Как мы смеялись! Как дрались!
Какие в небе были звёзды!

Всё – в прошлом, точно – не со мной,
Растает ночь. Гроза отступит…
Но почему я – сам не свой?..
…Дождь по стеклу всё лупит, лупит…

Хрупок наш мир

В каждом подсолнушке светит мне солнышко.
В каждом наречии плещется реченька...
В каждой ромашке – девчонки веснушки.
В каждом селении – хутор мой Грушки.
Хрупок наш мир – паутиночки нить...
Как же его не любить, не хранить?!.

***

А всё-таки жизни отпущено мало,
Но этого нам недосуг понимать.
Давно я не звал тебя ласково «мама»,
Бросаю, спеша, торопливое «мать».

Пожалуй, себя и не вспомню пострелом,
Гоняющим мяч от зари до зари.
Сегодня увидел, как ты постарела,
И резкая боль поселилась внутри.

Опять разговор почему-то нескладен,
Обрывочна мыслей непрочная нить,
А мне бы прижаться, морщинки разгладить
И тихо тебя о тебе расспросить.

Разглядывал часто ненужные лица,
Почти позабыл, как поют соловьи,
От самого близкого так отдалился,
Что даже глаза не узнал я твои.

Не знал я дороги прямой, оступался,
Старался не быть никогда подлецом.
А мне бы в твои загрубелые пальцы
Упасть хоть на миг загрубелым лицом.

Казалось, ушёл от тебя спозаранок,
Чтоб радость и боль понимать без прикрас.
Все боли мои ты себе забирала,
Но я это понял лишь только сейчас.

А всё-таки жизни отпущено мало,
И нам недосуг замирать на пути.
Опять ты поймёшь меня, милая мама,
Пойми меня, милая, и отпусти.

Отчество

Я радуюсь
Дождям, снегам, ветрам,
Молюсь Началу –
в зыбкие рассветы:
Погуще всходов
И поменьше ран,
Вопросов – больше
И на них – ответы.

И в новый день
Приоткрывая дверь,
С надеждой
В новое врываясь дело,
Прошу у Бога:
Меньше бы потерь,
Рыдало б реже сердце,
Чаще – пело.

Но убеждаюсь
С грустью и тоской,
Как мы,
Хлебнув из чаш чужих пророчеств,
Расплёскиваем
Душ своих настой,
Имён не чтим
И отреклись от отчеств.

А с языка –
Бесцветные слова,
И нам от этого
Уже почти не странно:
Расхристанные
Вани без родства
Какого-то
Неведомого клана.

Но к нам взывают
Веси и холмы,
Ветра тревожат
Предков голосами:
Так кто же есть
На этом свете мы,
Неужто мы
И сами не с усами?

И выесть может души
Злая тля,
Раз прошлое
Мы превращаем в небыль…
За нами – Русь,
Отечество, Земля,
А взять повыше,
То за нами – Небо.

И утро –
С «Отче наш» на «небесех»,
И день
Работой доброй начиная,
Я свято верю:
Быть моей Руси,
…И всё ж сейчас –
Под сердцем боль сквозная…

***

Этот милый родительский домик,
Где тепло, и уют, и покой,
Где размеренно и по-простому
Родничок бьётся жизни простой.

Жаворонок. Тропа через поле.
Тёплый ливень. Росистый рассвет.
Цвет черёмухи – сладкий до боли.
Лыжный – в роще берёзовой – след.

Губ твоих и тоска, и услада.
Дочки с синью небесной глаза.
Соловья на всю ночь серенады.
И мечты, и надежды слеза.

День высок, лучезарно хрустален,
Как высокий колодец без дна.
А с холма – бесконечные дали:
Ты вздохнёшь – вся Россия видна…

МАРИНА ШЕХВАТОВА

Автор книги «Жёлтый конверт» и документальной книги-фотоотчёта «Луганская Виа Долороза» о поездке в Луганск в 2015 году. Публиковалась в журнале «Роман-журнал XXI век», в периодической печати. Финалист национальной литературной премии «Писатель года» (2017 год) в основной номинации. Лауреат конкурса-семинара «Новые имена Белгородчины – 2019» в номинации «Проза». Живёт в Белгороде.

Трапеза

Книги по православной литературе стояли на верхней полке встроенного шкафа прихожей под самым потолком. Все они были давно прочитаны, и прошло, пожалуй, лет десять с тех пор, как к ним никто не прикасался. Собираясь начать традиционную предновогоднюю уборку, Мария Владимировна подумала о том, что эта небольшая библиотека, занимающая часть полезной площади её малогабаритной квартирки, могла бы стать чудесным рождественским подарком для какого-нибудь отдалённого прихода.

Она подставила стремянку, поднялась и отодвинула дверцу антресоли. В первом ряду, среди изданий в добротных твёрдых переплётах ярким пятном алел корешок документальной повести «Пасха Красная» Нины Павловой. Когда-то Мария Владимировна была уверена, что будет едва ли не ежедневно перечитывать выдержки из дневника убиенного отца Василия и даже включила в свой помянник имена погибших монахов. Но со временем её душевные порывы так же, как и книги, покрылись довольно приличным слоем пыли. Горько усмехнувшись: «Какой же он приличный? Такой слой правильнее будет назвать неприличным», она принялась бережно снимать с полки преданных забвению верных друзей и наставников.

За нарядным фасадом первого ряда кое-как примостились разнокалиберные потрёпанные экземпляры. «Голос веры из мира торжествующего неверия» Сергея Нилуса уже и стоять-то самостоятельно не мог. Его по-братски поддерживал старенький, величиной с ладонь, молитвослов, ещё вполне крепкий, но потерявший где-то в боях за спасение душ свой корешок. «Голос веры…» в прежние времена лежал на самом видном месте, и его так часто брали в руки, что мягкий клееный переплёт не вы-

держал: книга распалась на отдельные блоки и странички. Мария Владимировна стала осторожно собирать их в потёртую сиреневую обложку с изображением монахов, поднимающихся по широкой каменной лестнице к арочным воротам под колокольней. Казалось, они уходили вглубь повествования туда, где всё ещё были живы, где иначе пели птицы, а цвет неба при входе на монастырское подворье делался ярче, где неизменно каждый желающий мог припасть к источнику мудрости и получить добрый совет. Марии Владимировне вдруг, как в былые годы, захотелось последовать за ними, и она перевернула страницу.

«Молиться надо!»

Господи.

Первая фраза текста тревожным ударом колокола ворвалась в тишину её уютного мирка. Когда она молилась в последний раз? Наверное, несколько месяцев назад в храме в третью годовщину смерти матери. Молитвослов же давным-давно никто не беспокоил. А ведь когда-то ни одно утро и ни один вечер не мыслился без маленькой зелёной с потускневшим позолоченным тиснением книги. Вот и закладочка видна. Марии Владимировне стало любопытно, на какой же молитве её забыли.

Память человека похожа на чердак, заваленный сундуками, ларцами, шкатулками и всяким ненужным хламом. Некоторые так и стоят открытыми, но большинство так и остаются запертыми. И если ключи от них не попадутся хозяину на глаза, то содержимое может быть навсегда предано забвению.

Мария Владимировна открыла молитвослов, и в её руках оказался один из ключиков – полоска бумаги, вырезанная из школьной тетрадки в клеточку, со словами, которые кто-то аккуратно вывел простой шариковой ручкой: «19 июня 1997 г. Четверг 6:00 Спасская церковь № 41». Выше стоял штамп: «Московская патриархия Полтавская Епархия (неразборчиво) Полтавского (неразборчиво) округа». Ещё выше, над штампом, простым карандашом была написана её фамилия и имя – тогда ещё просто Маша.

Шесть ноль-ноль. Очень рано.

***

– Маша, зачем тебе этот монастырь?

Люся открыла духовку и выложила на блюдо высокую и упругую, как поролоновый матрас, шарлотку с яблоками. Маша вздохнула: её собственная шарлотка выходила тонкой и липкой. Тем не менее шестилетний сын Егор всегда ел пирог с большим удовольствием, причмокивая и нахваливая мамину стряпню.

Люся вонзила в шарлотку длинный нож.

– Тебе даже ребёнка оставить не с кем.

– Почему не с кем? С тобой.

– Об этом я уже догадалась. – Люся поставила на поднос посуду с едой. – Отнесу-ка Егорке чай в зал к телевизору. Знаю, что ты не одобряешь, но думаю, не стоит ему слушать на кухне взрослые разговоры.

– Неси. Всё равно сын будет сутки в твоём распоряжении.

Люся вернулась минут через десять.

– Поставила кассету с диснеевскими мультиками.

– А у нас до сих пор видика нет.

– Хочешь из Польши привезу?

– Нет, спасибо. Не хочу ничего нового в дом покупать. Перспектива не ясна.

– Что, всё так плохо?

– Плохо. Признаться, хочу Егора увезти из Полтавы к маме в Белгород. Постоянные скандалы в семье любому ребёнку противопоказаны, а уж такому как мой – особенно.

– А Витёк твой не может на свою мамашу повлиять?

– Он избегает конфликтов, предпочитает не вмешиваться. Говорит: «Разбирайтесь сами».

– Может быть, Егора всё же в садик отдать?

– Ну какой садик, Люся? За шесть лет ни одной прививки.

– Вы до сих пор так и сидите на фенобарбитале?

– Вы до сих пор так и сидите на фенобарбитале?

– Нет. Стало ещё веселее. Недавно перевели на финлепсин. Теперь врачи подозревают склонность к эпилепсии.

– И никакого просвета?

– Не-а. Более того, все прелести жизни ещё впереди. В следующем году – в школу. Прививок нет, вирусы – нельзя, стрессы – нельзя, удары по голове – нельзя, высокая температура – категорически нельзя. А что делать, если случится судорога или приступ? Ответа нет.

Подруги замолчали. Каждая задумалась о своём. Спустя некоторое время Люся отодвинула пустую чашку и откинулась на спинку стула.

– Ты из-за Егора едешь?

– Не знаю. Возила я его уже по монастырям.

– Так ведь снова едешь?

– Еду.

Маша смотрела в окно, на погружающийся в полумрак двор. Она не могла объяснить подруге, зачем она собралась в монастырь. Впрочем, она и сама себе не могла дать вразумительного объяснения. В её отношении к паломничеству была большая доля скептицизма. Но когда батюшка на днях сообщил об очередной поездке, Маша, к своему удивлению, тут же записалась.

– Не знаю, – невпопад повторила она и тоже погрузилась в полумрак неопределённости.

Люся вздохнула:

– Давай ещё по чайку.

Она поднялась и подошла к плите.

– В какой монастырь направляетесь?

– Мгарский мужской.

– Это где?

– Лубенский район. Рядом село Мгарь. Километров сто пятьдесят от Полтавы. Там семь лет служил игуменом святитель Иоасаф Белгородский. Он принял монастырь совершенно разрушенным и за время своего пребывания в нём смог полностью его восстановить, можно сказать заново отстроить. Даже в Санкт-Петербург за пожертвованиям ездил и получил значительную сумму от Елизаветы.

– А почему он Белгородский? Родился у вас?

– Нет. Он и родился в Полтавской губернии. Но последние годы служения отдал Белгородской епархии и сделал для неё невероятно много. Его мощи обрели только в девяносто первом году, но он всегда каким-

то образом незримо присутствовал и в Полтаве, и в Белгороде. Он всегда умел восстанавливать разрушенное.

– Знаешь, Маша, я ничего не понимаю во всех ваших православных делах – кто там и что у вас восстанавливает, но уж если тебе приспичило, возьми Егора с собой.

Внимание Маши рассеялось, и она, не отрывая взгляда от окна, стала монотонно перечислять причины, по которым не может взять сына с собой.

– Автобус отходит от Спасского храма в шесть утра. К нам на Алмазный подъедет минут через десять-пятнадцать. До остановки от дома быстрым шагом идти тоже пятнадцать минут. Значит, Егора надо будет поднять не позже пяти, накормить, собрать. И потом…

Она умолкла на полуслове.

– Маша, тебе просто сказочно повезло в том, что я сейчас в Полтаве, а не в Польше.

Люся резала шарлотку, а Маша, подперев ладонью голову, всё смотрела и смотрела в окно, пытаясь сосредоточиться. Но мысли растекались, как жидкий кисель, в котором хаотично плавали разнообразные фрагменты событий из прошлого, не образуя определённой последовательности и не принимая сколь-нибудь чёткой формы.

– Повезло… повезёт… Люсь, вот если автобус меня завтра повезёт, мне повезёт?

Люся посмотрела на подругу с сочувствием:

– Спать тебе пора. Иди уже домой. Завтра вставать рано.

– Да, очень рано.

Маша проснулась от того, что вчера вечером выпила слишком много чаю. Она сползла с постели, так и не сумев уговорить глаза приоткрыться, и, передвигаясь на ощупь, поплелась исправлять положение. Вернувшись в спальню, подумала, что для пяти утра слишком светло. Сердце ёкнуло, и веки мгновенно распахнулись безо всяких уговоров. Часы безучастно объявили приговор: без пяти минут шесть. Вопрос, почему не звонил будильник, захлебнулся в залпом выпитом коктейле из нервного возбуждения, отчаяния и обиды. Вещи были собраны с вечера, поэтому ровно в шесть Маша пулей вылетела из подъезда. Она неслась, как спринтер, одной рукой задрав свою целомудренную юбку до высоты мини, другой едва придерживая больно ударяющую в бок сумку. Маша уже видела белый с двумя красными полосами, как и описывал батюшка, автобус. Сердце бешено колотилось в груди, и ускорить бег физически не было никакой возможности. Ей оставалось метров пятьдесят, когда автобус стал медленно отъезжать от остановки.

Минуты через две, таксист, тут же ожидавший пассажиров, с любопытством разглядывал молодую женщину с выбившимися из-под съехавшей на затылок косынки волосами, которая смотрела вслед автобусу и горько рыдала. Затем, утерев платочком глаза, бессильно опустилась на скамейку и некоторое время сидела, глядя перед собой. Прошло ещё минут пять. Женщина увидела такси, встрепенулась и, оценив содержимое кошелька, решительно направилась в его сторону.

– Доброе утро. Вы видели автобус, который только что отошёл?

– Ну, видел.

– Его надо догнать.

– Что?!

– Догнать.

– Вы шутите? Как я его догоню? Он, наверное, уже выехал на трассу.

– Пожалуйста. Мне очень надо. Какая вам разница, куда ехать. Деньги у меня есть.

– Ладно, садись. В каком направлении?

– Лубны.

Машина тронулась, и педаль газа «влипла» в пол. Таксист максимально превышал все скоростные ограничения, но автобуса всё не было видно.

Они выехали за город, и водитель остановился:

– Дальше не могу. Я только по городу. У нас строго.

– Что же делать?

– Всё равно ты автобус не догонишь. Давай отвезу домой. Оплату возьму как по счётчику, не переживай.

– Нет, мне надо ехать за ним. Сколько я должна?

Взглянув на Машу, таксист понял, что она и бегом побежит за автобусом.

– Я действительно не могу. Машину спалят. Это в лучшем случае.

Он взял строго за пройденный километраж и пожелал удачи.

Маша шла по трассе, совершенно не отдавая себе отчёта в том, что делает. Просто двигалась в сторону Мгари. Дорога была пустая. Её обогнали лишь два-три грузовика. Сзади что-то затарахтело. Она обернулась. К ней приближался старенький «Жигулёнок», по которому, как говорится, давно плакал пункт приёма металлолома. Маша пошла дальше, но грохочущая груда железа обогнала её и остановилась.

– Девушка, куда это вы одна по трассе?

С пассажирского места улыбался небритый, бомжеватого вида молодой мужчина в камуфляже.

– Гуляю.

– Мы так и подумали. И далеко вы собрались гулять?

– До Мгари.

Он присвистнул:

– Далековато. А что же не на автобусе?

– Опоздала.

И Маша почему-то рассказала ему о случившемся.

– Садись. Может быть, догоним.

Она села на заднее сиденье, не думая о том, кому доверила себя и что её может ожидать. Водитель, такого же возраста и нереспектабельного вида, даже не обернулся.

Через пятнадцать минут езды в табачном дыму и полном безмолвии ей стало не по себе, и она решила заговорить.

– А вы на рыбалку?

Парень с пассажирского места развернулся к ней почти всем телом:

– Почему ты так решила?

– Камуфляж.

– А. Это – привычка.

– Откуда такая привычка?

– С Чечни.

У Маши не было знакомых, воевавших в Чечне, и она стала зада-

вать вопросы. Молодой человек уклонялся от прямых ответов, но разговор поддерживал. Оказалось, что едут они к матери водителя в Решетиловку, помочь по хозяйству. Водитель же молчал. Маша видела только его профиль с крепко сжатыми губами. Изредка мелькали встречные машины, обгоняли попутные, а автобус так и не показался.

Вдруг «профиль» заговорил:

– Девушка, нам сейчас сворачивать. Вы уж извините, но до Мгари я вас не повезу. Далековато. Высажу перед поворотом.

– Да, я понимаю. Сколько мы проехали?

– Километров восемьдесят.

Он начал было притормаживать, как пассажир живо подался вперёд:

– Смотри, а вон там не твой?

Вдали на обочине стоял белый автобус.

– Ой, пожалуйста, подвезите меня. Это же недалеко.

Водитель молча прибавил газ и проехал свой поворот.

Чем меньше становилось расстояние, тем чётче были видны две красные полосы.

Господи.

Маша буквально подпрыгивала от радости на сиденье. Машина остановилась.

– Мальчики, сколько я должна?

Водитель, наконец, обернулся:

– Нисколько. Беги, а то уедет.

Сердце Маши вздрогнуло. От подбородка через губы к скуле лицо водителя рассекал шрам. Но не шрам поразил её. Он был не глубокий и в целом не уродовал молодого человека. Глаза. В них всё ещё тлела война.

Господи.

«Жигулёнок» резко развернулся и помчался к своему повороту.

Среди отдыхающих на обочине пассажиров автобуса Маша быстро нашла батюшку и протянула сложенные лодочкой ладони:

– Батюшка, благословите. Я вот проспала. Мне так повезло, ребята на попутке подбросили и ничего не взяли.

Она подумала: «Надо же. Везёт». Батюшка молча благословил и посмотрел на неё как-то растерянно.

Маше стало неловко.

– Вот… хорошо, что вы сделали остановку.

– Мы не делали остановки. Автобус сломался.

«Не везёт». Сознание вновь наполнил утренний коктейль. Только теперь он не бил в голову шампанским, а неторопливо циркулировал по всему телу, позволяя размышлять. И Маша размышляла. Глядя на две красные полосы, бывшие недавно такими желанными и ставшие совсем ненужными, она думала о превратностях судьбы, о больном сыне и о вечном маятнике, который, не дожидаясь, пока ты освоишься в сложившихся обстоятельствах, начинает двигаться в обратную сторону.

День обещал быть солнечным и жарким. Движение на трассе оживилось, в лесополосе шумел птичий базар. Жизнь шла своим чередом. Её размеренность успокаивала, призывая к смирению. Маша медленно пошла вдоль автобуса. Не успела она дойти до задней двери, как автобус дёрнулся, выпустил пару клубов чёрного дыма и мелко задрожал в обычном рабочем режиме.

Она вернулась к батюшке. Подошёл и водитель, вытирая руки промасленной тряпкой.

– Починили?

– Нет. Я не знаю, что с ним было. Он просто взял и завёлся.

Батюшка снова посмотрел на Машу так, что ей захотелось крикнуть: «Ничего я не ломала, чесслово!».

Они не опоздали. Храм монастыря был величественным, но вид имел печальный. «В очередной раз кому-то восстанавливать», – подумала Маша и, войдя внутрь, почувствовала подвальный холод. Земляной пол покрывал толстый слой скошенной травы, что абсолютно не меняло дела. Через полчаса её зубы застучали. Она посмотрела вокруг. Дрожали все. Мало кто, за исключением вечно мёрзнущих старушек, догадался взять с собой в июньскую жару тёплую кофту. Детей время от времени выводили на улицу. «Как хорошо, что я не взяла Егора». Тут Маша осознала, что впервые с начала службы вспомнила о сыне и совсем не молилась о нём. Нет, она, конечно, отдала заготовленные с вечера записочки на проскомидию, но теперь даже не думала о ребёнке. Она давно определила для себя, что молитва – это не заученные тексты, обязательные к прочтению. Молитва – это то, о чём ты думаешь. А о чём она думала? Ёжась от холода, она была бесконечно благодарна за то, что догнала автобус и успела вместе со всеми к началу литургии. И ещё ей очень хотелось, чтобы водитель «Жигулёнка» вырвался из мрачного плена войны и обрёл счастье мирной жизни.

Служба закончилась. Маша грелась на солнышке, сожалея о том, что не подготовилась и не причастилась. Едва оживший ледяной храм с открытым алтарём был идеальным для очищения души. Размышляя так, она не заметила, как молодой монах увёл группу на экскурсию по территории монастыря.

Маша побежала следом и нашла всех у огромной клетки с большой хищной птицей.

– Это кто?

– Орёл Кузя! Вы что же, не слышали? Брат о нём только что рассказывал.

Пожилая женщина посмотрела с укором и ушла с группой.

Орёл сидел на нижней ветке приспособленного для него сухого дерева.

– Кузя, зачем тебя сюда посадили? Ты ведь вольная птица! Впрочем, я ничего о тебе не знаю, всё прослушала. И проспала сегодня. Но мне везёт.

Птица взмахнула крыльями и перелетела наверх.

– Я что-то не то сказала? Ладно, пойду снова искать своих.

Прихожане толпились у входа в пещеры. Батюшка подозвал Машу.

– Мария, вы куда всё время пропадаете?

Она и рта не успела открыть, как увидела, что их сфотографировали.

– А зачем вы меня фотографируете?

– На память, у пещер, – девушка с фотоаппаратом смутилась.

– Батюшку понятно, а меня-то зачем?

Про себя подумала: «Что за идиотская манера фотографировать незнакомых людей без разрешения?».

Батюшка добродушно усмехнулся:

– Что вы так расстроились? Будет вам фото на память о поездке.

– Я не люблю оставаться на плёнке чужих фотоаппаратов. Откуда мне знать, кто и для чего будет делать с них снимки.

– Ладно вам. Пещеру не хотите осмотреть?

Маша не хотела. Она была убеждена, что кельи, в которых совершались молитвенные подвиги, должны быть сокрыты от праздного любопытства. Подземная келья, а тем более затвор – это не орден на груди. Это мировоззрение, философия, сознательно выбранный раз и навсегда образ жизни, который прятали как можно глубже от мирской суеты.

– Нет. Я туда не полезу. Там мел, можно испачкаться.

– Дело ваше. А я бы посмотрел, да диаметр моей талии не позволяет.

Маша улыбнулась. Батюшка был болен и оттого слишком толст. Но всегда говорил о себе с юмором.

– Вы всё же не отставайте. Мы скоро отправимся на трапезу.

Она больше не отставала, но показалось, что её ещё раза два сфотографировали. Безобразие.

Наконец, помолившись, сели за длинные накрытые клеёнкой деревянные столы, выстроенные в ряд с востока на запад. Маша дождалась, когда все расселись, и устроилась на самом краю западной стороны спиной к югу. Еда, как и водится в монастырях, была простой и чрезвычайно вкусной: постный борщ, картошка, овощи, монастырский мёд. В завершение трапезы разлили по стаканам компот из сухофруктов. Маша сделал глоток.

Господи.

Она никогда в жизни не испытывала подобных ощущений. Изумительного вкуса нектар сделал её легкой и беззаботной, как в детстве. Оковы бесконечного нервного напряжения спали, и душа наполнилась тихой радостью. Где-то в стороне падающего солнца что-то нашёптывала листва. Маша медленно, даже немного лениво повернула голову налево. Ряд столов тянулся так далеко, что конца ему не было видно. «Зачем такой длинный стол? Кого-то ещё ждут?». Она хотела разглядеть, сидит ли там кто-нибудь, но солнце стало таким огромным и так ярко отражалось от клеёнки, что глаза начали слезиться и болеть. Маша отвернулась и нашла свой стакан совершенно пустым. Подошла женщина из тех, кто накрывал на стол.

– Можно добавки?

– К сожалению, компот закончился.

– Скажите, из чего вы его варите?

– Как обычно: яблоки, немного груш и чернослива, сахар.

– И ничего не добавляете?

– Нет.

– Я так же варю. И мама так варит. И в других монастырях пробовала. Но у вашего компота вкус неземной.

Женщина улыбнулась:

– Спасибо на добром слове.

Трапеза закончилась. Люди поднимались, перелезали через скамейки или отодвигали их, чтобы выйти из-за стола. Маша тоже собралась перекинуть ногу, как вдруг сообразила, что сидит с краю.

Господи.

«У меня что же, галлюцинации от жары начались?» Но случившееся тут же забылось. Было так хорошо, что думать ни о чём не хотелось.

Батюшка объявил, в какое время необходимо собраться у автобуса, а до того приобрести кому что потребно в церковной лавке.

Она решила зайти в храм за свечами, но прежде попрощаться с Кузей.

– Прощай, птица! Увижу ли тебя когда-нибудь ещё? Да, я плохая молитвенница, и вера моя слаба. Разумеется, дело не в везении, а в Божьей воле. Поверь, о сыне я молюсь непрестанно. Пойду напоследок ещё раз попрошу для него здоровья. Прощай!

Но как только она вошла в храм, то тут же ощутила твёрдую уверенность в том, что сын здоров и беспокоиться больше не о чем. Более того, она точно знала, что в ближайшее время они с Егором навсегда покинут Полтаву. Маша стояла посреди холодного храма удивлённая и абсолютно счастливая.

Господи.

Диагноз сняли через полгода. Через год она развелась с мужем и вернулась домой в Белгород.

Перед отъездом пошла за благословлением к батюшке.

– Счастливая вы, Мария: едете к святителю Иоасафу, под его покровительство. Просите его молитв и о нас грешных.

Маша пообещала.

***

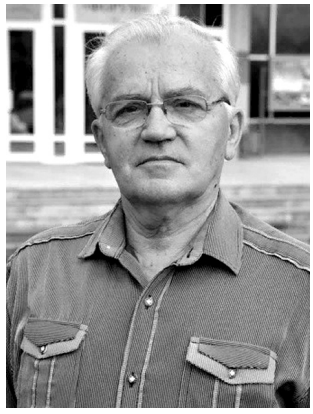
Мария Владимировна долго крутила в руках самодельный билетик. Первые годы по возвращении она добросовестно ходила в Преображенский кафедральный собор к мощам святителя. Позже стала посещать другой храм, поближе к дому, да и не каждое воскресенье, а в последние годы только на Рождество и Пасху. И сейчас её беспокоило неясное чувство потери, сожаление о том, что она по своему желанию отвернулась от того, кто всегда был опорой и приходил на помощь в самых, казалось, безнадёжных ситуациях.

Что произошло в тот день? Мария Владимировна позже поняла, почему её тайком фотографировали: происшествие с автобусом паломники приняли за чудо. Но она не была тому причиной. Кто-то всего лишь помог ей не опоздать на самую главную в жизни трапезу. О действительном чуде никто, кроме неё, не знал. Да если бы она и рассказала о нём, вряд ли нашлись бы желающие фотографировать. Скорее всего, стал бы вопрос об её адекватности. Было ли видение, не было? Мария Владимировна уже не могла припомнить. Только такого компота ей никогда больше пробовать не доводилось.

Не сразу всё сложилось и дома в Белгороде. К теплу теперешней жизни пришлось пройти через испытания, такие же холодные и очищающие, как храм Мгарского монастыря, после службы в котором, к слову сказать, ни один паломник не заболел. Сын вырос, женился, устроил свою жизнь. Ей тоже не на что было жаловаться.

Она забыла и о Мгарском монастыре, и о святителе Иоасафе. Но святитель не забыл. Три года назад её мать ушла из жизни двадцать третьего декабря, в день памяти святителя Иоасафа, епископа Белгородского. С тех пор каждый год в этот день она идёт в храм.

Страничка для детей



ЮРИЙ ШКУТА

Член Союза писателей России. Кандидат технических наук. Фотохудожник. Автор поэтических сборников «Серебристой кисти взлёт», «Белый звон», «Творчество», «Огни рябиновых созвездий», «Полыхали в небе зори», «Века суета». Живёт в Губкине.

Вот что я скажу, дружок

Вот что я скажу, дружок,
Выйди утром на лужок,
Оторви часок покоя,
И увидится такое!
Пролетит, за листья тронет,
Не собьётся без дорог,
Рябь на озере нагонит
Лёгкий сонный ветерок.
На торжественных полянках
Разукрашенные все,
Спят цветы не в бриллиантах,
А в хрустальнейшей росе.
Только солнце станет греть,
Птицы громче станут петь.
Поплывёт венок из песен,
Украшая зелень дня.
Мир проснувшийся чудесен,
Всюду гомон и возня.
Путешествием влекомые,
Улыбаются знакомые
И незнакомые
Насекомые.
Понял ты меня, дружок?
Выйди утром на лужок.

Цветочный разговор

Ах, как озеро блестит,
Как вода сверкает!
Солнце в озере гостит,
Радугой играет.
Неслучайно птичий хор
Разлился по шири.
А цветочный разговор
Будто песен перебор
В ароматном мире.

Я помню о травах

Я помню о травах,
О малых и рослых.
О травах-забавах,
О травах-вопросах.
О травах в оправах
Жемчужных росинок,
О травах-дубравах
Оранжево-синих.
О травах, гудящих
Шмелями преданий,
О травах, стоящих
У воспоминаний.
О травах, цветущих
Шатрами укрытий,
О травах, ведущих
Полями открытий.
О травах, взошедших
У талого снега,
О травах, нашедших
Себя для разбега.
О сказочных травах
Того малолетства.
Я помню о травах,
Растущих из детства.

ЛАРИСА МЕЖЕНИНА

Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Грусть как чистая молитва», «Звёздный мост», «Свет печали и любви», «Солнечные журавли», «День рождения». Живёт в Белгороде

Про Клушу

Курица Клуша ходила по лужам.
Зябко ей лапки босые мочить.
Смотрит Варюша сочувственно: – Нужно
Клуше сапожки и зонт подарить.

Антошка

Целый день наш кот Антошка
На скамье лежать готов.
Ждёт соседскую он кошку,
Чтоб сказать ей пару слов –
О природе, о погоде
И что любит её вроде.

Не шуметь!..

Катя знает этикет
И порядок с малых лет:
Если в доме кто-то спит,
То тогда весь дом молчит.

Коля, Катин младший брат,
Только ходит в детский сад,
Потому он и болтает.
Прыгает и мяч гоняет –
Дисциплине не обучен.
Надо б Кате с ним покруче.

Тут она как запищит,
Как ногами застучит,
Да как крикнет громко брату:
– Мама спит, шуметь не надо!

Задача

Андрюша чуть не плачет –
Не ладится задача!..
Решаться ну не хочет,
Над мальчиком хохочет,
Ответы выдаёт –
Что ей на ум взбредёт.

– Противная задача, –
Тут говорит Андрей. –
Решись же поскорей!
Кол будет, не иначе.

– Сам думай, дуралей!..

День рожденья

В день рожденья торт огромный
Папа Настеньке принёс,
Мама – флешку для смартфона,
Брат – корзинку белых роз.

Друг Андрей поздравил лично –
Больно дёрнул за косичку.

Подшефный

Облаков волшебных пена
Бойко по небу летит.
Только вот Морковкин Гена
На уроки не спешит.

Вновь учебники, тетрадки,
Буквы, цифры – скукота!
Убежать бы без оглядки
На футбол – вот это да!

Но Отличникову Зину
Он не может подвести
Как подшефный – некрасиво
В школу нынче не прийти.

Шире шаг, Морковкин,
К знаньям путь нелёгкий.

Компьютерная история

Вошёл Кирюша в интернет,
С утра его в квартире нет.
Игрою в компе увлечён,
Не хочет думать ни о чём.

Зовут играть во двор друзья,
Но отвлекаться-то нельзя.
– Кирилл, бери велосипед!
– Да времени, ребята, нет!

Бабуля терпеливо ждёт
И внука просьбой достаёт:
– Кирюша, солнышко, прости,
Мне б надо мусор отнести.
Мальчишку без толку просить.
– Когда его мне выносить?!

Обижен парень и сердит,
На всех он искоса глядит.
Другой альтернативы нет –
Затмил компьютер целый свет.

Одно желание

Шёл Серёга вдоль реки,
Где сидели рыбаки,
С новой удочкой в руках,
Весь в желаньях и мечтах.

Только сел на бережок,
Вдруг запрыгал поплавок.
Славный дела поворот.
Не зевай! Тяни! Клюёт!

Яркой чешуёй играя,
Бьётся рыбка золотая
И как будто рада встрече.
Говорит по-человечьи:
– Буду я щедра с тобою –
Отпусти меня на волю.
В благодарность и признанье
Я исполню три желанья.

Парень глазом не моргнул,
Снисходительно кивнул:
– Да ладно три, одно сойдёт –
Пусть Галка списывать даёт.

Поэтический талант

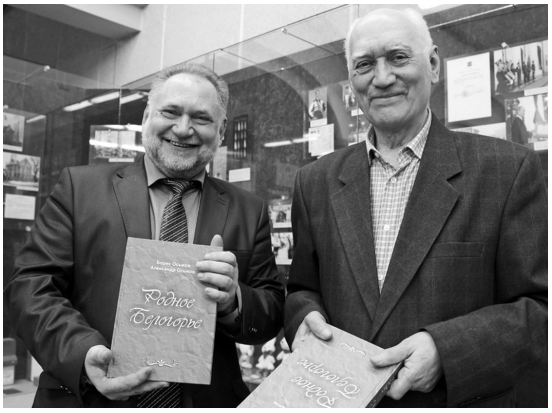
Въехал, сидя на Пегасе,
Прямо в класс Бирюлькин Вася.

Он – поэт! Почти что гений!
Как влюблённый трубадур!
Без опаски и сомнений
Лизе стих свой протянул.

Но к любви его сурова
Оказалась Иванова.
На признанье нет ответа.
Пожалеешь, Лизавета!

Чтоб талант не пропадал,
Вася Светке стих отдал…

Исторические миниатюры



АЛЕКСАНДР ОСЫКОВ
БОРИС ОСЫКОВ

Осыков Александр Иванович, член Союза писателей России. Кандидат технических наук. Автор более двадцати книг поэзии и прозы. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Живёт в Белгороде.

Осыков Борис Иванович, член Союза писателей и Союза журналистов России. Почётный гражданин города Белгорода. Автор более сорока книг. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Живёт в Белгороде.

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ ВАСИЛИЯ ЕРОШЕНКО

В истории человечества вряд ли отыщется ещё одна подобная судьба… Наш земляк, крестьянский сын из села Обуховка под Старым Осколом Василий Ерошенко – философ-гуманист, сказочник, поэт и драматург (классик японской литературы), полиглот, овладевший множеством языков (эсперанто, японским, английским, немецким, французским, латынью, тайским, бирманским, тамильским, туркменским и другими), путешественник, объехавший чуть ли не полсвета (Польша, Германия, Англия, Франция, Австрия, Финляндия, Япония, Китай, Индия, Бирма, Сиам, Армения, Грузия, Украина, Туркмения, Узбекистан…), талантливый музыкант, певец, рассказчик-импровизатор, шахматист…И всё это – человек, трагически потерявший зрение в четырёхлетнем возрасте. Поразительная, легендарная жизнь!

Василий Яковлевич Ерошенко родился 12 января 1890 года в простой крестьянской семье Якова Васильевича и Евдокии Васильевны Ерошенко.

В январе 1894 года Вася заболел корью. Болезнь дала тяжёлое осложнение.

Из автобиографии В. Ерошенко: «Я слепой. Ослеп я четырёх лет от роду. С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца. К чему это, к добру или злу, я ещё не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вздоха. Но разве я проклинаю её? Нет, вовсе нет…».

В 1899 году Якову Ерошенко – через знакомых купцов – удалось устроить сына в школу слепых детей в Москве. Воспитанников школы обучали чтению и письму. Василий быстро познал тайну шести выпуклых точек азбуки Брайля: из их сочетаний под пальцами рождались буквы, из букв складывались слова, бумага заговорила голосами литературных героев. У мальчика также обнаруживаются хороший слух и голос, он начинает играть на гитаре и скрипке, посещает занятия по классу рояля.

В 1907 году – после окончания школы – Ерошенко возвращается в родную Обуховку. Много времени проводит в лесу, возле реки, на болотце Муховеньке. Совершенствуется в игре на скрипке и гитаре, читает, пробует сочинять сам.

Весной 1908 года Василия Ерошенко – по конкурсу – принимают в Московский хор и оркестр слепых. По вечерам оркестр играл в ресторане «Якорь», что на Сухаревской площади столицы. Летом 1911 года хор и оркестр выезжают с гастролями на Кавказ. Осенью возвращаются в Москву.

Именно в это время в судьбу юного музыканта вмешивается счастливый случай. На слепого юношу обратила внимание Анна Николаевна Шарапова, личность яркая и неординарная. Родственница секретаря Л.Н. Толстого – П. Бирюкова, – она принадлежала кругу лиц, близких великому писателю, переписывалась с ним, переводила произведения Толстого на эсперанто. Шарапова свято верила в универсальность этого искусственного языка и была национальным секретарём для России в Международном союзе эсперантистов-вегетарианцев, первым почётным президентом которого был избран сам Л.Н. Толстой. Найдя в лице В.Я. Ерошенко благодарного слушателя, именно А.Н. Шарапова первой познакомила любознательного юношу с международным языком эсперанто.

Позднее, обнаружив у Василия замечательные музыкальные и литературные способности, Анна Николаевна становится его наставником и старшим другом. Она советует Ерошенко продолжить музыкальное образование за границей и ходатайствует о зачислении Василия в лондонскую Королевскую музыкальную академию для незрячих. В 1912 году из Лондона пришёл вызов, и слепой музыкант (самостоятельно, без поводыря) отправляется в своё первое заграничное путешествие.

Зелёная звёздочка, символ общества любителей эсперанто, помогла Василию пересечь границы четырёх стран и добраться до Англии. Его передавали по «зелёной эстафете» от одного эсперантиста к другому. Позднее В. Ерошенко писал: «Могу сказать, что лампа Аладдина не могла бы помочь мне больше, чем зелёная звёздочка эсперанто».

В Лондоне Василий усиленно изучает английский язык, посещает библиотеки и музеи, чтобы углубить свои познания в вопросах мировой культуры и истории. В английской периодике появляются первые стихи Ерошенко. На английском языке он пишет сказки для детей. Они были опубликованы и вызвали одобрительные отзывы британских критиков.

Вернувшись осенью 1913 года в Россию, Ерошенко начинает усиленно готовиться к новому путешествию, но теперь уже на Восток: самостоятельно изучает японский язык, переписывается с эсперантистами

Японии, Кореи, Бирмы. В 1914 году журнал эсперантистов писал: «Слепой московский эсперантист господин Ерошенко, предпринявший в прошлом году поездку в Англию, отправляется теперь в Токио. Господин Ерошенко путешествует без поводыря».

Осенью 1914 года Ерошенко становится слушателем Токийской школы слепых. Здесь помимо японского языка Василий осваивает искусство иглоукалывания и массажа, учится игре на японских музыкальных инструментах – кото и сямисэне. Всего через три года Ерошенко уже свободно объясняется на японском языке. Иностранные языки Василий Яковлевич изучал на слух, часами слушая живую речь или пластинки.

Участвуя в публичной дискуссии с писателем и философом Рабиндранатом Тагором, выступавшим тогда в Токийском университете, студент Ерошенко поразил великого индуса глубоким знанием христианского вероучения, древних текстов дзен-буддизма, изречений пророков ислама. Ерошенко оспаривал основное положение Тагора о том, что западная цивилизация сугубо материальна, а культура Индии – чисто духовная. Этот спор принёс Ерошенко широкую известность, он вошёл в книгу Такасути Итиро «Слепой поэт Японии».

У Ерошенко складываются дружеские отношения с Акита Удзяки, талантливым японским писателем и драматургом, с известными художника-ми Накамура Цунэ, Цурута Горо и Такэхиса Юмэдзи, молодой журналисткой Камитика Итико.

Из воспоминаний японской писательницы Хирабаяси Тайко: «Ерошенко полюбил Камитика. Но чувство это было не похоже на обычную страсть, скорее это был тайный жар души. Что же касается Камитика, то она, будучи в дружеских отношениях со слепым юношей, испытывала к нему скорее сострадание, но не питала чувства, которое можно было бы назвать любовью».

В это же время Ерошенко встречается с американкой Агнес Александер, дочерью президента университета на Гавайях. В результате этого знакомства Василий Яковлевич заинтересовался религией Бахаи и был первым переводчиком «Сокровенных Слов» Бахауллы на эсперанто.

В 1916 году в январской книжке токийского журнала «Кибо» («Мечта») была опубликована первая новелла Ерошенко, написанная по-японски, – «Рассказ бумажного фонарика». Впоследствии Василий Яковлевич напишет на японском языке ещё множество рассказов, сказок, притч и легенд, статей и очерков.

В. Ерошенко объездил многие города Японии, выступая с лекциями о движении эсперантистов, о русской литературе и русской культуре. В японской энциклопедии имя В.Я. Ерошенко стоит в одном ряду с именами выдающихся писателей и деятелей культуры страны. Собрания его сочинений издавались в Токио в 1921, 1961, 1974, 1996 годах.

После двух лет пребывания в Японии Ерошенко отправляется в новое путешествие. В 1916 – 1919 годах он жил и работал в Сиаме (нынешний Таиланд), Бирме, Индии. Василий Яковлевич изучал языки этих стран, собирал и обрабатывал образцы национального фольклора, преподавал в школе для слепых.

В 1920 году В. Ерошенко вернулся в Японию и занялся литературной работой. В это время он публикует несколько лучших своих произведений: сказку «Сердце орла», «Бирманскую легенду» и другие.

В 1920–1921 годах Василий Яковлевич принимает активное участие в политической жизни Японии, близко сходится с представителями прогрессивно настроенной интеллигенции, участвует в работе II съезда Социалистической лиги Японии. В 1921 году власти отдают распоряжение о высылке Ерошенко из Японии как «большевистского агента».

Ерошенко попадает во Владивосток, находящийся под контролем белогвардейцев. После ряда неудачных попыток пробраться в советскую Россию Василий Яковлевич принимает решение отправиться в Китай. Он пересекает границу и по шпалам (поезда не ходили) направляется в Харбин. В Харбине Ерошенко заболел, стал плохо слышать. Из Японии приходят письма – друзья шлют ему деньги, сообщают о новых изданиях его книг. Камитика Итико и Накамура Цунэ хлопочут о том, чтобы Ерошенко разрешили вернуться в Японию, но все их усилия оказались тщетными.

Из Харбина Василий Яковлевич переезжает в Шанхай, где преподаёт эсперанто в Институте языков мира, издаёт поэтический сборник «Стон одинокой души». Во вступительной статье к сборнику редактор Ху Юй-Чжи, зачинатель движения эсперантистов в Китае, с которым Ерошенко познакомился в Шанхае, предсказывал, что «изящный талант слепого поэта и на Западе получит такое же широкое признание, каким он уже пользуется на Востоке».

В это же время в Токио под редакцией Акита Удзяки вышел (на японском языке) сборник произведений Ерошенко «Песни предутренней зари», а в журналах «Варэра» и «Кайдзо» публикуются его сказки «Страна Радуги» и «Тесная клетка». Летом 1921 года пекинский журнал «Синь цин-нянь» («Новая молодёжь») публикует сказки «Тесная клетка» и «На берегу» в переводах великого китайского писателя Лу Синя.

В ноябре и декабре 1921 года Лу Синь расспрашивает о слепом русском литераторе в письмах к Ху Юй-Чжи и известному писателю Мао Дуню, а уже 22 января 1922 года он пишет предисловие к выходящему в Шанхае сборнику «Сказки Ерошенко». Это предисловие начинается такими словами: «Сказки Ерошенко выходят теперь отдельным сборником. Они предстанут перед китайским читателем. Это – моя давняя мечта…».

24 февраля 1922 года – по приглашению Лу Синя – Ерошенко приезжает в Пекин. По рекомендации великого писателя Ерошенко предоставляют возможность прочесть курс лекций в Пекинском университете. В это же время Лу Синь переводит на китайский язык одно из лучших произведений В. Ерошенко – пьесу «Персиковое облако».

Летом 1922 года Василий Яковлевич вновь в пути – он отправляется из Пекина за десять тысяч вёрст, в Финляндию, на XIV Международный конгресс эсперантистов. Вот как описывает эту поездку в книге «Человек, увидевший мир» писатель А.С. Харьковский: «Во второй половине июля 1922 года поезд, шедший из Пекина через Харбин в Россию, остановился в Чите. Там, после таможенного досмотра и проверки документов, профессор Пекинского университета В.Я. Ерошенко покинул вагон для иностранцев, перебрался на крышу и, смешавшись с многочисленными пассажирами, осаждавшими тогда поезда, стал одним из тысяч слепцов, которые скитались по России. Рубил на остановках дрова для паровоза, вместе со всеми прятался в лесу от бандитов, пел песни у костра – он был у себя на родине».

Подарки из Китая в родную Обуховку Ерошенко не довёз – в пути его обокрали, но он не жалел: «До чего же хорошо было на крыше – вся

Россия видна!». А в Хельсинки Василий Яковлевич всё же побывал, приняв участие в работе конгресса эсперантистов в августе 1922 года.

Вернувшись из Финляндии в Москву, Ерошенко решает отправиться в путешествие по стране: неделю живёт в домике рыбака на Дону, несколько дней проводит в Ельце. Затем – поездом до маленькой станции Голофеевка, от неё – пешком в Обуховку.

Осенью 1922 года Василий Яковлевич возвращается в Китай. Летом 1923 года участвует в работе XV Международного конгресса эсперантистов в Нюрнберге. Из Нюрнберга Ерошенко едет в Лейпциг на всемирно известную ярмарку, посещает музей графики и знаменитую Лейпцигскую библиотеку.

Весной 1924 года Ерошенко в Париже. Здесь он встречается с лидером всемирной организации слепых Жоржем Равера. Об этой встрече Ерошенко рассказал впоследствии в статьях «За что борются слепые за рубежом» и «Под дубинкой миллиардеров».

Летом того же 1924-го Василий Яковлевич едет в Вену на международный конгресс слепых, где была основана Универсальная ассоциация слепых эсперантистов.

В сентябре 1924 года Ерошенко возвращается в Россию. В день приезда он встретился в Ленинграде с товарищами из артели «Ослеплённый воин», ответил на многочисленные вопросы, а в московской квартире Ерошенко ждала бандероль из Японии. В ней – изданные раньше его книги «Песнь предутренней зари», «Последний стон» и только что вышедший в Токио сборник «Во имя человечества».

В 1926 году Василий Яковлевич участвует в работе всемирного съезда рабочих-эсперантистов.

В ноябре 1927 года в Москву на празднование десятой годовщины Октября в составе японской делегации приезжает Акита Удзяку, создавший Японо-советское литературно-художественное общество. В конце 1927 года Ерошенко с Акитой Удзяку отправляются в поездку по СССР, по маршруту: Ленинград, Нижний Новгород, Минск, Казань. В 1928 году они участвуют в республиканском съезде Всероссийского общества слепых в Москве.

Весной 1929 года, приехав в Обуховку, Ерошенко узнаёт, что давно нет вестей от брата Александра, уехавшего на Чукотку. Василий Яковлевич решает ехать на поиски брата. В июне 1929 года на пароходе «Астрахань» он отправляется из Владивостока мимо Курильских островов на Камчатку, затем – к устью реки Анадырь и дальше на север – к мысу Дежнева.

Впоследствии в очерке «Из жизни чукчей» Ерошенко писал об этом путешествии: «Несмотря на то, что чукчей всего двенадцать тысяч и живут они небольшими группами за сотни вёрст друг от друга, на Чукотке умеют ценить человека. Чукча интересуется своим соседом, близким или далёким… Всегда готовый прийти на помощь, он стремится узнать жизнь обитателей тундры во всех подробностях и даже гордится таким знанием.

Так, я ещё был за сотни миль от Чукотки, а там уже, казалось, знали обо мне всё. И о том, что я еду к ним навестить своего брата, ветеринара Чукотской культбазы, и о том, что брат мой был тогда в тундре. И чукчи сообщили о моём прибытии быстрее, чем это смогли бы сделать все радиостанции Севера.

мой был тогда в тундре. И чукчи сообщили о моём прибытии быстрее, чем это смогли бы сделать все радиостанции Севера.

Чукчи с энтузиазмом рассказывали Саше, что я, слепой, обыграл в шахматы на корабле всех зрячих, что я посетил много стран, но стремлюсь в никому не известную страну Эсперантиду; что я знаю много языков и среди них даже «американский», но больше всего мне нравится международный язык эсперанто, что я повидал много народов…».

Ерошенко изучает чукотский язык, ездит по тундре на собачьей упряжке, охотится (по слуху). Встречается с известным писателем, одним из создателей чукотской письменности Тихоном Сёмушкиным.

Во время одной из поездок в тундру Ерошенко застигла вьюга, постромки соскочили, и собаки убежали. Он едва не замёрз, а затем тяжело заболел воспалением лёгких.

Летом – с открытием навигации – уезжает во Владивосток, оттуда в Москву. Из Москвы – в Обуховку.

Ещё будучи на севере, Ерошенко решил, что в следующее своё путешествие он отправится на юг… В 1934 году Василий Яковлевич уезжает в Туркмению. Первое время живёт в Ашхабаде у брата Александра, который перебрался сюда с Чукотки. В 1935 году Наркомпрос Туркмении предложил Ерошенко создать в республике специальную школу-интернат для незрячих детей. В мае 1935 года Василий Яковлевич организует в г. Кушке первый детский Дом слепых, в котором работает преподавателем, а затем директором. Всё пришлось начинать с самого начала. Ерошенко ведёт занятия по литературе, истории, русскому, английскому и туркменскому языкам. В ту пору не был даже разработан брайлевский алфавит для слепых туркмен. Ерошенко его создал, и вскоре выпуклым шрифтом был напечатан первый учебник на туркменском языке. Он начинался словами: «Наша ночь темна, но мы не рабы».

Из воспоминаний московской учительницы З.И. Шаминой: «Я познакомилась с Василием Яковлевичем в 1924 году. Он стал другом нашей семьи, и мы часто встречались… Когда же в 1934 году уехал в Туркмению, – писал, рассказывал, как идёт организация детдома для слепых недалеко от города Кушки, звал к себе…

Он был мягок с людьми и доверчив, как ребёнок. Когда нечистый на руку завхоз оставил детдом без хлеба, учителя предложили директору немедленно прогнать вора с работы.

– Ну поймите, – ответил Ерошенко. – Я не могу его уволить: у завхоза семья.

– Вы бы ещё покрыли недостачу из своего кармана.

– Спасибо за совет – я уже так и сделал.

Неважно у него складывались отношения и с начальством. Он терпеть не мог, когда в детдом приезжал кто-либо из инспекторов. Не нравился ему их тон, неуместное проявление жалости или же, наоборот, подчёркнутое восхищение достижениями слепых детей…

Личное дело директора так и пестрит выговорами – в основном за несвоевременно сданные отчёты, счета. И если бы не приехавшая в Кушку его сестра Нина, опытный бухгалтер, неизвестно, как бы он вообще справился с накатившей на него бумажной волной.

Что и говорить, администратор он был неважный. Но ведь он стремился создать не обычный детский дом для слепых, а маленькую детскую

республику в горах, чтобы воспитать там настоящих людей, у каждого из которых было бы любимое дело на всю жизнь».

Лидия Реунова, слепая картонажница из Ашхабада, воспитанница Кушкинского детдома, спустя многие годы так вспоминает о своём учителе: «Василий Яковлевич научил нас расцвечивать ночь… Мы любили его самозабвенно и почитали, словно отца, называя по-туркменски «урусата» – русский отец».

Через всю свою жизнь Василий Яковлевич пронёс искреннюю и живую любовь к шахматам. Он был талантливым шахматистом и сильным практическим игроком. Ученик и партнёр Ерошенко по шахматам, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР В. Першин вспоминал: «Сказать, что Василий Яковлевич любил шахматы самозабвенно, мало. Шахматами он наслаждался, как эстет картиной любимого художника или как гурман изысканно приготовленным и красиво поданным блюдом. Начиная партию, он дрожал, как завзятый книголюб, открывающий редкую, принадлежащую только ему книгу. Без преувеличения можно сказать, что к шахматам он относился, как скупой рыцарь к своим богатствам. Шахматы он боготворил, обожествлял, фетишизировал, возводил в абсолют».

В 1938 году Ерошенко становится одним из победителей Всесоюзного шахматного турнира среди незрячих игроков в Ленинграде. Зимой 1946 года Василий Яковлевич ещё раз принимает участие во Всесоюзном шахматном форуме незрячих шахматистов, а в следующем, 1947 году, издаёт в Швеции очерк, написанный на эсперанто, под названием «Трёхходовая шахматная задача». В этом очерке драматичные события реальной жизни причудливо переплетаются с не менее драматичными перипетиями сражения чёрных и белых фигур, которое происходит на шахматной доске в те минуты, когда автор вновь и вновь пытается решить головоломную шахматную задачу.

В 1945 году Ерошенко минуло пятьдесят пять лет. Приступы малярии вынудили его покинуть Туркмению, где он прожил одиннадцать лет, и вернуться в Москву.

Лето 1945 года Василий Яковлевич проводит в родной Обуховке. Однажды к нему в дом постучался незнакомый человек, судя по внешнему виду – приезжий. Ерошенко пригласил его в сад и заговорил с ним запросто, как со старым знакомым. История, которую поведал Владимир Иванович Богданов (именно так звали неожиданного гостя) была трагична. Он воевал танкистом, горел в танке, потерял зрение.

– Я не хочу больше жить, – говорил Богданов. – Поймите, мне всего двадцать лет.

– Когда я ослеп, мне было всего четыре года, – вздохнул в ответ Ерошенко, – а Вы двадцать лет видели. Смотрели на мир.

В жизни Владимира Ивановича Богданова, впоследствии первого председателя Старооскольского общества слепых, эта встреча с В.Я. Ерошенко сыграла решающую роль. Геройтанкист вернулся в строй, стал работать надомником, женился, прожил долгую, полную светлых и радостных событий жизнь…

В 1946 году Василий Яковлевич преподаёт брайлевскую грамоту, русский язык и литературу в Загорской музыкальной школе для инвалидов Великой Отечественной войны.

В 1948 году Ерошенко участвует в работе республиканского съезда слепых Узбекистана. Возвращаясь, он посещает Ашхабад, совершает ещё одно небольшое путешествие по стране.

В 1951 году Василий Яковлевич отправляется в Якутию.

Из книги А.С. Харьковского «Человек, увидевший мир»: «У него была идея – поселиться там в колонии для прокажённых, остаток своих дней посвятить этим несчастным.

Однако болезнь помешала осуществлению этих планов. Ерошенко мучили сильные боли в желудке.

Врач, осмотревший его, не предполагал, конечно, что больной знает латынь. Он сказал ассистенту роковое слово – рак. Операцию не предложил. «Значит, уже поздно» – подумал Василий Яковлевич…».

В мае 1952 года Ерошенко едет в Харьков, к сестре Марии. Из Харькова – в Донбасс, в Холодную балку к другой сестре, Ниониле, работавшей врачом. И, наконец, в Карелию к третьей сестре, Нине. Возвращаясь в Обуховку, ненадолго останавливается в Москве – прощается с близкими ему людьми.

6 октября 1952 года Василий Яковлевич пишет в письме З.И. Шаминой: «Дорогая Зина! Внутри тетради, которую я посылаю, вы найдёте мою фотографию. Всё вместе отошлите в журнал «Эсперанто лигило» с заметкой о моём уходе из жизни. Конец её, который был ещё недавно так близок, неожиданно и непонятно для всех отдалился – болезнь приняла мучительный, затяжной характер.

В этом письме я посылаю окончание «Чукотской сказки», начало которой вы уже получили. Рукопись я переписал начисто…

Пришлите мне более тонкую бумагу для писем. Я собираюсь написать «Корейскую сказку», но работа на толстой бумаге меня выматывает… Сердечный привет всем. В. Ер.».

Из воспоминаний З.И. Шаминой: «Осенью он прислал свою последнюю фотографию, сделанную дома районным фотографом. На ней Василий Яковлевич сидит в глубоком плетёном кресле, откинувшись на подушки. Ссохшиеся узловатые пальцы крепко держат тетрадь из брайлевских листов, будто боятся выпустить то, что его ещё связывает с жизнью. Лицо спокойное, но сосредоточенное: словно он прислушивается к звукам прошлого, будто вспоминает пройденный путь».

Василий Яковлевич Ерошенко умер 23 декабря 1952 года в Обуховке, похоронен на сельском кладбище.

По свидетельству обуховцев и людей, близких Василию Яковлевичу, после того, как погибли его книги и рукописи в Кушке (ими «печь вытопили»), после того, как сгорел архив в Москве, Ерошенко вновь собирал книги, сохранял письма и рукописи. В этом архиве, кроме его новых произведений, были письма зарубежных и советских друзей. Всё это богатство он завещал Всероссийскому обществу слепых. Архив – по свидетельству родных Ерошенко – «весом более трёх тонн» был перевезён на грузовике в Старый Оскол, в местное отделение ВОС. К великому сожалению, по чьему-то преступному недосмотру эти бумаги были уничтожены…

В 1953 году сказки В.Я. Ерошенко вошли в многотомную Библиотеку японской детской литературы.

В 1954 году в Москве выходит первый том собрания сочинений Лу Синя, в томе – рассказ «Утиная комедия».

В 1956 году в Осаке издан сборник произведений В.Я. Ерошенко «Стон одинокой души», а в Токио – книга Такасуги Итиро «Слепой поэт Ерошенко». В этом же году в Японии выходят на эсперанто книги «Рассказы увядшего листка» и «Падающая башня».

В 1958 году в журнале «Знамя» опубликована статья В.Н. Рогова «Русский друг Лу Синя», а в Японии в Большом биографическом словаре – статья о жизни и творчестве нашего замечательного земляка.

В 1959 году в токийском издательстве «Мисудзо себо» под редакцией Такасуги Итиро выходит Полное собрание сочинений В.Я. Ерошенко в трёх томах.

В 1962 году Белгородское книжное издательство выпускает сборник «Сердце орла» – первую книгу В.Я. Ерошенко на русском языке. В 1964 году она была переиздана «Просвещением» брайлевской печатью в трёх книгах, а в 1971 году – также в трёх книгах – выпущена в Вильнюсе.

12 января 1990 года принял своих первых посетителей Дом-музей Василия Ерошенко на родине писателя в Обуховке.

Имя Василия Яковлевича Ерошенко носит Белгородская государственная специальная библиотека для слепых.

Белгородцы не забывают своего замечательного земляка. За последние годы в Белгороде и Старом Осколе вышли в свет сразу несколько книг, посвящённых его жизни и творчеству. В некоторые из этих изданий включены и избранные произведения самого поэта.

О жизни и творчестве Василия Яковлевича Ерошенко снято несколько документальных фильмов, которые неоднократно демонстрировались на телеэкранах страны.

Размышляя сегодня о нелёгкой судьбе, выпавшей на долю Василия Ерошенко, изучая его яркую, необыкновенную жизнь, наполненную романтикой дальних дорог, радостью незабываемых встреч, светом творческих озарений, поражаясь его беспримерному мужеству и стойкости в борьбе с тяжелейшим недугом, хочется подчеркнуть главное, что было присуще необычайно разносторонней, самобытной и неутомимой натуре Василия Яковлевича, – его безграничную, беспредельную доброту.

Любовь к людям, любовь к ближнему – главная и определяющая черта характера нашего легендарного земляка. Своё жизненное кредо он выразил одной точной и ёмкой фразой: «Я думаю, что главное предназначение человека на земле – творить добро, жить для людей».

Такой же искренней, неподкупной любовью пронизано и всё творчество Василия Яковлевича. Он создавал свои литературные произведения на международном языке эсперанто, писал на японском и английском языках, но при этом всегда оставался русским человеком и русским по духу писателем. С другой стороны, Ерошенко – один из немногих писателей в истории мировой литературы, которые сумели перешагнуть разделяющие народы языковые и культурные границы.

Ерошенко, потерявшему зрение в раннем детстве, тем не менее удалось увидеть красочный мир солнца во всём его великолепии. Удалось не просто увидеть мир, но и пристально вглядеться в него своим внимательным, зорким сердцем. Вглядеться и увидеть то, что не увидишь глазами, но узришь одним только сердцем. Сердцем, в котором пылает негасимый костёр бескорыстной любви ко всему сущему на земле.

И потому творческое наследие Ерошенко уникально. Этому насле-

дию ещё предстоит длительный путь прочтения, изучения и осознания широким кругом читателей как в России, так и во всём мире. Творчество В.Я. Ерошенко принадлежит будущему. Именно об этом пророчески говорит поэт в одном из лучших своих стихотворений.

Любовь к людям

Я зажёг в своём сердце костёр –
С ним и в бурю не будет темно.
Я в душе моей пламя простёр
И умру – не устанет оно.

Лей, костёр, ласку жизни и новь!
Вейся, пламя, бессмертно горя!
Мой костёр – к людям мира любовь.
Пламя – вольного Завтра заря.

ВЛАДИМИР КАЛУЦКИЙ

Член Союза писателей России. Автор книг «Дело о небесном летании», «Литерный отряд НКВД , или Посох Ивана Сусанина», «Коршуны Беловодья», «Созвездие мухи» и других. Публиковался в различных альманахах и журналах. В настоящее время живёт в Бирюче.

ПСОВАЯ ОХОТА

–Ты, унук, зря штык точишь. Ежели желаешь супостата уязвить насмерть – коли его тупым да ржавым багинетом. Жестоко, говоришь? А перед баталией лучше выспаться. Вот ты приляг, а я расскажу тебе про жестокость.

Я пять кумпаний прошёл, семнадцать лет на царской службе. Три раза ранет, у меня глаза нету. Лекари хотели списать – а куды я со службы? Я што умел в миру – давно забыл. А тут и до капрала дослужился, и три медали имею. Да и открою тебе – жестокости ищи не на войне, а в миру.

Вот было.

Вдовая барыня у нас, генеральша Варвара Прокофьевна. Суровой воли помещица. Дай Бог ей здоровья, греховоднице, если ещё жива. У ей – шоб все по струнке. Как што не по её – сразу на конюшню. А там немой Прокоп сырым ремнём так отходит – неделю ни встать ни сесть. И ещё любила в солдаты крепостных отдавать. За это дело у её медаль от Государя императора.

Не спишь? Слушай даля.

Пёс – собака у Варвары Петровны несуразной породы. Огромадная и пятнистая, как жеребец. Пуда три в ём. Клыки сточены, язык раздвоён, когти вырваны, хвост куцой. Чудище. Сам пёс, как хозяин, гулял по имению и бегал по полям. Мужикам велено кланяться ироду. Ел за столом с генеральшей. Она сметану с клубникой – и пёс сметану с клубникой. Она рубец с кашей – и он рубец с кашей. Она кулебяку, и пёс окаянной кулебяку.

И запивали настойками.

В поместье нехорошее шептали про пса и Варвару Прокофьевну. И про то, что она в бане крепостных девок запирает с чудищем.

Я сам ничего такого не видел, но молву слышал. А мне не до того было. Молодой, кучерявой – все девки мои. Это я щас так волосом посёкся, а тогда у меня невеста была, я ей глянулся. Сиротка, из прислуги приказ-

ничьего дома. А я у батюшки и матушки один, последыш. Все младенцы, что допреж меня родились, померли, Царство им Небесное.

Ну вот. Не спишь, что ли? Слышь – хранцуз поёт? Яму тоже не спится.

Вот ходила моя сиротка в рощу хворост собирать, а я к ей туды бегал. Тискал уже. Меня племянники приказчиковы ловили, побить хотели. Так я с кистенём бегал.

Вот на Петровку она за деревню, а я выжидаю. Через время – за ней.

Жарко, тихо, птицы звенят. У меня рубаха над сердцем так и хлопает.

И тут – крик. Меня не так крик испугал, как голос. Её, сироткин. Рванулся я по дорожке и шагов через сто налетел на них.

Сиротка и чудище.

В ём пуда три весу, а она хворостинка. Пёс сиротку уже замял. Ну я , не думая, и вдарил собаку кистенём в висок. В первый и последний раз живую тварь убил.

Сидим с сироткой рядом с тушей и плачем. Понимаем, что пощады не будет. И рад бы перешёл – да броду не нашёл. А тут и племянники приказчиковы подоспели. Повязали меня как убивца.

Меня немой Прокоп три дня хлестал. Выкинул подыхать на навоз. А когда увидели, что я живой – метнули на телегу и отвезли в уезд, в рекрутское присутствие. Хошь это и супротив закону – штоб последнего сына забривать. А что поделаешь? Законы святы, да законники – супостаты. И вот я тут, с тобой, защитник родины.

А ты говоришь – жестокость! Вот завтра я тут, под Бородиным, сойдусь с каким-нибудь французским Жаком. А у него, небось, дома своя Варвара Прокофьевна осталась. И убьём мы друг друга заради барских псов. Слоны трутся, меж собой комаров давят. А ты думаешь – умрём за царя и Отечество. Спишь, что ли? Ну спи. А я штык наточу. Жалко мне, понимаешь, рвать тело Жака тупым железом.

Очерки и публицистика

ГЕННАДИЙ АЛЁХИН

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Участник боевых действиях на Северном Кавказе (Осетия, Абхазия, Дагестан, Чечня). Один из авторов книги «Вторжение в Россию», автор двух документальных фильмов «Моих друзей армейских лица» и «Генерал». Литзаписчик книг генерала Г. Трошева «Моя война», «Чеченский рецидив», «Чеченский излом». Автор книг «По ту сторону чеченской войны» и других. Награждён орденом «За военные заслуги», медалями, именным боевым оружием за выполнение специального задания командования.

ГРОЗНЫЙ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Почти сорок лет назад я впервые оказался в этом городе. Таксист из Орджоникидзе (нынешний Владикавказ) лихо, с ветерком, «по двойному счётчику» домчал меня в столицу Чечено-Ингушской АССР – Грозный. Стояла удушливая, влажная августовская жара. Только что в Москве завершились Олимпийские игры, поэтому на многих остановках общественного транспорта всё ещё красовалась эмблема Олимпиады. В зелёных парках и скверах гуляла молодёжь, мужчины – поголовно в шляпах и «кепках-аэродромах», часто встречались старики в папахах и хромовых сапогах, а женщины носили косынки.

Прибыл я сюда для прохождения офицерской службы в 42-ю учебную мотострелковую дивизию. Её военные городки располагались в разных частях города: первый городок – в самом центре, между драмтеатром им. Х. Нурадилова и Домом печати; второй – на берегу реки Сунжи, рядом со следственным изолятором; четвёртый – за Бароновским мостом, где проходила дорога к аэропорту Северный. А самый большой – пятнадцатый военный городок – располагался за площадью Минутка.

Переночевав в офицерском общежитии, что было рядом с автомобильным батальоном, мы с группой товарищей, такими же молодыми лейтенантами, направились «покорять» Грозный. До сих пор согласен с

мнением многих, что Грозный считался в советское время одним из красивейших городов Северного Кавказа, да, пожалуй, всего юга страны. Он утопал в зелени, здесь можно было бесконечно любоваться широкими проспектами и магистралями. Современные сооружения органично сочетались с архитектурой сталинского периода – монолитными, прочными административными зданиями и жилыми домами.

А ещё тогда сохранились многие исторические места и памятники XIX – начала XX веков. К примеру, рядом с домом, где я жил, стоял необычный, сравнительно небольшой по размерам памятник, окружённый высоким каменным забором и колючей проволокой. Соорудили его ещё до революции 1917 года. Памятник, посвящённый легендарному русскому генералу, герою Кавказской войны XIX века, основателю крепости Грозная Алексею Ермолову установили на месте землянки, где он проживал полтора века назад.

В семидесятых годах, уже при советской власти, каменный монумент с небольшим бюстом несколько раз взрывали. А в 1989 году, за два года до распада Советского Союза, и вовсе снесли. А ведь именно Ермолову обязан Грозный своим появлением.

22 июня 1818 года в низовье реки Сунжи была основана русская крепость, получившая название Грозная. Она была построена в рекордные сроки, за четыре месяца. Пять тысяч русских солдат трудились здесь и днём и ночью. При строительстве использовали преимущественно саман и дерево. Возведённая в шести верстах от Ханкальского ущелья крепость закрывала горцам выход через ущелье на равнину. Это было её главным предназначением. Уже вовсю шла Кавказская война.

У многих при слове «крепость» в голове возникает картина средневекового замка. Мне тоже так представлялось, пока я не побывал в местном краеведческом музее во время знакомства с городом. На самом деле ничего похожего с каменными средневековыми сооружениями крепость Грозная не имела. Она представляла собой правильный шестиугольник, каждый угол которого выдавался вперёд бастионом с амбразурами для двух орудий. Валы самой крепости были земляные, укреплённые палисадами. Внутри цитадели располагались хранилища для оружия и боеприпасов, казармы и караульные помещения. Постройки в Грозной были деревянными или турлучными, из вкопанных в землю и обмазанных глиной шестов. Реже – саманными (из глинистого кирпича, песка и соломы).

Именно со строительства крепости Грозная и следует вести своеобразный отсчёт отношений между русскими, чеченцами и другими горскими народами. С того момента им суждено было жить вместе. Разные были времена: и светлые, и трагические. Однако на протяжении всего периода Кавказской войны (весьма длительного) отношения между русскими и горцами не всегда носили острый враждебный характер. Были точки соприкосновения. Зачастую казаки и чеченцы встречались неофициально, соревнуясь в искусстве владения оружием и конём. Оживлённо ве-лась торговля.

Народы Северного Кавказа, в том числе чеченцы и ингуши, были присоединены к России насильственно. В течение столетия происходила ломка вековых устоев, традиций и обычаев. Причём далеко не всегда мирным путём. Политика руководства царской России, а затем и советского государства не отличалась разнообразием дипломатических методов: пре-

имущественно ставка делалась на силовые решения вопросов. Это неизбежно приводило к недовольству, вооружённому сопротивлению. Поэтому пришлось пережить и депортацию, и жёсткую борьбу с бандитизмом.

Но нельзя сбрасывать со счетов и другую сторону проводимого в этом регионе курса: в области межнациональных отношений наблюдался небывалый подъём. Отмечается расцвет культуры, ликвидация неграмотности среди населения. Формировались национальные кадры, искоренялась нищета, прошла модернизация всех сфер жизни. К семидесятым и восьмидесятым годам прошлого столетия Грозный становится поистине многонациональным, интернациональным городом. В нём уживались все: чеченцы, ингуши, русские и армяне. И очень комфортно себя чувствовали. Я как раз и застал это золотое время.

По роду своей профессии военного журналиста я близко общался с коллегами из местных средств массовой информации. Кстати, республиканская газета «Грозненский рабочий» представляла из себя мощный интернациональный сплав, состоящий из крепких журналистов – русских, чеченцев, ингушей.

Мы часто собирались после трудового дня у заведующего информационным отделом Анатолия Журавлёва. Это называлось у нас «посиделками по пятницам». Пропускали по рюмочке-другой. Когда не хватало, продолжали общение в ресторане «Океан» или летнем кафе, что находилось недалеко от кинотеатра «Космос». Мы много спорили, шутили. По мере добавления градусной жидкости переходили к политике. А там – любую тему возьми – сложная, остроты хватает!

Саламу Мадаев и Ваха Сайдаев (чеченцы), родившиеся в Казахстане, вспоминали депортацию и её последствия. Абу Гадаборшев (ингуш) часто затрагивал волнующую тему мирного противостояния ингушей на площади Ленина в январе 1973 года, требовавших тогда прекращения дискриминации их по национальному признаку. А Толик Журавлёв (русский), коренной грозненец, вспоминал, как чеченцы и ингуши возвращались из ссылки в 1957 году. Не все их ждали с распростёртыми объятиями: ведь на территории, где они когда-то жили, давно поселились другие люди. Возникали споры, драки на почве имущественных и земельных разногласий. Дело дошло до настоящей трагедии, когда в драке убили молодого русского парня, рабочего химического завода. Возникли массовые беспорядки уже на фоне конфликта межнациональных отношений. Настолько массовые, что пришлось привлекать войска.

Наши журналистские споры под бутылку, впрочем, имели цивилизованный характер. Мы никогда не дрались, а наш спор вокруг этих сложных тем, как правило, заканчивался мирно. И хотя об этом не принято было говорить вслух, но мы говорили и тихо ругали власть прошлую и нынешнюю за перегибы и просчёты в национальных вопросах. В конце застолья дружески обнимались.

Мой круг общения постоянно расширялся. Появлялись новые знакомые среди творческой интеллигенции и молодых чиновников из числа работников комсомола. Кстати, в Грозном я женился: моя жена работала инструктором в горкоме комсомола.

Регистрировали свои семейные отношения в ЗАГСе, что напротив площади Ленина. Распорядитель торжества – статная дама в строгом платье – доверительно сообщила нам, что семь лет назад она скрепила се-

мейными узами уже известного тогда кинорежиссёра Н. Михалкова. Он снимал в этих местах знаменитый фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих». Я даже горд был. А на свадьбе у нас гулял настоящий грозненский бомонд: журналисты, чиновники, молодые учёные. Ну и, конечно, офицеры, мои сослуживцы.

Позднее, на съезде Союза журналистов республики (куда я попал по разнарядке от военных), я познакомился с некоторыми персонами, которые через несколько лет сыграют ключевые роли в администрации Джохара Дудаева. К примеру, с актёром театра имени Х. Нурадилова Ахметом Закаевым и будущим президентом независимой Ичкерии Зелимханом Яндарбиевым. Последний, кстати, считался поэтом. Публиковал свои стихи в различных журналах. Например, в журналах «Дон» и «Дарьял». Не гнушался демонстрировать свои поэтические способности в знаменитой грозненской пивной, недалеко от центрального Аракеловского магазина.

В те же годы я познакомился с великим танцором (каким он стал ещё при жизни), народным артистом СССР Махмудом Эсамбаевым. Взял у него интервью. Он хорошо относился к военным и охотно согласился ответить на вопросы. Беседа длилась больше часа. Эсамбаев, не снимая папахи, шутил и был в приподнятом настроении. Он, к слову сказать, никогда не снимал папаху. И был единственным депутатом Верховного Совета СССР, которому разрешалось сидеть на заседаниях в головном уборе. Рассказывают, что Леонид Брежнев, перед выступлением оглядывал зал и, видя папаху Эсамбаева, говорил: «Махмуд на месте, можем начинать».

Правда, на моей памяти, он один раз нарушил негласную традицию. Проходило торжественное мероприятие, посвящённое героической битве за Кавказ. Махмуд Эсамбаев тогда прилюдно снял папаху и поклонился доблестным защитникам Северного Кавказа и Грозного, в тяжёлую пору не пропустивших гитлеровцев в город.

Связь армии и народа в те годы была очень крепкой. Когда приезжали корреспонденты ведущих газет и журналов страны, традиционно приглашали делегата съезда партии, работницу Грозненского машиностроительного завода «Красный молот» Сажи Умалатову. Кстати, родилась она в Казахской ССР, куда её родители в 1944 году были депортированы, а в памятном 57-ом году вместе с семьёй переехала в город Грозный. После встреч делали постановочный снимок с военными (преимущественно с отличниками боевой и политической подготовки). Часто гостями военнослужащих грозненского гарнизона становились известные спортсмены и актёры. Мало кто знает, что неоднократная олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике Людмила Турищева родилась и выросла в Грозном. Из простой семьи. Её мама работала уборщицей в средней школе.

Выступал в солдатском клубе и популярный актёр театра и кино Евгений Евстигнеев. А после торжественной части, вместе с заместителем начальника политотдела В. Кравченко, плавал в бассейне 1-го военного городка. Ответсек дивизионной газеты Толя Виноградов делал фотохронику события, а я, как самый молодой, неоднократно бегал за пивом. Скуластый армянин с золотыми зубами, стоящий на разливе, пропускал меня без очереди. Наливал и громко приговаривал: «Это же для известного актёра, профессора Плейшнера». Завсегдатаи пивной относились к его словам с пониманием.

Кто мог подумать тогда, что через несколько лет всё так изменится! В начале 90-х Грозный угасал на глазах, стремительно. Всё началось бук-

вально со дня прихода к власти в Москве Б. Ельцина, а в Грозном – Д. Дудаева. Началось какое-то мракобесие. Лозунг нового лидера России: «Берите власти на местах столько, сколько хотите» чеченцы и ингуши восприняли буквально, как им хотелось.

На этом фоне начались беспорядки, массовые митинги на площадях Грозного. Дико модным стало свержение коммунистов (даже чеченцев) со всех постов и должностей из обкома, горкома и других властных структур города и республики. Апогеем беспредела, творившегося в тот период, стал памятный разгон Верховного совета Чечено-Ингушетии, когда пострадали десятки людей, а секретаря горкома партии, мэра Грозного Ю. Куценко просто выкинули из окна его рабочего кабинета.

…Советы старейшин из чеченских тейпов и муллы, лезгинка и бесконечные костры на площадях города, открытые призывы к переходу всего населения на законы ислама и шариата. Женщины должны носить паранджу, ворам публично отсекать руки, а затем и головы…

Политическая ситуация в Грозном менялась на глазах: практически парализована правоохранительная деятельность, приход к власти генерала Дудаева, поспешные, якобы демократичные и единодушные выборы его же кандидатуры на пост первого президента республики Ичкерия. Выборы проходили под пристальной охраной внезапно возникшей чеченской гвардии с автоматами Калашникова в руках на всех выборных участках.

В тот момент в России цены на хлеб «освободили», как и на другие продукты питания первой необходимости. А в Грозном Дудаев цены на хлеб удерживал на горбачёвском перестроечном уровне, ещё доступном для малоимущих и инженеров. Но эта «заботливая» попытка остаться островком эдакого исламского социализма среди моря своих же новоявленных чечено–ингушских капиталистов была обречена. Сразу же с прилавков магазинов стали исчезать мука и сахар. Законы экономики приказами не отменишь.

Только что избранный президент Дудаев сделал ставку на уголовные элементы: выпустил из тюрем республики всех уголовников и убийц. В эти годы наблюдался просто невиданный разгул преступности. Начались нападения на воинские части для захвата оружия. На окраинах и в центре города, днём и ночью слышалась канонада – переклички автоматных и пулемётных очередей. Начался уголовно-интернациональный террор против всего населения, включая чеченцев и ингушей. Но больше всего страдали русские, украинцы, армяне. Ограбления и убийства в квартирах, на улице, в подъездах домов, в транспорте стали обычным явлением. Люди за бесценок продавали квартиры или дома, а после нотариального заверения сделки в ту же ночь к ним приходили «новые хозяева республики» и изымали деньги.

Владельцы машин под прицелом автоматов «добровольно» дарили машины бандитам и тут же заверяли «подарок» нотариально (нотариус предусмотрительно приезжал на место «сделки»), чтобы всё было почти по закону, а новым хозяевам, упаси Аллах, не прибавилось бы потом хлопот с перепродажей машины. Затем «новые хозяева» грузили в машину всё, что можно было ещё увезти. Если жертва не брыкалась и не сопротивлялась, то утюгом не пытали и в лесу не убивали. Обходились «гуманными» методами убеждения – с оружием наперевес.

С 1993 года чеченцы перестали покупать дома и квартиры у русских. «Нам и так всё даром достанется», – уверены были они. Заводы и организации ещё как-то работали, но зарплату им не платили по пять-семь месяцев. Потом выдавали по номиналу, обесцененную уже раз в десять!

Преступления по отношению к русскоязычному населению правящим режимом приветствовались и возводились в ранг новой государственной политики самопровозглашённого и суверенного от русских государства. В 1992 году ВЦИОМ провёл обследование миграционных процессов в ряде союзных и автономных республик. Оказалось, что доля желающих выехать за пределы Чечни выше, чем в любой другой части бывшего СССР. Из республики собирались уехать 37 % русских, а в то время это даже больше, чем из охваченного гражданской войной Таджикистана.

Итак, утвердившийся в Грозном политический режим открыто попирал права граждан. Проводилась, по существу, политика геноцида. Но тогда (да и сейчас!) об этом не принято было говорить открыто. Как когда-то о депортации чеченцев в советское время.

Председатель комиссии Государственной Думы по расследованию преступлений в Чеченской республике, известный кинорежиссёр С. Говорухин прямо говорил: «Это действительно был разгул уголовщины… Кровь и слёзы лились в Чечне все эти годы… А уж как издевались и унижали – и говорить не приходится. Одно слово применимо к этому – геноцид». Но его никто не слышал.

Почему такое могло произойти, не пойму до сих пор. Хотя хорошо известны причины, приведшие к двум чеченским войнам. Этот конфликт, по всей видимости, имеет свою надводную видимую часть и подводную, которая ещё долго будет скрыта плотной пеленой тайны. И эту подводную часть, учитывая её специфику, в полной мере вряд ли удастся узнать в ближайшее время. Ясно одно: когда центральная власть неспособна контролировать такие вот специфические регионы, возникают жестокие, кровавые конфликты. Так было в период революции 1917-го, гражданской и Великой Отечественной войн. Это произошло, к большому сожалению, и в годы распада СССР.

Через десять лет я вновь оказался в Грозном. Весной 1995 года. Я не узнал город, вернее то, что от него осталось. Между разрушенными домами, стараясь обходить воронки от снарядов, бродили люди, в основном старики и женщины, какие-то неживые и неестественные. В грязных, поношенных обносках, хмурые и молчаливые. В одном из дворов многоэтажки, в центре города на пустом ящике из-под боеприпасов сидят старик и старуха. Кроме них, в полуразрушенном доме живут ещё несколько семей, русские и чеченцы. Ладят между собой. Совместно пекут лепёшки из муки и ютятся в подвалах.

Подъезжаем на броне к президентскому дворцу (бывшее здание обкома партии). Чёрные, покрывшиеся копотью окна, разрушенные стены, зияющие проёмы от артиллерийских и танковых снарядов. На уцелевших стенах видны надписи: «Здесь был полк морской пехоты! Если надо – будем ещё!», «Смоленский ОМОН увиденным удовлетворён!», «Ломаем хребты волкам! Спецназ ГРУ!».

Площадь Минутка напоминает Сталинград времён Великой Отечественной. Как и вся центральная часть города. Почти ни одного уцелевшего здания. Сохранились некоторые частные дома в районах Черноречья,

Катаямы и в Старых Промыслах. Долго искал дом, где я жил когда-то, где прошла моя офицерская юность. Нашёл! Почти разрушенный, но подъезд сохранился. Не стал подниматься на пятый этаж: его просто не было. Одни мёртвые пустоты, проёмы, куски арматуры да вечная пыль.

Мало что осталось и от больничного комплекса, где появился на свет мой сын. Во время штурма Грозного там находился штаб генерала Рохлина. Сюда свозили раненых.

В Грозном много лет прожил и мой шеф – генерал Геннадий Трошев, в первую войну он командовал Объединённой группировкой войск министерства обороны. Жил на улице Коммунистической, в частном доме. Пролетая на вертолёте над русским кладбищем, его крылатая машина получила пробоину. Замаскированная «зэушка» или крупнокалиберный пулемёт били почти в упор. В тот раз Бог отвёл беду и позволил генералу побывать на могиле своих родственников. А через тринадцать лет не уберёг. Под Пермью…

На моей памяти Грозный штурмовали несколько раз. И каждый раз рушились дома, уничтожались скверы и парки, стирались улицы и проспекты. Люди старались спасать всё, что ещё оставалось. До сих пор в памяти остался примечательный эпизод. В августе 1996 года во время очередного штурма города, теперь уже боевиками, подразделения 205-й бригады держали оборону в Доме правительства. Здание сгорело, бойцы покинули его, оставив несколько своих «секретов» в виде растяжек и минловушек. А через неделю выяснилось, что в подвалах дома находилось большое количество художественных ценностей… Пришлось возвращаться! Несмотря на продолжающиеся бои, солдаты в течение нескольких дней искали картины (как потом выяснилось), обнаружив их, завернули в целлофан, аккуратно сложили и на армейском КамАЗе вывезли. Руководил эвакуацией комбат майор Михаил Гордиенко. Удалось вывезти 231 картину.

И вот за зданием штаба Временных объединённых сил в Ханкале наблюдалась потрясающая картина: полотна известных художников были выставлены для просушки. Военный люд, толпившийся возле них, больше напоминал необычных экскурсантов, решившихся приобщиться к прекрасному. И это на фоне войны, ведь всего в нескольких километрах от «выставки» идёт бой. Через считанные дни война завершится, войска покинут республику. Но в тот момент это никого не интересовало. Заворожённые творчеством, солдаты подолгу, как прикованные, стояли возле работ всемирно известных мастеров: Айвазовского, портретиста Байкова, баталиста Рубо. Символично, что в тот раз было спасено и полотно Рубо 1895 года «Пленение Шамиля».

Эти картины в своё время выставлялись в Эрмитаже, Русском музее, экспонировались в лучших музеях мира. «Пленение Шамиля» пережило аж три войны и две революции! В 1944 году во время депортации чеченцев и ингушей картину вывезли в Москву. Говорят, что висела она в кабинете Лаврентия Берии. А в 1957 году знаменитое полотно возвратилось в Грозненский музей изобразительных искусств имени П. Захарова.

Судьба оказалась благосклонной к шедеврам живописи. А к людям? К моим родственникам, приятелям и знакомым, много лет прожившим в Грозном? По-разному сложилось. Родителям моей жены удалось спешно покинуть город, прямо перед самой войной. Анатолий Журавлёв, похоронив родителей, перебрался в Москву, работал в информагентстве РИА

«Новости». Чеченский журналист Саламу Мадаев погиб. Его тело обнаружили в собственном доме. Пережил две войны и выжил Ваха Сайдаев. Недавно ему исполнилось 80 лет. А вот известного диктора телевидения Чечено-Ингушетии, женщину потрясающей красоты (к сожалению, запамятовал имя), постигла трагическая участь. Она погибла в декабре 2002 года, когда возле здания Дома правительства А. Кадырова взорвался автомобиль, начинённый тротилом. Я до сих пор помню её бархатный, очаровательный голос. Она ещё в советские времена вела программы на русском и чеченском языках. А за неделю до своей гибели передала мне стихи своего сына – о войне и мире. Мы напечатали их в газете «Военный вестник Юга России».

В начале второй чеченской войны скончался в Москве Махмуд Эсамбаев. Его похоронили на малой родине, на родовом кладбище селения Старые Атаги.

…В нулевые годы Грозный стремительно восстанавливался из пепла. Чего скрывать, его величие и красота завораживают сегодня любого туриста. Однако современный Грозный, кроме названия, имеет мало общего с городом, основанном в XIX веке. Это касается как архитектуры, так и населения. Сегодняшняя столица Чечни – город с моноэтническим населением, за короткий срок утративший свой неповторимый интернациональный колорит. Если до войны там проживало порядка двухсот тысяч русских, то сейчас по всей республике едва можно насчитать несколько тысяч.

Надо признаться честно: сегодня ещё трудно предположить, что когда-нибудь в Грозный вернётся утраченный дух дружбы между народами, разрушенный двумя кровопролитными войнами. Будем надеяться и верить.

Но история навсегда сохранит имя русского генерала Алексея Ермолова, который основал крепость, превратившуюся со временем в большой город, объединивший в одну дружную семью русских, чеченцев, ингушей, представителей других больших и малых народов.

Наверняка наступят такие времена, когда по примеру предков мы снова научимся жить вместе, сменив ненависть и недоверие на дружбу и уважение.

48 ЧАСОВ ПУЛИКОВСКОГО

Накануне августовских событий 96-го сменился Командующий Временными объединёнными силами (ВОС) в Чеченской республике. Им стал боевой генерал Константин Пуликовский. За год до этого он потерял здесь старшего сына, пехотного офицера Алексея Пуликовского. Он погиб – как подобает настоящему мужчине – в бою. Трудно передать словами, что переживал отец, одному Богу известно. Но не сломался, достойно принял удар судьбы. Хотя ему не раз пытались поставить в вину «слишком жёсткие, ультимативные» действия, мол, мстил за сына.

Ещё один удар судьбы ожидал Пуликовского, едва он принял командование группировкой войск на себя. В это время боевики, словно по мановению волшебной палочки, стали проникать в Грозный. Шли поодиночке, мелкими группами, пешком и на автомобилях. Представлялись местными жителями, студентами, торговцами. И с паспортами у них было всё в порядке. А ранним утром 6 августа заходили в город уже почти открыто, в составе больших отрядов, при полном вооружении.

Генерал Пуликовский принял решение оперативно окружить город, постепенно вывести оставшиеся там внутренние войска и милицию, в кратчайшие сроки перебросить к Грозному части и подразделения министерства обороны, выполнявшие боевые задачи в предгорьях и горах. По замыслу Командующего войска должны были занять господствующие высоты по всему кольцу вокруг города. «Кольцо» – так и называлась операция, которая была разработана в сжатые сроки.

Так и сделали. На возможных путях отхода боевиков подтянули бронетехнику, артиллерию и установки залпового огня. В небе кружили вертолёты огневой поддержки.

Генерал официально обратился к оставшимся в городе жителям (федеральные каналы транслировали по телевидению) с настоятельной просьбой покинуть Грозный. Были подготовлены специальные коридоры для выхода. Столицу республики в течение 48 часов покинули десятки тысяч жителей, в основном женщины, старики, дети.

Но, как часто случалось на первой чеченской войне, началась паника, сначала в стане боевиков, затем в Москве, подогреваемая средствами массовой информации. Ещё не началась операция, а на Пуликовского уже навесили ярлыки, мыслимые и немыслимые. Предупреждение о штурме города назвали «ультиматумом», а сам план операции – «Кольцо Пуликовского». Причём с едкими и уничижительными комментариями. Не забыли упомянуть, конечно, «мотивы личной мести» за погибшего сына.

Кстати, осознав, что оказались в ловушке, боевики напросились на встречу с генералом. Она состоялась. Бандиты, чуть ли не от имени самого Масхадова, предложили дать им коридор для выхода, сулили большие деньги. Они не сомневались, что генерал выполнит задуманный план. Не пожалеет сил и средств для уничтожения бандитов.

Пуликовский просил передать Масхадову, что никакого коридора не будет. Посоветовал сдаться, пока не начались боевые действия. На этом разговор закончился.

48 часов, отведённые для мирных жителей, завершались. И тут раздался звонок из Москвы. Вот как описывает эту ситуацию генерал Константин Пуликовский в своей книге «Украденное возмездие».

«Звонит генерал Александр Лебедь. После второго тура президентских выборов он был назначен Секретарём Совета Безопасности РФ.

– Товарищ генерал, – зычный голос Александра Лебедя буквально переполнял телефонную трубку, – кто вами командует?

– Мною командует президент Российской Федерации.

– Ну, президент вами не командует в каждодневном режиме, тем более он сейчас болен, – возразил Лебедь. – Я понимаю, что вы подчиняетесь президенту. Но кто конкретно утверждает ваши планы, ставит вам задачи?

– Виктор Степанович Черномырдин…

– И что, Черномырдин вами действительно командует? – по-прежнему изумлённо вопрошал Лебедь.

– Нет, конечно, – отвечаю, – но ежедневно я ему докладываю обстановку – что происходит, как разворачиваются события.

– А командующий войсками округа, – не унимается Лебедь, – он вами командует?

– Разумеется. Во-первых, я его заместитель, во-вторых, нахожусь на территории его округа с войсками, привлечёнными из этого округа. Естес-

твенно, он тоже даёт необходимые указания.

– Вон сколько у тебя командиров! – в голосе Лебедя даже почудилось некоторое сочувствие. – Тяжело тебе…

– Я в Приднестровье был,– миролюбиво продолжил Лебедь. – Такое там тоже проходил. Командуют все, а отвечает всё равно один – тот, кто непосредственно управляет войсками…

А затем продолжил:

– Давай так, – в голосе Лебедя слышатся металлические нотки. – Ты никого больше не слушай, а выполняй только мои приказы. Я буду тобой командовать. Я – секретарь Совета Безопасности и имею на это право.

– Александр Иванович, – как можно мягче пытаюсь возразить, – я готов выполнять любые ваши приказы, но сначала должен состояться соответствующий указ президента, которым будет поручено вам мною командовать. А сейчас есть Черномырдин, министры, командующий войсками округа – у них законное, юридически обоснованное право мною командовать. А вы, хоть и занимаете такой высокий пост, но нигде ваши полномочия там не прописаны. Поэтому их команды я буду выполнять, а ваши, извините, нет.

– А, ну ладно, – осёкся Лебедь и даже ругнулся в трубку. Потом коротко бросил: – Утром жди указ…».

На следующее утро факсом в штаб группировки передали указ. Быстро состряпали, хотя, по словам Лебедя, президент был болен. Но кто станет разбираться в «кремлёвских тайнах», тем более в Ханкале. Хотя не только генерал Пуликовский, но и все офицеры и генералы группировки были уверены в том, что А. Лебедь разрубит чеченский узел. В глазах многих он слыл решительным и мужественным человеком. Почти не сомневались в том, что одобрит план Пуликовского по уничтожению бандитов, после чего можно вести разговор о мире.

Но тот вечерний разговор Лебедя и Пуликовского имел последствия для военных, в первую очередь, воевавших уже два года, терявших своих боевых товарищей, для имиджа страны под названием Россия. Последствия далеко не радостные и не логичные во всех отношениях. Касательно плана Пуликовского под условным названием «Кольцо». Он успешно был применён спустя три года, в ходе второй чеченской войны, во время захвата Грозного федеральными войсками в январе 2000 года. А пока новоиспечённый секретарь Совета Безопасности РФ с расширенными полномочиями прилетел в Ханкалу.

В окружении внушительной свиты охранников А. Лебедь прибыл на совещание, где его уже ожидали командиры частей и подразделений объединённой группировки, преимущественно генералы и полковники. Я прилетел в Ханкалу с Командующим 58-й армии генералом Г. Трошевым. При его содействии оказался в зале, на галёрке, среди полковников и таких же подполковников, как и я. Хотя в списке №1 никогда не значился, не по статусу.

Генерал Пуликовский выступил конкретно и лаконично. Вкратце рассказал о текущей ситуации и в общих чертах – о плане «Кольцо». Всё как обычно. На подобных совещаниях конкретику и детали обсуждают в узком кругу, как правило.

Затем слово взял Лебедь и буквально ошарашил ушатом ледяной воды всех участников совещания. Смысл его выступления сводился к

тому, что необходимо немедленно прекратить боевые действия и приступить к переговорам с Масхадовым. Мол, надо снимать кольцо окружения вокруг Грозного и прекращать войну.

Никто из присутствующих не ожидал услышать такие слова. В зале воцарилась гнетущая тишина, только слышны были урчащие «движки» автономных дизелей и шелест лопастей взлетающих и садящихся вертолётов. Стараясь не терять самообладание, слово взял Командующий группировкой: «Александр Иванович, вы не правы. Может, я что-то неправильно объяснил. Готов повторить. Предлагаю спланировать дальнейшую работу следующим образом. Сейчас пообедаем, а затем вы пригласите к себе на беседу представителей силовых ведомств от МВД, ФСБ, ГРУ. Поговорите с ними один на один и выслушаете их мнения».

Лебедь утвердительно кивнул, а затем вновь обратился к генералам и офицерам с речью. Видимо, Александр Иванович уже чувствовал себя в роли «миротворца». Из слов секретаря Совбеза можно было понять, что президент России Б. Ельцин болен и не в состоянии управлять государством. В стране системный кризис. Скорее всего, будут назначены новые президентские выборы. И он, генерал Лебедь, – ни много ни мало – эти выборы выиграет. А для этого необходимо, в первую очередь, закончить эту войну

Он вспомнил Брестский мир, когда вождь мирового пролетариата, чтобы спасти страну, пошёл на сделку с немцами. Почему-то вспомнил землетрясение на Сахалине и наводнение в Приморье. Короче, «я приехал сюда, чтобы остановить войну». Эти слова стали финальным аккордом совещания. Снова тишина. Аплодисментов не последовало. Занавес…

Признаться, на меня не произвели никакого впечатления слова Лебедя. И другие генералы и офицеры на перекуре были единодушны – снова политические игры, к которым все уже привыкли. Обидно было другое – войну таким, мягко скажем, нелепым образом останавливает боевой в прошлом генерал. Во всяком случае, в тот жаркий августовский день я уже не верил никому: ни политикам, ни Лебедю.

Уже ближе к вечеру Лебедь снова собрал генералов и офицеров в узком кругу и акцентировал внимание на действиях Командующего генерала Пуликовского. Мол, мстит за сына, «совсем крыша поехала», нельзя доверять ему командование в такое время, когда решается судьба мира в Чечне. К подобным мыслям Александр Лебедь возвращался не раз, в беседе с Президентом, в Государственной Думе. Участь генерала Константина Пуликовского фактически была предрешена.

Ещё один примечательный факт. На том совещании в узком составе Лебедь «вытащил из рукава козырный туз», он зачитал указ Президента о его полномочиях. И, стало быть, кто с ним (с указом) не согласен, может выйти отсюда и писать рапорт об увольнении. Вышел генерал Пуликовский. Остальные, стиснув зубы, остались.

Ещё до вывода наших войск с территории Чечни Константин Борисович, оставаясь в должности заместителя командующего войсками СКВО, составил схему не вывода, а отвода наших войск за Терек. Этот план не был утверждён. В Москве торопили. Лебедь приступил к подготовке Хасавюртовского мира.

ХАСАВЮРТОВСКИЙ ЭПИЛОГ

Хасавюртовские мирные соглашения готовились наспех, по-походному, как говорится, «на коленке». Торопились и в Москве, и в Грозном. Одному бывшему офицеру советской армии (Лебедю) поскорее хотелось облачиться в мундир «миротворца», другому бывшему офицеру советской армии (Масхадову) – выполнить «волю чеченского народа», добиться независимости от России.

В итоге как получилось, так получилось. Генерал Лебедь запомнился в народе, не говоря уже о военных, как миротворец в кавычках. А бывший полковник Масхадов через полгода после подписания мирных соглашений станет президентом Чечни и доведёт свой народ, волю которого он якобы исполнял, «до ручки», поставив его на грань нищеты и разорения. Но это будет потом. А пока на помощь Александру Лебедю в Чечню поспешил серый кардинал российской политики того времени Борис Березовский.

Вот как вспоминает те дни генерал Геннадий Трошев.

«Направляясь в Чечню, Б. Березовский (в тот момент официальный представитель федерального центра) сначала поехал к Масхадову, а только потом прилетел в Ханкалу, в штаб Временных объединённых сил (ВОС).

Выслушав облечённого высокой властью Березовского, Пуликовский побледнел, но тут же, собравшись, начал чеканить слова:

– Я, как командующий группировкой, не согласен с такой позицией и считаю, что вы должны были, прежде всего, встретиться с руководством объединённой группировки войск. Мы здесь давно собрались и ждём вас. Нам есть что сказать. Неужели перед встречей с Масхадовым вас не интересовало наше мнение, наша оценка ситуации?

– Ты, генерал, можешь считать всё что угодно, – сверкнул глазами столичный визитёр. – Твоя задача: молчать, слушать и выполнять то, что тебе мы с Лебедем говорим. Понял?

– Вы говорите, не думая о тех людях, которые сейчас в Грозном в полном окружении кровью харкают, – «закипал» Пуликовский. – Они ждут моей помощи. Я обещал…

– Я тебя, генерал, вместе с твоими людьми, вместе со всей вашей дохлой группировкой сейчас куплю и перепродам! Понял, чего стоят твои обещания и ультиматумы?

Офицеры, невольные свидетели разговора, опустили головы. Пуликовский с трудом сдержал себя. Стиснул кулаки, круто развернулся и пошёл прочь, чувствуя спиной «расстрельный» взгляд Бориса Абрамови-ча…».

В марте 1997 года во Владикавказе отмечали 50-летний юбилей Геннадия Николаевича Трошева. Я оказался среди приглашённых вместе с фронтовым репортёром Сашей Сладковым. Тогда мы увидели Константина Борисовича впервые, после августовских событий. Поздравить юбиляра вырвались из Москвы и слушатели военной академии Генштаба генералы Владимир Шаманов и Сергей Макаров. Как водится среди военных, в праздничном застолье говорили и о службе, вернее о войне. Вспоминали хасавюртовский мир и его последствия. Пуликовский рассказывал, как Лебедь «доставал» его после августа. Даже из госпиталя пытался вызвать на пленарное заседание Госдумы. Чтобы объясниться: почему Пуликовский якобы пропустил боевиков в Грозный. Лебедь, по всей видимости,

хотел «расправиться» с Пуликовским. Не получилось. Вскоре Александра Ивановича самого освободили от должности секретаря Совбеза.

Запомнились мне на том юбилее слова генерала Г. Трошева: «Костя, я уверен, что наступят времена, когда в Москве поймут всю пагубность и роковую ошибку при подписании мира с боевиками». Затем разговор свернулся. Тогда ещё не принято было открыто говорить об этих вещах, даже среди военных.

В дальнейшем волею судьбы дороги двух генералов не раз пересекались. Они встречались несколько раз на заседаниях Государственного совета. Пуликовский в ранге полпреда президента на Дальнем Востоке, а Лебедь – губернатора Красноярского края. Они даже не здоровались. Их пытались помирить. Не получилось. А в 2001 году К. Пуликовский сопровождал лидера Северной Кореи Ким Чен Ира в поездке по стране. По графику поезд должен был остановиться в Красноярске. Намечались какие-то мероприятия в честь высокого гостя с участием руководителя края. Северокорейский лидер на перрон железнодорожного вокзала не вышел.

На мой взгляд, дело не в моральной и психологической обиде, которую вольно или невольно один генерал нанёс другому. Просто в армейской среде не привыкли прощать предательство. Да и не только в армейской. Когда пришло печальное известие о трагической гибели губернатора Красноярского края, на мой мобильный пошёл шквал звонков от журналистов. Просили дать комментарий от командующего войсками СКВО генерала Г. Трошева. А я в тот период возглавлял пресс-службу округа. Трошев отказался, причём в категоричной форме

– Пойми, Геннадий, столько вреда нанёс Лебедь армии…Такое не забывается и не прощается. Поэтому поступим по-христиански – о мёртвом или хорошо, или ничего. Мир его праху. Прости меня, Господи!

Мне не раз доводилось встречаться с армейскими генералами, которые сыграли ключевую, заметную роль в первой чеченской кампании. И когда речь заходила о финальном её аккорде, генералы высказывали одну и ту же мысль разными словами.

Константин Борисович Пуликовский твёрдо убеждён, что ошибка политического руководства страны и исполнителя его решений в лице секретаря Совбеза привела ко второй чеченской войне. Если бы завершили тогда операцию в Грозном, то войны больше и не было бы. Её не могло бы быть.

Геннадий Николаевич Трошев считал, что если бы ультиматум Пуликовского был реализован, не распоясались бы басаевы и хаттабы, не было бы ни криминального беспредела в Чечне, ни терактов в Буйнакске, Москве, Волгодонске, Владикавказе, Беслане.

Владимир Анатольевич Шаманов уверен, что хасавюртовский мир привёл нашу страну на грань распада. Хуже всего пришлось военным, тем более если вспомнить, какое тогда формировалось общественное мнение об армии, её боеготовности. Кому-то, а мы теперь знаем кому, было это выгодно.

Поразительно, но мало кто вспоминает сейчас о той обстановке, которая сложилась в стране в 1996 году. Само слово «патриот» стало едва ли не ругательным. Об этом сегодня как-то не принято вспоминать. А если и возвращаются к этой теме, то неохотно. А ведь хасавюртовский мир породил череду новых убийств российских солдат и офицеров, мирных жителей, женщин и детей.

Армия оказалась парализованной самим федеральным правительством. А фамилии убийц и террористов Басаева, Масхадова – список можно продолжить – фигурировали в официальных списках различных справочников в Администрации президента РФ вплоть до 2004 года. Сам видел справочник для служебного пользования. Это был список нового правительства А. Масхадова после избрания его президентом республики в начале 1997 года. Смех и грех. Бандиты стали чиновниками…

Конечно, во всём обвинять Александра Лебедя – несправедливо. Достаточно вспомнить предысторию конфликта. Парадокс, но именно при президенте Б. Ельцине и его окружении разношёрстная масса превратилась в хорошо вооружённую армию, без кавычек. А с подачи СМИ их называли незаконными вооружёнными формированиями. Именно с подачи президента России Директивой от 28 мая 1992 года предписывалась передача 50% находящегося в республике оружия. Однако Дудаев не стал церемониться и взял больше. Только по официальным подсчётам: 42 танка, 48 БМП и БТР, 940 автомобилей, 266 самолетов, 139 орудий, 523 гранатомёта, 18 установок залпового огня «Град», 740 ПТУР, 88 ЗРК, 46 млн. патронов, более 40 тысяч единиц стрелкового оружия, 158 тысяч снарядов и 1620 тонн горючего. Армия Дудаева обзавелась также тактическими ракетами «Луна-М». Этого вполне хватило, чтобы вооружить свыше тридцати тысячи человек. Три (!) полнокровные дивизии по штатам советского времени.

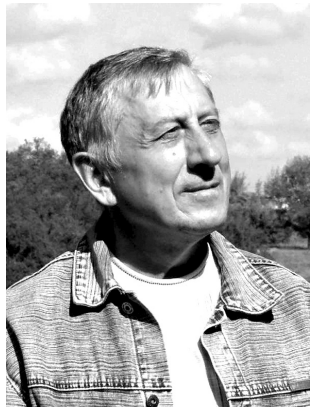
Одновременно Чеченскую республику в спешном порядке покидали части и подразделения учебной мотострелковой дивизии, а также ракетные части, полк внутренних войск. Принимая такие решения, так мог поступить либо сумасшедший, либо предатель. В Чечню таинственным образом утекли 4 триллиона рублей по фальшивым авизовкам. Ясно, что мелкие мошенники такую сумму украсть не могли, их надёжно покрывали на самом верху.

А затем пошли закулисные политические игрища на фоне необъявленной войны. А незадолго до подписания «мира» Бориса Николаевича Ельцина спустившаяся с гор банда во главе с З. Яндарбиевым впервые за тысячелетнюю историю России в своём кремлёвском кабинете заставила сесть так, как ему было указано.

Даже Цусима и Брестский мир не были таким позором для страны, как подписание хасавюртовских соглашений. Тогда Россия проиграла войну, сражаясь с более-менее равным противником. Но летом 1996 года проиграла войну не другой стране, а своей собственной.

Сейчас тем безусым, молодым ребятам, кто проливал кровь в горах Чечни, уже исполнилось по 50-60 лет. Солидный возраст, пора, как говорится, подводить предварительные итоги. Они до сих пор вспоминают то время. Они не забыли, как покидали мятежную республику: оплёванные, оскорблённые, а в спины им кричали «Аллах Акбар».

Такое невозможно забыть и сейчас, спустя двадцать пять лет.



ПЁТР МАЛЬЦЕВ

Член Союза писателей России. Автор книг «Государева земля», «Витязи борисовского неба», «Это надо живым» и других. Печатался в различных журналах и альманахах. Лауреат литературной премии им. Эдуарда Володина «Имперская культура». Живёт в посёлке Пролетарский Белгородской области.

СЕЛЬСКИЙ ФЕЛЬДШЕР

Фельдшер на селе всегда в центре внимания. Изо дня в день он совершает подвиг, вступая в борьбу за жизнь больного. Полностью отдавая всего себя: свои знания и опыт, своё милосердие и доброту, без которых невозможно заполучить благосклонность и доверие человека, терзаемого болью, чтобы добиться его окончательного выздоровления, – он одновременно обретает и своё человеческое счастье. От своей благотворной деятельности заполучает в награду спокойствие и опытность, хладнокровие и твёрдость, душевный мир и умение владеть собой, без чего невозможно ощутить непреходящую радость жизни. Когда мечта, вынашиваемая с детства, исполнена, а дарованный тебе свыше талант проявил себя, стал необходим людям, всегда испытываешь захватывающее чувство торжества победы и уверенно движешься вперёд в своей вдохновенной работе.

***

Фельдшером в нашем селе была Мария Ивановна. Доброта и радостное восприятие окружающего мира, исходящие от неё, в сочетании с её твёрдостью и решительностью в проведении назначенного ею лечения всегда давали недужному человеку надежду на выздоровление. Иногда просто мягкое доверительное общение её с больным настолько облегчало состояние немощного, что он на долгие годы забывал о своей болезни.

Вспоминаю слова Марии Ивановны, когда я готов был везти заболевшего отца на лечение в железнодорожную больницу на станцию Готня. Едва переступив порог нашего дома, со всей твёрдостью в голосе она заявила моей матери:

– Не надо никуда его везти. Природу ещё никто не отменял. И здоровый хвор бывает. Болезнь отступит. Для того чтобы обрести себя, ему нужен покой. А в нашем деле так: если дашь совет и помогает – хвалят природу, не помогает – хают врача.

Она произносила слова с такою верой, что мне показалось: то, что случилось с моим отцом, когда-то происходило и с ней самой. Глядя в её лицо, можно было представить, до какой же степени она ощущала чужую боль, и это запредельное ощущение человеческой боли помогало ей ставить верный диагноз, который всегда подтверждался специалистами в районе.

В детстве я не мог понять, почему ей в своей работе часто и дня не хватало. Разве мог я тогда знать, что в доме заболевшего в ожидании долгожданного доктора керосиновая лампа всю ночь горит. Несмотря на все преграды – дождь, снег, слякоть, – она первой приходила на помощь к страждущему человеку. На её плечах лежала забота о здоровье целой деревни со всеми дальними заброшенными хуторами. Она знала всех и вся, все корни наследственных болезней проживавших там людей. И из-за забот о других плодородная земля на её огороде без надлежащего догляда находилась в полном запустении.

Мария Ивановна очень понимала хворающий народ:

– Не больной привередлив, Нюра, а боль. Не всякую боль можно пересилить, но всякая боль врача ищет. Любая боль до сердца доходит. А доктор должен жить с больным в мире. Где мир, там и согласие. С миром – простор, а с бранью – теснота. Как ни бранись, а на мир слово оставляй.

Она с первого взгляда схватывала суть болезни и знала, что следует делать. Во время лечения старалась как можно глубже изучить и понять больного, но суть её работы всегда сводилась к умению своевременно поставить правильный диагноз. И это умение она подтверждала всей своей жизнью.

Мне хорошо запомнился один день из жизни сельского фельдшера, когда Мария Ивановна красным солнышком блеснула на окраине нашего хутора.

Он в то время был многолюдным, многие семьи были многодетными, но её никогда не сдерживало чувство усталости, неизбежное при таком напряжённом ритме жизни сельского фельдшера. Неизбежную усталость она преодолевала неуёмным желанием помочь людям и, невзирая на все трудности, отдавала себе внутренний приказ: «Надо».

Я знал, что матери нужен был совет. Она хотела узнать, какого срока давности собранные на болоте «собачки»[1] оказывают действие по снятию раздражения кожи, и караулила фельдшера, стоя за воротами своего двора. Только вот как она почувствовала, не мог я понять, что фельдшер в доме наших соседей? Словно это известие ей сорока на хвосте принесла!

– Доброе утро, Мария Ивановна! Какими судьбами к нам занесло? – мать первой затронула доктора.

– Доброе! Доброе, Нюра! Только для всех ли оно доброе? – произнесла она в ответ. – Как поживаете на самом краю?

– Да не так чтобы так, и не очень-то очень, – как-то замысловато и невнятно ответила мать.

– Все ли здесь здоровы?

– Да, слава Богу! Здоровьем пока нас Бог не обижает.

– Ну это и главное, Нюра, в нашей жизни.

Их лица осветились радостной улыбкой, и они повели оживлённый разговор.

---

[1] Череда трёхраздельная, лекарственное растение.

– Вон девчонки вашей соседки Шуры, – рассказывала Мария Ивановна, – прямо с порога ко мне с волнующим их вопросом: «Дайте совет, что нужно, чтобы наши волосы были пышными и шелковистыми?». Прежде всего, красавицы, отвечаю, нужно не лениться. Вон сколько крапивы в вашем лугу! Собирайте, делайте отвар, втирайте его в корни волос. Крапива придаст и мягкость вашим волосам, и шелковистость. Здоровье – первое богатство, второе – счастливое супружество.

Тут внимание Марии Ивановны привлекла развалившаяся на две половины видавшая виды фельдшерская сумка. Склонив голову, она стала колдовать над ней. Так они и вошли с матерью во двор нашего дома, после чего Мария Ивановна сразу присела на краешек крылечка, поставила свой саквояж на левое колено и стала сводить воедино раззыбившиеся половинки. Соединив их, щёлкнула замком сумки и повела разговор дальше.

– Я сегодня намечала, Нюра, к тебе забежать. Встала ни свет ни заря, надо было по вчерашним записям пробежаться по вашему краю. Иван Кондратович первым был в моем списке. Подхожу к его дому – он сидит на лавочке за воротами, солнышко встречает. А я взяла, дурья моя голова, да и ляпнула: «От старости, наверное, Иван Кондратович, одно только лекарство и осталось». А у него от моих слов и последняя искорка надежды на выздоровление в глазах потухла. «Эх, Ивановна, – пробурчал, – красно солнце всходит, каково-то зайдёт. Здоровье и покой – это целое царство. Разве от здоровья лечатся? Боль перемогу, да встать не могу. Либо боль, либо бой – человека на два горя не хватает. Боль отбудет – и так помру». Передышку взял, а потом очень убеждённо стал говорить мне: «Распечёт солнце, Ивановна, на нашем краю, разгуляется погода и на моём дворе. Утро всегда время золотое. Для всех живущих на земле оно радостное». Ослабленной рукой в сторону колодца всё мне показывал да на поле с жёлтым цветом за рекой. «Смотри, – говорит, – как лёгкий ветерок гонит волны луговой травы, а пчела всё равно летит на красный цветок. За одной каплей далеко летит. И никто не может остановить её полёт. Как не можем мы прервать и созревание пшенички, потому как после цвета, Ивановна, всегда налив, а после жизни всегда наступает смерть. Ведь на всё проистекающее в природе есть причины. Всё, Ивановна, имеет своё начало и свой конец. Старость пришла – хворь принесла. Дух бодр, да плоть немощна. Мне и самому не верится, что и для меня пришла пора сходить с круга. Закончит соловей, и начнёт кукушка. Будет и черемуха цвести, и кукушка куковать. Будет всё, как было и до меня, и продолжаться будет». И от его грустных слов, Нюра, в моей голове просветление наступило. Молодость нам уже не вернуть, но и от старости никак не отвертеться.

Зашли в дом. Пока я определялась с его загрудинной болью, он всё о былой силе рассуждал. «Вот здесь, под горой, – и он указал мне рукой, – у колодца, один живоглот рылом наткнулся на мой кулак. Так его потом водой всем миром отливали. Тот досадный случай сковал меня страхом: так и человека можно убить. И я на всю жизнь дал себе зарок: «Не бей кулаком – ударь словом». А когда я выписала ему лечение, он потянулся к палочке и, оживевши глазками, сказал: «Ленивому и солнце не вовремя встает. Сила хорошо, а ум, Ивановна, лучше. Да и доброе сердце всё покрывает». И хитровато заулыбался. Напоследок всё-таки не удержался, спросил у меня: «Наверное, наболело у тебя на душе, раз ты так в самом начале проявила ко мне такое отношение. Скажи прямо?». И пришлось

мне перед ним оправдываться, что и не припекло, и не наболело, что сама не знаю, как с языка сорвалось. Сама думаю, что от бессилия, наверное, потому какая старикам подмога нужна – к старости ведь все напасти. Так он, Нюра, ещё и успокоил меня, сказал, что лес по дереву не плачет, лес по поросли сохнет. После того разговора с ним нехорошо было у меня на душе. Трудная доля старикам достаётся. Утопающий за соломинку хватается. А соломиной ведь не подопрёшь хоромину. Живётся, Нюра, поётся, а умирается – дрягается! Тот здоровью цены не знает, кто не болен.

Видно было, что Мария Ивановна обоснование своим словам искала на стороне моей матери. Повздыхали обе, помолчали. После тягостной паузы фельдшер стала рассказывать.

– Вспомнила я случай, как Иван Кондратович в дождь спасал меня на реке. Я тогда только-только начинала работать фельдшерицей. Бежала с Лантуховки на ваш хутор. Не знаю, как всё вышло. Соскользнула я с осклизлых брёвнышек переброшенной кладки прямо в речку. Вода ледяная – это как раз на Машечкиных родниках. Одной рукой ухватилась я за брёвнышко, а другой над водой сумку пытаюсь удержать: в ней-то все мои ценности для лечения хранились. Кричала я тогда, как заполошная, на весь луг. На помощь людей звала.

Слушая Марию Ивановну, представлял я и Машечкин луг, и Машечкины родники. Мы с бабушкой гоняли туда стадо коров, когда приходила наша очередь пасти на хуторе. И она всё время вдалбливала в мою голову: «Не лезь в речку – там родники. От холода судорогой сведёт ноги и руки, утонешь». А я, не веря её словам, нарочно бродил по берегу вдоль реки с одной думкой в голове – как же мне увидеть ту силу, которая в холодной воде скручивает пальцы рук и ног. Здесь вода была ледяная, а нашему фельдшеру судорогой не свело ни рук, ни ног. Наверное, понапрасну стращала меня бабушка.

Мои мысли быстро развеял взволнованный голос Марии Ивановны.

– Иван Кондратович в тот час из своей столярки во двор вышел. Услыхал крик на реке, всё бросил, прибежал человека спасать. Правда, растерялась я тогда. Он кричит: «Гребись к берегу. Здесь неглубоко». А я в ответ: «Не могу! Сумка по реке уплывёт. В ней все инструменты и лекарства лежат». «Какая тебе сумка? – стал он у воды прямо нервничать.– Ты вся синяя. Зуб на зуб не попадает. Греби скорей к берегу!». «Нет, без сумки не могу. Там все мои ценности для лечения». Тогда Иван Кондратович, стоя на берегу, не выдержал моего упрямства и под заливавшим с неба дождём сиганул одетым в воду. И меня, перепуганную, за шкирку вместе с сумкой вытащил из реки. Столько лет прошло, а я вот до сих пор не могу понять: в ледяной воде простояла в реке и не заболела. Вот что значит для человека настрой: «Надо!».

Мария Ивановна задумалась, потом покрепче перехватила ручки фельдшерской сумки и продолжила:

– А мне ж тогда после той реки к бабке Павлихе нужно было бежать. Старуха-то пластом уже неделю лежала. Её больные ноги превратились в одутловатые кувшины. Она своим страданием такую боль в моей душе вызывала! Глядела я на неё, а у самой слёзы из глаз капали. Старушка от меня ждала помощи, я последняя надежда у неё была на выздоровление. Прикованный болезнью к постели человек всегда своим сердцем по какому-то

свечению души ощущает безграничное к нему человеческое тепло. Поэтому, наверное, и душа её всегда по-детски радовалась моему приходу. Она, как любой зелёный листочек, устремлённый к солнцу, тянулась ко мне, как ребёнок чувствовала, что я со всей искренностью хочу ей помочь. Ну а я сама сознавала, что помощь моя не всесильна, что болезнь с годами взяла своё. Только мне от своего понимания становилось ещё горестней на душе. В той лежавшей пластом старушке не было зла. Она от боли не срывалась на крик. В ней уже всё отболело, осталась одна мольба и желание увидеть хорошего человека.

– Ты, Ивановна, – тонким голосочком прямо тенькнула она, когда я только переступила порог её дома, – дай мне таблеточку, чтобы я, детка, ожила. Чтобы от своего двора ещё своими ножками на дорожку вышла.

А когда я ей делала уколы и мерила давление, глазки её прямо лучились добротой, и в этом чувстве не было никакого напряжения. С ней было необычайно приятно и легко общаться. Я тогда, Нюра, не могла вырваться из её силков. Она меня брала своими жалостливыми словами. И так горько было на душе, что не могу ей помочь!

Я услышал, как Мария Ивановна в разговоре с матерью опять вынесла печальное заключение:

– Это молодым, Нюра, все дороги, а старому – одна тропа.

Затем она бросила свой взгляд на луг, и её лицо осветилось задумчивой улыбкой то ли от той своей давней смелости, проявленной на реке, когда она сумела удержать сумку над водой, то ли от сознания, что столько лет прошло с той поры, а не забывается лекарское начало. А я даже своим детским сердцем услышал, почувствовал боль её за доверенных ей стариков.

– Ну что, Ивановна, – прервала мать её повествование, – с разговора сыт не будешь. Может, со мной кашки отведаешь? У тебя же ещё столько сегодня дел впереди!

Мария Ивановна, словно очнувшись, прямо вся встрепенулась – ведь с раннего утра всё время в бегах, крошки в рот не попадало – и без раздумий согласилась:

– Позавтракаю, Нюра. В еде да в драке стыда нет.

Мать, отодвинув заслонку печи, рогачом вытащила чугунок с разомлевшей овсяной кашей, разложила её по алюминиевым мискам, отрезала, не жалея, от только что сбитого кругляша добротную скибку коровьего масла и положила прямо в овсянку Марии Ивановне. Та, намыливая над ведром хозяйственным мылом руки и выпуская на них набранную из кружки в рот воду, взглянула в её сторону и скороговоркой пробормотала:

– Овсяная каша гордилась, что с коровьим маслом родилась.

Сняла со стенного гвоздя вафельное полотенце и, насухо вытирая им руки, продолжила:

– Осенью каша да блины, а весною сиди и гляди.

Мать, поймав меня, наблюдавшего за их беседой взглядом, повелительно сказала:

– Садись с нами, а то на целый день на речку завеешься – и с концами, ищи ветра в поле. Ты хоть сегодня-то за гусями проследи. А то отцу опять под горячую руку попадёшься.

Не раздумывая, сел я за стол, взял ложку и, не обращая внимания на их разговор, принялся за кашу. Мария Ивановна, увидев, с какой умелой сноровкой я поглощаю еду, не преминула сказать:

– Смотри, как парень на кашу распоясался! Приятный аппетит: нежёвано летит.

Глядя на мой вспотевший нос, ещё и добавила:

– Пошёл сынок, Нюра, в твою карчёнкову породу.

А мне доверительно прошептала на ушко:

– Все болячки матери по жизни понесёшь.

Мать, сидевшая рядом, услышала её слова и тут же вмешалась в разговор:

– Да его и сейчас ангина через три недели катает. Летом в несносную жару прямо пластом лежит. Так же, как и я в детстве. Так меня отец до войны в санаторий на Чёрное море отправлял. А куда я его отправлю, если их у меня пятеро.

Мария Ивановна, взглянув на мать, почувствовала, что поставила её в неловкое положение, и ласково сказала:

– Надо, Нюра, закалять его. Здоровье потом ни за какие деньги не купишь.

И мать поняла свою оплошность в разговоре с видным на селе человеком. Хотя и встала она на защиту сына, но теперь уже как-то степенно, прямо с какой-то сердечной мягкостью в голосе заявила:

– Да что ты, Ивановна! Как будто сама не из рода карчат!

– И то правда, Нюра. Я тоже из того же рода, – не стала она идти наперекор матери. – Но болезни свои ты должен знать с детства, чтобы смело шагнуть в большую жизнь. Надо с детства зарубить себе на носу: здоровый нищий богаче больного короля.

Но мать и здесь не осталась в стороне. Услышав слова про большую жизнь, она опять ляпнула:

– Когда на речке с окраинных дворов хутора заслышит по радио голос Озерова, бежит домой сломя голову и на весь двор орёт: «Я футболистом буду». Его даже сверстники Хусаиновым дразнят. Он нам с отцом только и турамбосит: «А что, футболистом быть плохо?». А отец ему в ответ: «Чего там хорошего? Бить баклуши. Ты бы лучше к школе готовился, а не гонял с утра и до ночи мяч. Футбол – это баловство. Разве эта игра пригодится тебе в жизни?». А он всё равно нам твердит своё: «Вот вырасту, футболистом буду».

Мария Ивановна не стала ввязываться в футбольную тему, только в мою поддержку сказала:

– Пусть, Нюра, играет. Футбол – это тоже дело хорошее. Здоровье крепче будет. Вот видишь, пока не поешь каши из одной чаши – так и человека не узнаешь, – обратилась она к моей матери.

А мать, взглянув в её сторону, по-хозяйски сказала:

– Негоже, Ивановна, напоследок лакомый кусок оставлять. Посуда любит чистоту. Пусть брюхо лопнет, а доесть надо.

Мария Ивановна, доев остатки каши, шумно вздохнула:

– Ох! Наелась до отвала. Не от голода люди мрут, а от обжорства. Прямо душа пузыри пускает.

Затем встала из-за стола и, заулыбавшись, промолвила:

– Спасибо этому дому, но мы сейчас пойдём к другому. Кабы знать да кабы ведать, где сегодня ещё и пообедать.

И уже на выходе из дома вспомнила она случай с трактористами, что на прошлой неделе был.

– Районная больница, Нюра, обязала меня в тракторной бригаде провести беседу «Здоровый образ жизни». Ну и что ж ты думаешь? После моей беседы с бригадой встаёт тракторист с Лантуховки Семён Фёдорович и говорит: «Кто бы нам поднёс, Ивановна, мы бы за его здоровье выпили». Я им толкую о здоровом образе жизни, а они мне, что такое дело отметить надо! И нашлись же такие доброхоты, поднесли. Правда, один из трактористов сказал: «Я не пью». Тут Семён Фёдорович его подправил: «Врёшь, что не пьёшь, маленькую пропустишь». А тот, шельма, за словом в карман не полез: «Ваши уговоры, Семён Фёдорович, и заставляют меня пить. Если б не они, разве пил бы я её?».

Простодушные, смешливые глаза её и бесхитростная улыбка словно говорили о том, что она приносила извинения за всё то, что там произошло.

– Вначале, – продолжала она рассказ, – пили за здравие живых. А потом принялись и за упокой усопших трактористов. Нашим мужикам только бы пить да гулять да доброго дела не знать. Начнут за здравие, а всегда сведут за упокой.

Я только и смог уже напоследок разобрать слова матери, выходящей из дома, когда она с каким-то сожалением в голосе произнесла:

– Семён Фёдорович – это наш родственник, Мария Ивановна.

– Да знаю я, Нюра, знаю, – как-то сочувственно сказала она, и дальше я перестал улавливать их голоса.

Она уходила с нашего двора к очередному больному, а я не мог понять, откуда только берутся у неё силы. Теперь-то я понимаю, что двигало этой незаметной на первый взгляд женщиной! Легко с раннего утра с головой погружалась она в свои неотложные дела, лишаясь сил от усталости к вечеру. В любую погоду, в любое время суток спешила она к больному. Твёрдо и мужественно, спокойно и уверенно исполняла она свою работу, погружая свой ум в сердце, слушая его через любовь к измученному болью немощному человеку. За своей лекарской маетой забывала о еде и сне, но никогда не мучилась от голода и не страдала от недостатка сна, потому как в своём призвании была счастлива. Исцеление больного было в её жизни одновременно и целью, и наградой. Так обретался мир в душе. Она хорошо уяснила прописную истину: обвиняя, теряешь силу, – поэтому никогда ни в чём никого не укоряла и никому ничего не вменяла в вину. Она искала силы внутри себя, чтобы обрести спокойствие и ощутить радость, ибо только радость от вдохновенного труда творит чудеса.

***

Одно время мы с бабушкой часто ходили в больницу в соседнее село Трефиловку.

Сразу за лесом открывалось село, оно заселялось украинскими переселенцами. В лиственном лесу помимо дуба росли лесная яблоня и груша, изредка попадались ясень, клён, осина и бересклет. Подлесок изобиловал тёрном, шиповником, боярышником.

Осенью бабушка брала с собой пошитые из лоскутов оставшейся материи вместительные торбочки. По пути в больницу она всегда останавливалась в лесу – оценивала взглядом сине-зелёные бусинки тёрна, с земли брала в руки упавшие груши и яблоки и, укрепив себя в принятом

решении, заявляла: «Смотри, сколько добра валяется у нас под ногами. На обратном пути, внучок, обязательно насобираем с тобой лесных груш. Зимой будем варить взвары».

Дальше дорога шла прямо в село: через поле, крутой овраг, затем опять пересекала поле, оставляя в стороне улицу Лан, затем опускалась в саму низину последнего лога, где в грязной запруде гоготали драчливые стада откормленных на стерне гусей, а к топким берегам, словно бумажные кораблики, прибивался гусиный пух. Бабушка любила эту тропинку, она напоминала ей то время, когда она ходила сюда в храм святителя Николая Угодника на службы. В войну немцы на колокольне устроили наблюдательный пункт, и наши бойцы, стоявшие на хуторе Краснокрестьянском, артиллерийскими снарядами разбили купол. Крышу можно было бы восстановить: зияющая дыра была малая. Но никто в то время не восстанавливал храмы. Церковь разрушили, строительный материал разобрали на постройки, а из кирпича сложили больницу, куда мы и держали с бабушкой путь. В ней-то врачом работала Анна Ивановна.

Люди без конца шли к ней на приём. А уж сколько она осуществляла лечений на дому, так тут, наверное, и сосчитать невозможно! Она никому не навязывала своего мнения и никого не учила, как правильно жить, она не сравнивала то, что здесь было раньше, и то, что стало при ней. Она, в отличие от многих, просто жила и добросовестно исполняла порученное ей дело – ведь всякое дело человеком ставится и человеком славится. Её жизненная мудрость и святая простота, помноженные на искреннюю любовь к людям, давали ей силы радоваться жизни. И бабушка за это её ценила. Она звала её не иначе, как Анна Ивановна, а та в ответ чествовала и старушку своей взаимностью, с особой теплотой человеческого уважения величая Матрёной Ивановной.

В коридоре фельдшерского пункта было неуютно. Там всегда пахло йодом и нашатырным спиртом, а на плитке в высветленной ванночке постоянно булькала вода с каким-то инструментом. Но бабушка не уходила отсюда, пока не чувствовала, что своим присутствием дала человеку возможность выговориться – это я понял уже будучи взрослым. Анна Ивановна всегда с неохотой отпускала бабушку домой, ей очень хотелось побыть с ней наедине, как можно дольше пообщаться с надёжным человеком, рассказать ему о своих трудностях, зная, что кроме неё никто не будет знать о непростой жизни сельского фельдшера. Ей необходимо было выговориться, сбросить с обременённой души отягощавший её груз, мешавший идти по жизни дальше, поэтому у неё с бабушкой всегда происходили такие долгие разговоры, а прощание было затяжным.

Надо сказать, что жителям нашей хуторской окраины несказанно повезло, потому что по особой просьбе моей бабушки сюда наведывалась и Анна Ивановна.

Мой двоюродный брат каждое лето приезжал к нам на хутор Басов из города. Он везде и всюду мотался на своём велосипеде. Вот и в тот раз, когда попал в беду, он оказался на той стороне реки, на хуторе Лантуховка, у тёти Поли. Брат увязался на велосипеде за народом, сгребавшим на лугу сено, и не заметил оплывшую канаву, поросшую травой. Он с ходу и угодил в неё. От удара у него выбило руль. Вылетев из седла, паутинкой проплыл брат по воздуху и сел промежностью на раму. Его привезли с той стороны реки в наш дом на подводе. Удар, поразивший область паха, вы-

зывал мучительные, болезненные ощущения. От тупой боли брат непрерывно стонал.

Бабушка, узнав о случившемся, дрожащими руками нацепила через голову юбку выходного дня, достала из сундука голубую кофточку с белыми цветочками (она не любила цветистое, потому как цветистое слишком скоро линяет) и, взглянув на себя в висевшее на стене зеркало, отправилась в соседнее село за фельдшером.

Анна Ивановна без всяких уговоров взялась помочь ей. Она долго осматривала больного, при обследовании часто задумывалась, а уже затем, когда определилась с лечением, обнадёжила бабушку: «В больницу не везите, я выхожу его на дому. В течение трёх недель он должен быть обездвижен. Всё время лежать. А к месту удара, чтобы не было припухлости, на первых порах прикладывайте отжатое полотенце, смоченное в холодной воде». Мошонка всё-таки опухла, но Анна Ивановна сама сшила для неё поддерживающую повязку.

Изо дня в день, невзирая на погоду, под вечер шла пешком Анна Ивановна к нашему дому, преодолевая поле и крутой овраг, минуя небольшой ложок, поросший дубравным лесом, спускаясь по второй надпойменной террасе правого берега. Её не останавливали ни дождь, ни ветер. Как сейчас вижу её на фоне вороха плывущих по небу облаков, когда солнце закатывалось в тучку и хуторская ребятня, игравшая в логу в футбол, разбегалась от заходившего дождя по домам.

Часто в нашем дворе Анна Ивановна появлялась вместе с закатывающимся за горизонт багровым солнцем с охапкой полевых цветов. Брат с её приходом всегда оживлялся. Брошенный ею на кровать больного букет наполнял комнату не только ароматом вечернего луга, но и доброжелательностью и уютом. Спокойная красота полевых цветов своей нежностью и свежестью трогала истерзанное болью сердце брата, наполняя его силой. Васильки и ромашки, сотканные в неповторимый орнамент букета, своей непринуждённой красотой вытесняли из его души волнение и печаль, меняли его, вселяя веру в преодолимость того, что произошло. Тихая красота полевых цветов наполняла бодрящей радостью больного, воскрешала в нём любовь к жизни, внушала доверие к лечащему врачу.

Анна Ивановна, осматривая моего брата, рассказывала, как сегодня глядели на неё там, за лесом, удивлённые глаза цветов ромашки, как она по пути сюда ощущала лёгкое подрагивание белых ромашковых ресниц, как под вечер согревалась теплом срединного солнышка цветка. И от её бесхитростного рассказа брат оживал, в нём появлялось беспечалие и праздничное настроение.

– Скоро ты встанешь на ноги, – убеждала его врач. – Там, за лесом, целое поле усыпано жёлто-белыми головками нежных ромашек. Там притягивают взгляд голубые цветы цикория, там тянутся в небо нежные колокольчики: только попытайся к ним прикоснуться, и они зазвенят. Там, в безветрие, попадая в сладостное марево душистого чертополоха, не блещущего красотой, чувствуешь успокоение. Там волнующий запах красных цветов клевера кружит голову. Не за горами тот день, когда ты пройдёшься по тому полю и принесёшь нам в подарок букеты прелестных полевых цветов.

Бабушка, слушая врача, горестно качала головой:

– Вот такая наша жизнь, внучок. Сегодня в слезах, а завтра в цветах. Поднимайся скорее, все цветы в поле для тебя.

Она сильно переживала за дальнейшую судьбу внука. Часто краешком своего фартука вытирала слёзы, а вечерами, становясь перед иконами на колени, усердно молилась.

– Ну надо ж было такому произойти! Да ещё у нас на хуторе. Сынто поймёт меня. А вот невестка Нюра что скажет? – делилась она горем с моей матерью.

– Да не изводите Вы себя, мамаша. Вы же своих рук ему не подложите. Разве за ними возможно уследить, родимец бы их побрал! Никто не знает, в какую минуту куда их занесёт, – успокаивала её мать.

– Нет, Нюра, – сокрушалась моя бабушка, – беду скоро наживёшь, да нескоро выживешь. Хотя бы уже всё обошлось, мы бы потом с ним съездили в Харьков к профессору. Что доктор скажет по поводу этой травмы? У него же, Нюра, – и она рукой показывала на моего брата, – вся жизнь впереди. А если что? Скажут, не углядела.

Надо сказать, что у бабушки в городе один из сыновей работал на крупном заводе и был там большим человеком. Одно время сын просил знакомого профессора посмотреть его приболевшую мать. Бабушка ездила тогда к нему и хорошо запомнила этого умного человека. Теперь она повезла и внука в Харьков, в институт, показать профессору. Осмотрев лоботрясничавшего в коридоре мальчишку, профессор сказал ей:

– Обычно, бабушка, даже слабой силы удар, который поражает область паха, очень опасен. А здесь произошёл удар такой силы, что внука выбило из седла. Жёсткая посадка на раму могла вызвать болевой шок и смерть мальчишки. Но вот что меня удивляет: он в настоящий момент полностью здоров. Я ничего опасного не нахожу. Но как же можно было лечить такую травму на вашем хуторе? Что же у вас там за фельдшерское светило, бабушка? У нас в институте не все доктора с такой травмой могут справиться, а у вас без всякого оборудования и хороших лекарств справились. Просто чудо!

Профессор на какое-то время замолчал, а затем, уже наверное больше для самого себя, сказал:

– Иногда я в своей профессии ничего не понимаю – как всё происходит? Хотя… чему удивляться? Чем лучше врач, тем больше он знает бесполезных лекарств.

Бабушка от слов профессора была на седьмом небе. По пути домой заехала она тогда в Благовещенский собор и там за всё благодарила Бога. Но вот когда мы дома невзначай встречались с Марией Ивановной, нашим фельдшером, бабушка перед ней опускала глаза, а хождение в соседнее село переводила в шутку:

– Вы, Мария Ивановна, на перебежчиков зла не держите. Нам сюда, – и она показывала рукой в сторону Трефиловки, – ближе.

А Мария Ивановна без всякой обиды добродушно откликалась:

– Да что Вы, бабушка! Бог с Вами! Человек живёт там, где живёт его сердце. Все мы должны помогать друг другу и жить для людей.

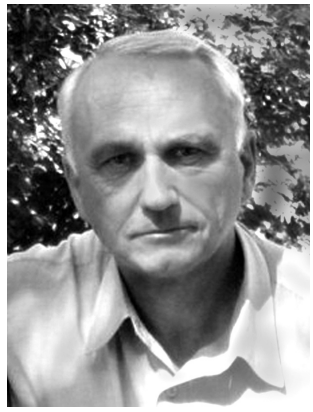
Слова эти я запомнил на всю жизнь.

***

С огромным уважением и благодарностью вспоминаю я и Анну Ивановну, и Марию Ивановну. Их судьбы схожи в том, что были они доб-

рыми и понимающими; исцеляя людей, с любовью и радостью исполняли своё предназначение, вселяя надежду и веру в души болящих. Работая сельским фельдшером в отдалённых сёлах, отыскали они неиссякаемый источник счастья в своём сердце и за всё благодарили судьбу.

Согласно библейским сказаниям, счастье – это восход Солнца. Счастливый преображает многих. Они, посвятив жизнь любимой профессии, сумели постичь и тайну счастья.



ЮРИЙ ХАБИБУЛИН

Член Союза писателей России. Публиковался в литературных журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» и других. Дипломант многих литературных премий. Автор девяти книг прозы.

Живёт в Белгороде.

ТИПИЧНО МУЖСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В свободное время я любил отвлечься. Полазить по Интернету, почитать новости, пообщаться на форумах. Иногда мне везло, собеседники попадались очень любопытные. Вот и сейчас, блуждая по Сети, забрёл случайно на какой-то литературный форум и наткнулся на такое объявление: «Срочно нужны настоящие мужчины! Лена».

Интересно! Каких это мужчин сейчас женщины считают настоящими? И для чего они ей нужны, да ещё во множественном числе? Кто она сама такая, и настоящий ли я мужчина с её точки зрения? Надо бы эти вопросы прояснить...

Застучал по клавиатуре, зарегистрировался на форуме под именем «Архангел» и отшлёпал текст:

– Лен, а как ты на расстоянии отличишь настоящих мужчин от ненастоящих? (смайлик) Если я тебе подойду, готов помочь.

Вскоре получил от неё сообщение.

«Спасибо за ответ. Мне нужны мужские точки зрения на некоторые сцены из моего первого романа. Если согласны помочь, то я сначала задам Вам несколько вопросов, а потом пришлю отрывки. Лена».

Делать мне было решительно нечего, почему бы и не развлечься, а заодно и помочь человеку. Что ж, пообщаемся... Набрал текст:

– Если перейдем на «ты», я согласен!

Дальше всё полетело как при случайном знакомстве на дискотеке.

– Хорошо, договорились. Но ответы мне нужны не в духе поручика Ржевского! Надеюсь на серьёзное отношение.

Продолжаю в её стиле

– Я тоже надеюсь на серьёзные отношения (смайлик).

– Ладно, Архангел, наверное, действительно, все вы такие, типичные... Немножко глухари на току, сразу начинаете петь про любовь с первого взгляда, про стрелы амура, да про что угодно, лишь бы нравиться себе, какой-нибудь новой женщине и самоутверждаться этим. Не обращая внимания на то, куда попали и чего от вас ждут. Ты, наверное, как и все остальные «настоящие» мужики, любишь пиво, футбол, лежать на диване и смотреть дурацкие боевики по телевизору? Не любишь мыть посуду, стирать бельё, помогать жене по дому и мечтаешь, ничего не делая, спасти мир? Как мне это всё знакомо! Ну хорошо. Я уже и так знаю все твои ответы. Никто больше не отозвался на мою просьбу (видно, других претендентов на настоящих мужчин нет), потому высылаю тебе отрывок с первой сценой из моего романа. Если не трудно, напиши, какие эмоции она у тебя вызывает, что ты чувствуешь как мужчина. Лена.

К сообщению был присоединён кусочек текста из романа с названием больше похожим на диагноз – «Типично мужская психология».

Так! Это уже становится вызовом, тренировкой для ума и развлечением одновременно. Что касается того, чего я люблю и чего не люблю, – тут всё похоже, так честно и пишу в ответе. Вот разве что помогать некому, жены у меня нет. А про себя думаю, а кто ж любит-то стирать бельё, мыть посуду? Вряд ли она сама это любит...

Прочитал её отрывок – заскучал... Ну прям как в многочисленных феминистских лав стори... Всё предсказуемо. Буря в стакане воды. Типично дамский роман. Она его полюбила (она, безусловно, хорошая), а он оказался сволочь распоследняя. Обманул надежды уютно устроить его у себя под каблуком и смылся. Конечно, мужики частенько бывают сволочами, не спорю, и не рвутся под каблуки, хоть ты тресни!

При этом по тексту фразы «как все мужчины!», «...все мужики такие!», «кобели вонючие...» и тому подобные разбросаны, как однообразные штампованные украшения на лотке с китайской бижутерией. Интересно, что она ещё знает о мужчинах? Чем они все её так разозлили? Может, прикинуться валенком и поиграть в доктора? Вдруг удастся помочь человеку, помятому жизнью, обманутому в лучших чувствах и заплутавшему в трёх соснах собственных заблуждений? Вернуть ему потерянные надежды на то, что наш мир и большинство мужиков, в нём обитающих, не так уж и плохи? А «Типично мужская психология», о которой она пишет, – это всего лишь частный клинический случай, точно такой же, как и «Типично женская», списанный с какого-нибудь одного, скажем, не самого лучшего персонажа... За примерами далеко ходить не надо!

Так что же по её отрывку писать? Чтоб поделикатнее и чтоб задумалась. Главное, не оттолкнуть сейчас человека необдуманным словом!

Выбрал самый романтичный вариант. Написал, что очень интересно, но отрывок мал. Не позволяет до конца понять внутренний мир и мотивы всех действующих героев. Хотя, конечно, сразу видно, кто тут подлец и злодей, и я лично испытал непреодолимое желание немедленно найти подонка и надавать ему по морде. Просто не знаю пока, где искать. Пусть пришлёт роман полностью и заодно адрес того гада, про которого она написала в книге.

В конце сообщения добавил:

– Вот сижу, смотрю сейчас в окно, на мрачное чёрное небо с тусклыми звёздочками и понимаю, что ты чувствовала, когда писала. Тебе было одиноко, грустно и тошно на душе, прямо как и мне здесь частенько. Представляю сейчас себя настоящим Архангелом, живущим на небе и смотрящим вниз, на Землю. Хотелось бы всех хороших людей защитить, а плохих стукнуть слегка сверху по черепушкам молнией так, чтоб превратились в хороших...

Пиши.

Личное время заканчивалось, пора приступать к своим обязанностям. Нажал клавишу, и письмо улетело адресату. На самом деле, я смотрел, конечно же, не в окно. Окон тут, на новейшем боевом шаттле «Архангел», не было вообще. Я смотрел на панорамный монитор наружного обзора, представляющий собой всю поверхность внутренней полусферы отсека управления, сидя в кресле за главным пультом в центре помещения.

Правая рука лежала на рукоятке джойстика управления двигателями и системы вооружений, левая, на чуть наклонённой ко мне поверхности столика-пульта, вращающегося синхронно вместе с креслом. Верхняя панель пульта мягко светила разноцветьем виртуальных кнопок, схем управления, переключателей, клавиатур и дисплеев на общем сенсорном экране. Лёгкий курок под указательным пальцем на джойстике управлял огнём лазерных пушек, кнопка сверху, под большим пальцем – пуском ракет с ядерными и обычными боеголовками. Захват целей, выбор ракет, управление мощностью лазеров – на виртуальной клавиатуре панели. За время боевого дежурства на орбите Земли я научился работать с пультом, как Ван Клиберн играть на фортепиано. Жаль, никто не оценит!

Скучно сидеть одному в тесной кабине шаттла долгое двухмесячное дежурство, но что поделаешь, это первый пробный полёт и потому, для избежания ненужного риска при полномасштабных испытаниях лазерного и ядерного оружия, сверхмощных суперсовременных двигателей, надёжности всего корабля, было принято решение ограничиться одним пилотом-универсалом. То есть мной. Скоро будет окончено строительство второго боевого челнока «Зевс», и он сменит меня на орбите. После нескольких аварий и внештатных ситуаций, связанных с военно-космической техникой, было принято решение не сообщать о работах над новыми проектами прессе до того момента, когда можно будет рапортовать об их победном завершении, умолчав о временных неудачах. Кроме того, требовалось подготовить безукоризненно убедительные объяснения для широкой общественности, зачем Земле вдруг понадобились сверхмощные военные корабли на орбите. Причины для этого были, но не о всех можно было говорить открытым текстом... Незачем будоражить народ...

Шаттлы, сменяясь, в дальнейшем будут нести на орбите постоянное боевое дежурство с командой из 2-3 человек. На время же испытаний мне разрешено общаться с друзьями и родственниками по спутниковой телефонной связи или по интернету, но при этом не раскрывать своего местонахождения и не давать никакой информации о существовании и задачах «Архангела». Для всех я нахожусь в служебной командировке где-то в Белгородской области. А вот шутить, развлекаться и переписываться по интернету, чтоб было нескучно, – пожалуйста, не возбраняется!

Я сцепил руки на затылке, потянулся всеми мышцами тела и вспомнил о недавних событиях.

В начале пятой недели моего пребывания на шаттле что-то вырвало меня из беспокойного сна. Яркими вспышками в дремлющем сознании засверкал сигнал опасности. Вынырнув из забытья, услышал пронзительный вой сирены и кинулся в отсек управления.

Вовремя!

Тогда «чёрные пузыри» появились в первый раз. Они выскакивали из какого-то иного измерения неожиданно, по одному и быстро собирались в группу. Пространство становилось непрозрачным, потом вдруг как бы вздувалось, лопалось, и на этом месте оказывался матовый чёрный пузырь диметром от пятидесяти до ста метров. В первый раз их было пять. Непонятно было до сих пор, живые это объекты или искусственные. Действия «пузырей» выглядели осмысленными. Они явно обследовали околоземное пространство, проводили разведку. Очень странно, но с Земли их увидеть или засечь не удавалось. Это было возможно только с близкого расстояния, до нескольких десятков километров – чужаки не отражали свет, радиосигналы, а сами не излучали практически ничего, только слабый фон недавно открытых омега-частиц, которые на близком расстоянии удавалось принять и после компьютерной обработки построить модель объекта – увидеть его. На расстоянии большем 30–40 километров фон ослабевал и смешивался с общим фоном «космического шума».

Пока пришельцы не проявляли враждебных намерений, я передавал картинку на Землю и просто наблюдал за гостями, готовился к вступлению в контакт.

Затем, внезапно, обстановка резко изменилась. «Чёрные пузыри» будто сошли с ума! Они подплывали к искусственным сооружениям – военным и разведывательным спутникам, ретрансляторам связи и телевидения, чашам плавающих радиотелескопов, отработанным ступеням ракетных носителей, контейнерам с мусором и во вспышках фиолетовых разрядов казалось, поедали их. В течение нескольких минут исчезло два военных спутника, полчаши радиотелескопа вместе с несколькими ретрансляторами, мусорными контейнерами и ещё какими-то объектами.

Раньше такое случалось, внезапно пропадали спутники, погибали люди на шаттлах и на космических станциях, но это всегда списывали на метеориты или технические неисправности оборудования. Доказательств нападения никогда не было. Вот и сейчас, если бы я своими глазами не видел происходящее, на Земле опять бы никто ничего не узнал.

Из Центра управления получил команду приблизиться и начать действия по подготовке к контакту. При «отсутствии реакции со стороны визитёров» сделать несколько предупредительных выстрелов малой мощности из лазеров и выпустить подальше от скопления «пузырей» одну сигнальную ракету. Если и это не привлечёт их внимания и не отгонит от спутников, открывать огонь на поражение, пока не уничтожены все космические системы, находящиеся на орбите Земли, да и мой корабль.

Между тем чужаки «доели» всё, что оказалось поблизости: оставшуюся часть радиотелескопа, какой-то болтающийся недалеко космический хлам, – и завертелись в поисках новой «пищи». Я чуть не пропустил момент, когда «пузыри» вдруг всем скопом, одновременно кинулись на меня со всех сторон и стали пожирать раскрытые крылья солнечных батарей, выступающие конструкции корабля. С характерным треском сверкали фиолетовые всполохи, чудился запах озона, и материя исчезала не-

известно куда, превращаясь, скорее всего, в нужную «пузырям» энергию, напитывая их силой.

Строить гипотезы было некогда. Включил маршевые двигатели – шаттл отскочил в сторону, пузыри потянулись за ним.

Я закрутился в кресле, как на турели старинной зенитной установки «Шилка», наблюдая на панорамном мониторе за врагом, и сделал несколько предупредительных холостых выстрелов из лазерных пушек. Потом выпустил красную ракету, осветившую кучку «пузырей». Они замерли на мгновение, затем, выстроившись в линию, полоснули по шаттлу ослепительными фиолетовыми молниями. Зашипело термопокрытие обшивки корабля, включились защитные компенсирующие системы, по корпусу забарабанили обломки наружных конструкций. Ещё секунда, и меня бы поджарили...

Спасла реакция! Лёгкое движение ручки джойстика, и «Архангел» отпрыгнул от «пузырей» на пару километров. Фиолетовые щупальца противника здесь уже не доставали, видимо его оружие опасно только на близком расстоянии.

Гости явно не собирались вступать в переговоры!

Всё, дипломатия кончилась, теперь будут говорить пушки!

Подчиняясь движениям джойстика, грозный «Архангел», ставший чем-то похожим в моём воображении на фигуру мифического крылатого воителя в день Страшного суда, будто слился со мной в одно целое. Боевой шаттл, творение человеческих рук, вобравшее в себя всю мощь военной техники земной цивилизации, развернулся к атакующим «чёрным пузырям»...

Каноны военной науки я усвоил хорошо – отвлекай противника, используя все возможные средства, и бей его всей имеющейся боевой мощью. Рассчитывай на один шанс! Второго может не быть!

Увлечение компьютерными играми, боевыми искусствами и занятия на спецтренажёрах дали мне устойчивые рефлексы и хорошую реакцию. В доли секунды в упор по пяти целям одновременно ударили пять лазерных пушек и понеслись, сверкая бешеным пламенем двигателей, пять ракет СС-56компакт, класса «Пьяный Сатана», с разделяющимися боеголовками, настроенными в случайной последовательности на все те же пять целей.

Время рассыпалось на микросекунды...

Теперь скорее уйти как можно дальше!

Ослепительная вспышка Сверхновой!

Стон компенсаторов! Холодящий спину вой систем контроля целостности корпуса! Есть повреждения! Земное оружие выполнило свою задачу. Лазерные пушки ошеломили и ослепили врага, а боеголовки ударили прямым попаданием по всем целям.

Сильно тряхнуло.

На предельном форсаже двигателей, шаттл успел отлететь от места ядерных взрывов на несколько десятков километров. Защита корабля, несмотря на повреждения, выдержала.

Случайные наблюдатели на Земле объяснить вспышки в околоземном пространстве не смогут и свалят всё на столкновения метеоритов или аварию на военном спутнике. Правду будут знать пока только люди, посвящённые в проект по созданию боевых шаттлов...

Следующие две недели я выходил в скафандре в открытый космос, чинил антенны, солнечные батареи, менял повреждённые кабели и защитные пластины корпуса.

После того случая «чёрные пузыри» появлялись ещё дважды. Больше я с ними не церемонился. После короткой обязательной попытки вступить в контакт (ничего не поделаешь, приходилось выполнять положение Устава о контактах с внеземными цивилизациями) незваных гостей расстреливал немедленно. С пятью-шестью объектами я уже наловчился справляться быстро, но вот что будет, если их появится сразу много? У меня не хватит лазерных пушек и ракет для одновременного удара по всем объектам. Или вдруг «пузыри» поумнеют? Что тогда?

На Земле в авральном порядке заканчивалась подготовка к вылету второго шаттла «Зевс», но полностью он будет готов к бою и присоединится ко мне только через неделю. А пока я один...

В небольших паузах между дежурствами и сном, во время недолгого отдыха я продолжал общаться по интернету с Леной, читал её роман, подбадривал, давал советы, помогал посмотреть на мир другими глазами. И, мне кажется, что-то стало получаться, она немного оттаяла...

Письма её стали теплее, постепенно исчезли нотки неприязни, раздражения и назидательности. А когда она прислала свою фотографию, я почувствовал себя почти счастливым. Симпатичная женщина средних лет, с чуть вздёрнутым носиком, каштановыми волосами короткой стрижки и смеющимися глазами. Она мне очень понравилась, и я мечтал когда-нибудь её увидеть.

В письмах она не раз просила меня рассказать о себе, прислать своё фото, написать в каком городе живу. Но пока я не могу этого сделать! Может, позже, когда война с чужаками закончится, а сейчас у меня приказ – никто не должен знать об уровне опасности из космоса, угрожающей Земле. Поэтому я мог только отшучиваться.

Писал Лене, что временно работаю на небе кем-то вроде архангела у Господа Бога, отбиваюсь от тёмных сил, защищаю человечество. Смайликов не жалел. Оформлял всё так, чтобы выглядело как шутка, обычная хвастливая трепотня типичного средненького мужика, который хочет повыпендриваться. Ну а что мне было ещё делать?

Она-то, конечно, трепотне не поверила, но, думаю, что-то заподозрила. Что со мной не так всё просто. Может, решила, что я в тюрьме сижу, боец невидимого фронта или ещё чего... Во всяком случае, проявила деликатность и терпение. Наверное, ей всё-таки было интересно со мной общаться, и она прощала мне моё маленькое вынужденное враньё.

Боевые шаттлы создавались с целью защиты Земли от разных внештатных ситуаций. К таковым относили маловероятное, но возможное нападение из космоса, непредвиденные или опасные события на самой Земле, предотвращение столкновений действующих спутников и уничтожение старых, отработавших ресурсы, испарение крупных метеоритов и небольших астероидов, падение которых на Землю могло привести к серьёзным разрушениям на планете. Никто не предполагал появления агрессивных пришельцев так быстро. Без них мне жилось на борту «Архангела» совсем неплохо, спокойно, даже комфортно...

Хотя иногда, конечно, и очень хотелось полежать на пляже, где-нибудь в Сочи или Ялте, нырнуть в прозрачную морскую воду с маской для

подводного плавания, пообщаться с обыкновенными живыми людьми, попить пивка с сосисками в самой обычной забегаловке... Приходилось отгонять от себя щемящие мысли и жить в реальности. С Земли мне пока ничем не могли помочь, не видя противника. Там скрупулёзно анализировали переданные мною видеозаписи «чёрных пузырей» и скоротечных боёв с ними. Рассчитывать приходилось только на себя.

Не теряя времени, я продумывал и расписывал разные сценарии действий, на тот случай, если со стороны противника появятся сюрпри

Она писала:

– У меня неожиданно расцвёл кактус! Ты представляешь? Сколько времени стоял в горшке круглый колючий ёжик, и вдруг – сегодня поливаю и вижу распустившийся чудный цветок красновато-жёлто-фиолетового цвета! Красотища! Интересно, к чему бы это? И ещё, после твоих писем мне стало казаться, что некоторые части романа я писала слишком быстро и эмоционально. Надо будет кое-что переделать ...

Отвечаю:

– Привет! Кактус расцвёл, наверное, потому, что почувствовал рядом источник положительной энергии. Когда человек в хорошем расположении духа, он излучает тепло и доброту – даже кактусы рядом начинают цвести!

Поэтому – улыбайся чаще! И будешь становиться всё красивее и положительней!

Лена:

– Знаешь, после того, как я стала с тобой общаться, у меня и вправду почему-то настроение улучшилось. Спасибо тебе за помощь с романом и поддержку! Кстати, на днях видела в небе какие-то жуткие вспышки. Говорят, что это, наверное, столкнулись метеориты, но я не верю. Я почему-то подумала о тебе, о сражении на небе... Глупо, да? Архангелов ведь не бывает?

Я встал, прошёлся вокруг пульта и задумался:

– Что это я делаю? А? Натурально флиртую на дежурстве, во время выполнения боевого задания? И почему меня не одёргивают с Земли?.. Наверное, понимают, какая это сейчас для меня сильная психологическая поддержка...

Для того, чтобы вовремя засечь следующую группу «чёрных пузырей», мне пришлось прекратить висеть на геостационарной орбите, в одной точке над Землёй, и совершать непрерывное барражирование между особо важными космическими объектами.

На военных спутниках Земли были включены все датчики контроля над окружающим пространством с немедленной передачей мне телеметрической информации. И поэтому, когда вакуум вскипел и начал выбрасывать из ниоткуда гигантские матовые сферы, я был к этому готов.

На дисплее были видны неторопливо вываливающиеся из пустоты чужаки, которые на этот раз немедленно выстраивались в боевой порядок. Ровную линию. Довольно близко друг к другу. Интересно, почему в линию, а не в какую-нибудь иную пространственную форму? Может быть, их оружие в таком порядке эффективнее? Или эти пузыри просто тупые? Что-то вроде свихнувшихся роботов или примитивных существ, наподобие наших электрических скатов, что водятся в тёплых морях? Как говорится, для идентификации пока нет данных.

У меня ясная задача. Опять короткая попытка вступить в контакт (чёртов либеральный Устав, утверждённый гражданскими «демократами»!). Если реакции не последует – уничтожить цели!

«Пузыри» на этот раз здоровенные! Диаметр самого большого – около полукилометра. Махина! Остальные поменьше, но тоже намного поболе «Архангела» будут! Наверное, и мощнее соответственно.

Начинаю процедуру вступления в контакт. Подлетаю к шеренге «пузырей», останавливаюсь перед их строем на расстоянии трёх километров (а ну как вмажут!) и начинаю семафорить огнями и крутить кино перед ними на спроецированном экране. Всё, что придумали специалисты по контактам с внеземными цивилизациями. Арифметика, формулы всякие, карты звёздного неба, фотографии людей, животных, Земли.

Ноль эмоций! «Пузыри», приняв идеальную шарообразную форму, невозмутимо висели на прежних координатах. Интересно, да есть ли у них вообще глаза или какие иные органы чувств? Что, они прилетают сюда только жрать спутники, питаться, или это подготовка к вторжению?

Кино закончилось. Ничего не происходило.

С Земли, с командного пункта, следили за происходящим по моей видеоинформации, но оригинальных мыслей никто не высказывал. Несмотря на прошлый опыт общения с противником и биокостюм, регулирующий автономный микроклимат для тела, спина у меня почему-то похолодела, а руки вспотели. В этот раз шаров было двадцать восемь, и они были гораздо крупнее предыдущих. Для одновременного удара у меня было семь лазерных пушек и оставалось только 15 ракет. Из них 4 с обычными боеголовками, без ядерных зарядов. Неизвестно, смогут ли они поразить шар?

На всякий случай, я подготовил систему выстреливания сигнальных ракет, а попросту, обычную ракетницу. В принципе, световые фейерверки можно было попробовать использовать и как ложные тепловые цели. Когда-то такие приёмы применялись для того, чтобы сбить с прицела тепловые датчики самонаводящихся ракет противника. Авось и сейчас сработает!

Крайний в шеренге шар медленно двинулся ко мне. Ладонь непроизвольно стиснула джойстик, указательный палец лёг на спусковой крючок, глаза напряглись.

Дистанция сокращалась. Чёрный колосс, похожий на небольшую мрачную планету, медленно подлетал. Насколько можно его подпускать? Чем ближе, тем неожиданнее и опаснее будет его удар разрядом. На панорамном мониторе высвечивалась дистанция – три километра, два с половиной, два...

Подчиняясь какому-то наитию, я резко дёрнул ручку управления влево. В тот же самый миг мощный фиолетовый разряд с оглушительным треском разрывающегося исполинского полотна ударил в то место, где долю секунды назад находился «Архангел». Вибрация потрясла корпус. На сенсорном экране пульта появилась схема шаттла с крестиками повреждений. Исчезли часть защитных покрытий правого крыла и несколько секций солнечных батарей. Разбито две лазерных пушки. Ч-чёрт!

В радиодиапазоне что-то выло и визжало. Видеосвязи с Землёй не было, видимо срезана одна из антенн.

Рваными рывками я заставил «Архангела» на максимальном уско-

рении отпрыгнуть в сторону. Следующие молнии полоснули мимо.

Атакующий чёрный шар окутался мощным фиолетовым сиянием, из которого непрерывно вылетали змеящиеся жгуты протуберанцев и пытались найти тело шаттла. Этот противник был неизмеримо мощнее предыдущих. Постоянно маневрируя, мне не удавалось выскочить из-под ударов, не разрывая дистанцию, чтобы не выйти за пределы дальности своего оружия. Иначе уже мои пушки и ракеты будут бессильны, и мы поменяемся местами с этими новыми пузырями, которые начнут мочить меня так же, как я мочил их передовые отряды.

Что же придумать? А! Так у меня же готова штатная «ракетница»! Попробуем сбить противника с толку!

Пуск! Уносящаяся от борта в сторону ослепительная зелёная звезда и удаляющаяся вслед за ней молотьба фиолетовых молний. Секунда передышки. Больше мне и не надо. Поймать шар в перекрестье прицела. Раскалённые нити лазеров упёрлись в тело врага, и по его поверхности побежали разноцветные волны. Что, не нравится? Теперь пустим вперёд нашего сатанёнка! Для начала с обычной боеголовкой. Р-раз! Пошёл... Пауза, вспышка! Фильтры смягчили световой выплеск взрыва. Шар чуть сдулся, но не исчез! Тебе, значит, мало? Ладно, получай ещё!

Одна за другой к цели унеслись ещё три быстрых сигары с дьявольской начинкой. Шар попытался отскочить в сторону, но огонь лазерных пушек, видимо, сковывал и слепил его. Манёвр не удался. После попадания последней ракеты дёргающийся пузырь взорвался с вселенским грохотом, смоделированным звуковым DSP-процессором бортового компьютера. Во все стороны разлетелись чёрно-фиолетовые ошмётки. Я перевёл дух.

Ненадолго. Из замершей шеренги выдвинулся следующий пузырь и двинулся к шаттлу. Внутри меня похолодело, сколько их там? Ещё двадцать семь? Чёрт! У меня осталось всего одиннадцать ракет с ядерными боеголовками. Лазерными пушками таких колоссов не сбить, да, пожалуй, уже и энергии не хватит. Солнечная батарея повреждена, подзаряжать аккумуляторы тяжело... Дело дрянь...

Надо что-то срочно придумывать...

Опять завертелась карусель фиолетовых молний. Пузырь не отличался ни оригинальностью, ни обучаемостью. Он действовал монотонно и тупо, пытаясь накрыть меня разрядами, как петляющего зайца выстрелами из дробовика. Я выбрал момент – старый тактический приём сработал безукоризненно и с этим противником, разве что шаттл получил ещё несколько ударов по корпусу, смягчённых защитной бронёй, и замолчала ещё одна пушка.

«Думай, думай», – билась в голове мысль. Безжалостная арифметика цифр потерь и повреждений высвечивалась на сенсорном экране пульта и леденила страшным смыслом кровь.

Попытка нацелить разделяющиеся боеголовки СС-56 сразу на все цели, как на атакующий шар, так и на замершие в линии, успеха не принесли. Атакующий шар был взорван, а остальные оказались слишком далеко и в силу очень плохой видимости по слабому излучению на дальней дистанции как цели не захватывались. Все боеголовки потеряли объекты и пошли в глубокий космос. Пришлось дать команду самоликвидации. «Чёрные шары» на дальние разрывы не обратили никакого внимания. Из строя выдвинулся следующий пузырь и неторопливо поплыл ко мне...

Два раза я промазал, шары успели увернуться.

У меня оставались две последние ракеты, и я измотался окончательно. Форсировав двигатели, заставил «Архангела» мгновенно отпрыгнуть на десяток километров в сторону от шаров, не теряя их из виду, перевести дух и заодно понаблюдать, что они станут делать. Автоматика вела непрерывную съёмку всего происходящего, отстреливая запечатанные контейнеры с копиями записей в пространство. Даже если шаттл испарится, записи найдут. Это бесценная информация о противнике!

Шары, немного повисев в пустоте и не «увидев» поблизости меня, неожиданно, набирая скорость, двинулись к Земле. По пути они, сохраняя боевой порядок, начали окутываться фиолетовым сиянием, явно готовясь к удару. Их оставалось восемнадцать.

Они собираются напасть на Землю? К чему это приведёт? Я не могу такого допустить! Устав, кстати, несмотря на его долбаную «демократичность», тоже.

Думай, думай, думай... Ты просто обязан что-то сделать, иначе может случиться что-нибудь очень плохое...

Как двумя ракетами уничтожить восемнадцать чёрных демонов, несущих возможную смерть Земле?

Есть только один вариант!

Воспользоваться их дурацким построением и ударить сбоку во фланг! Настроить разделяющиеся боеголовки цепочкой, и они пронзят всю линию пузырей, уничтожая их одного за другим. Подобраться сбоку. Заметит нападение только крайний шар. Надо ослепить его ударом лазерных пушек и немедленно, пока он не ушёл с линии строя противника, выпускать «Сатану».

Маленькая передышка, надо подзарядить аккумуляторы лазеров и полностью собраться, ошибаться сейчас нельзя!

Ввод данных, настройка боеголовок. И вдруг в тишине музыкальный колокольчик интернет-сообщения. Лена?

Мечась глазами между ползущим столбиком подзарядки лазеров, сверкающим фиолетовыми всплесками строем космической нечисти, и всплывшим письмом Лены на мониторе панорамного обзора, читаю несколько строк:

– Архангел, у нас на небе опять вспышки. Мне страшно. На улицах уже паника. А всё-таки как тебя зовут на самом деле? Я почему-то стала бояться, что ты исчезнешь, оставишь меня... Наверное, женщина не должна первой это говорить, да и тебя я даже никогда не видела. Но мне почему-то кажется, что знаю тебя уже очень давно. И ещё мне кажется, что без тебя я уже не смогу жить, как раньше. Можно ли полюбить человека, которого никогда не видела? Неужели это правда, что женщина любит ушами?

У меня в глазах что-то защипало. Чёрт! Раскисать нельзя! До конца подзарядки пушек есть только несколько секунд. Быстро набиваю ответ.

– Лен, меня зовут Димкой! Если так случится, что не смогу тебе ответить, знай – ты мне очень дорога! Сейчас не могу отвлечься, тут небольшие местные разборки с «тёмными силами» (смайлик). Может сгореть кое-какое оборудование. Твоё фото передо мной, на экране. У меня преимущество – могу тебя любить и глазами, и ушами (смайлик). И помни, что я смотрю на тебя сверху и всё вижу! Обязательно закончи свой роман! Всё получится!

Жму клавишу Enter и отправляю сообщение на Землю.

Зарядка завершена! Выбор схемы удара разделяющимися боеголов-

ками обеих ракет. Полный форсаж двигателей. Выскакиваю в позицию для флангового выстрела по оси строя, сквозь пузыри. Крайний шар обратил на меня внимание и успел разрядом снести ещё одну пушку, повредить сканеры правого борта. Правая часть панорамного монитора погасла. Теперь манёвры затруднены, иду в лобовую. Удар из всех оставшихся пушек. Шар забился на кончиках раскалённых игл лазерных шнуров, потерял на мгновение координацию. Захват в прицел, пуск.

Дикий рёв-хохот двигателей вылетающих ракет. Встречайте «Пьяного сатану»! Сладкую парочку!

Рывок рукоятки джойстика, свинцовая тяжесть перегрузки. «Архангел» пронзает пространство на максимальном ускорении, как артиллерийский снаряд, вылетающий из дула гаубицы.

Уже привычные гравитационный удар, вспышка, вибрация корпуса.

Тишина.

Медленно прихожу в себя.

Прямо передо мной, на расстоянии тридцать три тысячи двести метров завис единственный оставшийся чёрный шар, еле-еле видный на таком расстоянии.

Всё-таки успел уйти с линии выстрела... Самый умный? Или это случайность?

Что мне остаётся? Как там фамилия того лётчика, свалившего над Москвой «мессер», когда патроны кончились? Талалихин, кажется...

Не расслабляться! Ручку джойстика на себя! Бросок к цели по широкой спирали, «винтом», на дистанцию удара. Пять километров, четыре, три, два, один – огонь из всех лазерных пушек по чёрному силуэту, скорость до предела! Мать вашу, мразь инопланетная! Землю сожрать захотел?

Накось выкуси!

Последнее, что я увидел на мониторе сквозь секущие щупальца энергетических разрядов, это прожжённый лазерами огромный матовый бок чёрного чудовища, окутанного дьявольским фиолетовым огнём. Архангел, опираясь на столб пламени ревущих двигателей, как наконечник гигантского копья, ударил точно в цель...

Где-то, на грани восприятия, послышался нестройный перестук далёких войлочных молоточков. Постепенно молоточки начали синхронизироваться и всё больше попадать в общий такт. Чернильный мрак стал бледнеть, а мёртвая тишина пропускать какие-то случайные звуки.

Я открыл один глаз.

Вокруг яркий белый цвет. Острые углы, ровные линии, белая поверхность. Потолок, стена, простыня и какой-то удивительный, божественный аромат свежести, жизни...

Где я? Это рай? Уж точно не ад! Осмелев, двигаю головой. Пошевелил руками, ногой, языком. Все на месте, но тело будто собрали заново. По кусочкам. Вроде лежу на кровати.

Какой-то странный рай. И где тут ангелы? Чуть поворачиваю голову и вдруг вижу одного. Весь белый, сидит сгорбившись у моих ног, крыльев не видно... Присматриваюсь повнимательнее – да это дремлет женщина в белом халате! Я пошевелился. Женщина вздрогнула и, подняв голову, посмотрела на меня. Какое знакомое лицо – симпатичное, средних лет, с чуть вздёрнутым носиком, каштановыми волосами короткой стрижки и смеющимися глазами. Откуда я его знаю?

В глазах женщины вспыхнуло солнце. Какого цвета у неё глаза? Не могу понять. Наверное, солнечного, раз там солнце. А такие бывают?

Глаза улыбнулись, и солнца стало больше.

– Очнулся... Ты меня узнал, Дима? – Как сладкую музыку, слышу живой человеческий голос. – Я Лена. Ты мне помогал с романом в интернете, помнишь? Ну... типично мужская психология...

Боже мой! Хватаю её за руку и шёпотом ору:

– Лена? Это Земля? Мы живые?

Задыхаюсь, отвык от чистого воздуха, насыщенного земными запахами: цветов, свежих простыней, духов Лены...

Оказывается, меня успела-таки вытащить из дохлого пузыря спасательная команда с Земли, прилетевшая на втором шаттле. После того, как вспышки боя прекратились и я исчез, Центр управления, из-за повреждения видеосвязи не имевший никакой информации о происходящем, вынужден был срочно отправить «Зевс» с наспех установленными ракетными установками к месту сражения. По сигналам радиомаяка израненный «Архангел» нашли внутри разорванного «пузыря».

Наверное, был один шанс из тысячи на то, чтобы остаться в живых, но мне повезло. Герметизация шаттла не была нарушена, и шлюзовая камера оказалась целой. На Землю, в спецконтейнерах, доставили также и остатки уничтоженного «чёрного шара», оказавшегося колонией текучих капелек сложной структуры с зачатками коллективного разума – неким космическим «муравейником», который мог определённым образом организовываться и питаться любой материей, преобразовывая её в неизвестный вид энергии. Если бы шар успел войти в атмосферу, то он распался бы на миллионы чёрных внеземных организмов, которые стали бы неуязвимыми и сожрали б материю на всей планете.

Удар «Архангела», видимо, пришёлся в управляющий центр «муравейника» и разрушил жизненно важные функции. С этим ещё долго будут разбираться...

В этот раз нападение удалось отбить. К следующему, изучив анатомию и организацию «пузыря», Земля сможет подготовиться лучше.

Мы с Леной смотрели друг на друга и не могли прийти в себя от шока встречи. Она покачала головой, улыбнулась и сказала:

– Знаешь, Дим, ведь я почему-то сразу поверила, что ты наверху. А когда увидела вспышки на небе, вдруг подумала, что это ты там воюешь, как Архангел. И ещё, – Лена придвинулась ко мне ближе, – я тебя таким себе и представляла! И я уже всё про тебя знаю! Мне рассказали! Я теперь знаю, что настоящие мужчины всё-таки есть, – она лукаво прищурилась, – и стала чуть-чуть разбираться в... мужской психологии. Роман мне придётся переписывать...

Страница творческих союзов

НИНА АРУШАНЬЯН

Музыковед, преподаватель в детской музыкально-хоровой школе. Автор статей о композиторах и музыкантах области.

Из сборника о композиторах
Белгородского края

Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех.
Б. Пастернак

ДЕГТЯРЁВ СТЕПАН АНИКЕЕВИЧ
(1766 – 1813 гг.)

Композитор, дирижёр, певчий, инструменталист, музыкальный руководитель театра Шереметевых, музыкальный редактор, переводчик.

С.А. Дегтярёв родился в слободе Борисовке теперь Белгородской области в семье крепостного крестьянина. Пению обучался в местной певческой школе и в хоре одной из борисовских церквей. В семилетнем возрасте вместе с сестрой и младшим братом был перевезён в подмосковное Кусково, в школу при крепостном шереметевском театре. Там и прошла основная часть недолгой жизни крепостного музыканта.

Как указывают некоторые биографы, примерно в 1780-е годы Н.П. Шереметев посылал С. Дегтярёва в Италию для совершенствования мастерства. Будучи зрелым мастером, Дегтярёв с лучшей частью капеллы был переведён в Петербург. После смерти Н.П. Шереметева в 1808 году С.А. Дегтярёв остался крепостным. Имея паспорт и мизерную пенсию, он с семьёй уезжает в Москву. Найти там работу ему не удаётся, так же как и в Борисовке, и в Харькове. Вынужденно по-

шёл учителем пения в семью по-мещика Кудинцова Льговского уезда Курской губернии. В 1813 году С.А. Дегтярёв состоял в должности певческого капельмейстера домовой церкви Шереметевых в Москве. Умер в нищете в 1813 году.

Шереметевы дали С.А. Дегтярёву отличное по тем временам образование. Он обучался сольному и хоровому пению, игре на скрипке, фортепиано, гуслях, прошёл курс теории музыки, позже гармонии, полифонии, композиции и т. д. Учителями Степана были лучшие музыканты столицы: педагог-вокалист и хормейстер итальянец Барбарини, композитор и дирижёр И. Фациус, семья которого находилась в близких отношениях с Л. Бетховеном, композитор Дж. Сарти, которого Дегтярёв превзошёл по мастерству. В конце 1790-х годов Степан Аникиевич получал консультации у крупнейшего в Европе теоретика, композитора В. Манфредини.

В Москве С.А. Дегтярёв получил возможность посещать лекции в университете по русской словесности и иностранным языкам, по окончании которых держал экзамены. Среди его университетских наставников был А.А. Барсов, энциклопедически образованный языковед, член Российской Академии наук. С.А. Дегтярёв стал едва ли не самым образованным музыкантом своего времени.

Далеко не все сведения о его жизни дошли до нас. В конце XIX века были уничтожены биографические материалы о Дегтярёве.

Прежде всего С.А. Дегтярёв был мастером хорового концерта. Именно с его именем (а также с Д.С. Бортнянским, М.С. Березовским) связывают «золотой век» русского хорового концерта в конце XVIII века. Он написал около 150 хоровых сочинений, прежде всего хоровых концертов. Считалось, что большинство произведений Дегтярёва утеряно. Сейчас есть основания полагать, что четверть всего написанного Дегтярёвым сохранилась. Существуют даже концерты-автографы, то есть написанные рукой автора.

Сочинял он быстро. Но хронология его произведений не установлена исследователями, поэтому трудно проследить становление композиторского мастерства.

Свои хоровые сочинения он писал для певческой капеллы графа Н.П. Шереметева, где сам начинал рядовым певчим, а затем стал капельмейстером и учителем пения. Обучение певчих строил на основе национальных традиций. Хористы обучались партесному пению. В репертуаре капеллы вначале преобладали сочинения итальянских, французских мастеров, венских классиков. Они сочетались с хоровыми концертами М.С. Березовского, Ф.М. Дубянского, Д.С. Бортнянского, С.А. Дегтярёва. Позже, к началу 1800-ых годов сочинения отечественных авторов преобладали над произведениями западных. В этом основная заслуга капельмейстера С.А. Дегтярёва.

Как пишет исследователь жизни и творчества С.А. Дегтярёва Ю.С. Горяйнов, под руководством Дегтярёва крепостная капелла Шереметева стала соперницей едва ли не лучшей в Европе Петербургской придворной певческой капеллы во главе с Д.С. Бортнянским. Капелла принимала участие в самых престижных концертах Москвы и Петербурга, была ангажирована немецким театром.

«Высочайшее профессиональное мастерство капеллы было достигнуто благодаря Дегтярёву – основателю новой школы пения. По его сочи-

нениям видно, что хор обладал отличной техникой, да и природные голоса певчих были настолько богатыми, что такие сейчас трудно найти», – писал С.В. Смоленский. Принципы работы Дегтярёва с хором сейчас утрачены. Его хоровые сочинения предназначались для концертного исполнения. Духовенство усматривало в них излишнюю эмоциональность, увлечение украшениями. В этом отношении их судьба сравнима с судьбой «Высокой мессы си минор» И.С. Баха.

Стиль хоровых концертов Дегтярёва сочетает особенности национальной музыки – партесного концерта, канта, крестьянской песни, фольклора, связанного с культом, с достижением венских и особенно итальянских композиторов: Перголезе, Спонтини, Керубини и других.

В 1811 году в Москве впервые прозвучала величественная оратория С.А. Дегтярёва «Освобождение Москвы» на стихи Н.Д. Горчакова. Другое её название «Минин и Пожарский». Героико-патриотическая оратория явилась предшественницей первой народно-героической русской оперы «Иван Сусанин» Глинки, раскрывающей тот же период в истории России. Неслучайно оратория Дегтярёва исполнялась в канун Отечественной войны 1812 года, по Всесоюзному радио – в канун Великой Отечественной войны. Исполнение оратории Дегтярёва «Минин и Пожарский» академической капеллой имени Глинки, хором студентов Ленинградской консерватор и оркестром старинной музыки под управлением Э. Серова стало важным событием фестиваля «Невские хоровые ассамблеи» в Ленинграде в 1986 году. В том же году большинство фрагментов из оратории прозвучали в дни памяти в Белгородской области в исполнении хора учителей г. Москвы под управлением А.Д. Кожевникова. Оратория «Минин и Пожарский» исполнялась в институте имени Гнесиных в Москве, вошла в репертуар республиканской академической капеллы имени Юрлова. Сделана запись оратории для всесоюзной фирмы «Мелодия». Сочинения Дегтярёва звучали в исполнении Губкинского камерного хора под управлением Т.А. Гузуевой.

В театре Н.П. Шереметева С. Дегтярёв начал выступать как солист оперы (главные роли в опере на музыку И. Карцелли «Садовник Кусковский», в комической опере В.А. Пашкевича на текст Я.Б. Княжнина «Несчастье от кареты» и др.) и актёр драмы. Позже, после завершения учебы, С.А. Дегтярёв выполнял обязанности капельмейстера, музыкального редактора, композитора и музыкального руководителя театра. За годы его службы в шереметевском театре было поставлено не менее 114 пьес, в том числе 75 опер. Как отмечает доктор искусствоведения О.Е. Левашова, основу репертуара составляли последние театральные «новинки». Уровень постановок был настолько высок, что ценители отдавали предпочтение не профессиональным театрам Москвы, а спектаклям в загородных Кусково или Останкино.

С.А. Дегтярёв руководил и писал музыку для рогового оркестра – уникального явления времени, блестяще использовал роговой оркестр в оратории «Минин и Пожарский».

Более интересной и глубокой была работа с симфоническим оркестром, где С. Дегтярёв был художественным руководителем и одним из дирижёров. Наряду с произведениями И. Гайдна, И. Плейеля, К. Стамицы и других в репертуар концертов симфонического оркестра входили и сочинения С.А. Дегтярёва. Немногое из инструментальной музыки С.А. Дегтярёва сохранилось.

На основе симфонического оркестра создавались духовой и камерный оркестры, различные ансамбли, в которых сам Дегтярёв играл на скрипке, а Н.П. Шереметев – на виолончели. Пора расцвета у оркестра наступила в 1800-е годы, но длилась недолго. Уже в 1807 году, видимо в связи с усилившейся болезнью графа Н.П. Шереметева, становившегося всё более религиозным и отходившим от светских развлечений, оркестр, оперная и балетная труппы были ликвидированы. Как писал Ю.С. Горяйнов, уходя из жизни, вельможа разрушил практически всё, что им же самим было создано для духовной жизни России. Дошедшие до нас сочинения С.А. Дегтярёва полны ошибок, сделанных переписчиками его партитур. Напечатана была лишь десятая часть его наследия с теми же ошибками. Переложения хоровых произведений С.А. Дегтярёва вошли в репертуар Белгородского камерного оркестра под руководством В.М. Дедова.

Владея итальянским языком, Дегтярёв перевёл трактат В. Манфредини «Правила гармонические и методические для обучения всей музыке». Этот первый в России серьёзный переводной трактат, где Дегтярёв выступил соавтором, явился настоящим научным трудом.

ЛАТЫШ-БИРЮКОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА

(Род. в 1964 г.)

Композитор, пианистка, член Союза композиторов России с 1994 г.

Родилась Елена Юрьевна в г. Луганске в семье рабочих. Отец был большим любителем музыки. Брат Елены – профессиональный музыкант, солист ансамбля «Лугари».

Луганскоемузыкальноеучилище(1980–1984гг.) окончила с отличием по классу фортепиано у Л.Г. Виногреевой. Занималась факультативно композицией у В.А. Гортикова. В училищные годы написала квинтет, произведения для двух фортепиано: Вариации на тему Гайдна, Романтическую балладу, Концертную фантазию для фортепиано на темы из балета С.С. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

Высшее музыкальное образование по классу композиции начала получать в Харьковском институте искусств у профессора В.Т. Борисова (1986 г.), а закончила в Российской академии музыки им. Гнесиных по классу композиции у профессора Н.И. Пейко (1992 г.). Вместе с мужем Н. Бирюковым была зачислена туда на IV курс. Два подготовительных курса в Харьковском институте искусств были необходимы для совершенствования в теоретических дисциплинах, но и они были полны творческих замыслов: был получен и выполнен заказ на музыкальную комедию «Дуэнья» Шеридана, написан фортепианный квинтет «Времена года», Вариации для фортепиано (первой исполнительницей явилась Лариса Ковалёва), Концертное рондо для скрипки и фортепиано.

Будучи студенткой, Елена вместе с мужем-сокурсником неоднократно направлялись на Все союзные студенческие конференции. Почувствовав необходимость, Елена и Николай попросились повторно на

IV курс Российской академии музыки им. Гнесиных. В годы студенчества Елена с Николаем выступали со своими произведениями во Всесоюзном Доме композиторов Москвы, в концертах кафедры композиции Российской академии музыки им. Гнесиных.

Знаменательным событием для студентки явилось участие в качестве концертмейстера в фондовой записи на Всероссийском радио в Москве вокального цикла Н.И. Пейко «Свет василькового венка» на стихи В. Набокова. Российскую Академию музыки им. Гнесиных Е. Латыш-Бирюкова окончила с отличием (1992г.). Дипломная работа симфоническая поэма «Доктор Фауст» по прочтению К. Марло была закуплена Министерством культуры России. Партитура этого произведения подарена австралийскому дирижёру, первому исполнителю Томасу Вудсу.

Дальнейшая творческая деятельность Елены связана с композиторством, фортепианным исполнительством, большой организационной работой, музыковедением.

С 1992 по 1999 годы она – музыковед Кемеровской госфилармонии. В композиторском наследии этого периода преобладают театральные произведения и вокальная музыка. На сцене Кемеровской госфилармонии Е. Латыш-Бирюкова поставила свои произведения: «Госпожа Роз» (либретто Е. Латыш-Бирюковой) – первую в России детскую рок-оперу-балет (репортаж о премьере транслировался в программе ОРТ «Утро»), мюзикл «Новые приключения Колобка» (либретто Е. Латыш-Бирюковой). По заказу Музыкального театра Кузбасса написана детская джаз-опера «Принцесса Терция» (либретто Е. Латыш-Бирюковой). Большая работа Елены была отмечена благодарственным письмом губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, Почётной грамотой Кемеровского отделения Всероссийского Фонда культуры. С Рождественской оперой «Госпожа Роз» Е. Латыш-Бирюкова и Н. Бирюков были приглашены мэрией Москвы выступить в праздничной программе к 850-летию столицы. С мюзиклом «Новые приключения Колобка» приняли участие и получили признание на Международном фестивале к 400-летию оперы в Новосибирске. Песня «С Новым годом!», написанная в соавторстве с Николаем, исполнена в Москве на передаче «Голубой огонёк» в Останкино в 1994 г. в исполнении группы «Непоседы».

За активную творческую и музыкально-просветительскую работу Е. Латыш-Бирюковой были присуждены президентская стипендия (1996 г.) и стипендия Министерства культуры России (1999 г.).

При содействии Е. Латыш-Бирюковой было открыто Представительство Союза композиторов России в Кемеровской области. В 1998–1999 гг. Елена являлась секретарём Представительства.

С 1999 г. Е. Латыш-Бирюкова – музыковед Белгородской государственной филармонии. Деятельность Елены с мужем на Белгородчине внесла новую, свежую струю в её музыкальную жизнь. Она явилась одним из инициаторов создания Белгородского отделения Союза композиторов России, по решению секретариата СК России Белгородское отделение от-крыто в 2000 году. Сопредседателями его стали Е. Латыш-Бирюкова и Ю. Мишин. С 2014 года Е. Латыш-Бирюкова является председателем Белго-родского регионального отделения СК РФ. Как композитор и пианистка приняла участие во Втором фестивале современной музыки (2000 г., Белгород).

С 2004 по 2009 годы Елена Юрьевна становится художественным руководителем авторской студии «Звуки музыки» Белгородского государственного центра музыкального искусства. В этот период были поставлены четыре спектакля с её музыкой, получившие признание международного жюри на престижных фестивалях-конкурсах. В Минске на Международном фестивале-конкурсе «Окно в Европу» (2010) детскому музыкальному театру-студии «Звуки музыки» было присвоено звание абсолютного победителя (Гран-при и Кубок Европы) за исполнение мюзикла «На чудесном острове Буяне». Е. Латыш-Бирюкова награждалась дипломами «За лучшую авторскую работу».

Елена Юрьевна была избрана делегатом юбилейного съезда Союза композиторов России, посвященного 40-летию организации и проходившего в Москве в декабре 2000 г. Там прозвучало её произведение – Трио для скрипки, виолончели и фортепиано в исполнении замечательных белгородских музыкантов – трио «Лир» в составе Р. Юриной, И. Александровой, Л. Семеренко.

Е.Ю. Латыш-Бирюкова ведёт активную творческую, исполнительскую, педагогическую, музыкально-просветительскую деятельность. В качестве музыкального руководителя ею была осуществлена постановка музыкально-драматического представления по мотивам оперы «Белгородский полк», муз. Е. Латыш-Бирюковой и Н. Бирюкова, исполненное к 300-летию Полтавской битвы на VII Международном фестивале славянской культуры «Хотмыжская осень» артистами Белгородской филармонии, артистами Белгородского драматического театра им. М.С. Щепкина и Архиерейским хором православной духовной семинарии.

Музыкальные произведения Е. Латыш-Бирюковой и Н. Бирюкова исполняются в Харьковском русском драматическом театре им. А.С. Пушкина, в Белгороде в музыкальном театре-студии «Звуки музыки», филармонии, Овальном зале администрации Белгородской области, в Московском доме композиторов, в Подмосковье, в усадьбе Ясная Поляна, в Воронеже и др. Их исполнение приурочивается к важным общественным, политическим и духовным датам. Они звучат в исполнении артистов Белгородской государственной филармонии, коллективов г. Белгорода.

Вместе с Н. Бирюковым провела авторские концерты с участием ведущих коллективов и исполнителей в Харькове, Херсоне, Луганске, Кемерово, Юрге, Белгороде.

Е. Латыш-Бирюкова – постоянный член жюри областных, региональных, всероссийских и международных конкурсов детского и юношеского творчества. Она является директором симфонического оркестра Белгородской государственной филармонии, членом комиссии по культуре и образованию Общественной палаты Белгородской области.

Награждена Памятным знаком Общественного совета ЦФО «Актив – 2010» за организацию благотворительных концертов для ветеранов Великой Отечественной войны, Почётной грамотой Министерства культуры РФ (2011), Медалью Русской Православной Церкви сятителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца III степени (2011).

РАИСА ФИРСОВА

Председатель ООГО «Российский фонд культуры», заслуженный работник культуры России, член Союза театральных деятелей России, член правления БРО МОФ «Российский фонд мира».

КУЛЬТУРА – ОСОБАЯ СРЕДА

Однажды у меня брали интервью для газеты «Смена» и спросили о том, что значит для меня культура. Я ответила, что «культура – это не просто книги и музеи, театры и архитектурные памятники. Культура – это особая среда. В ней мы все живём, далеко не всегда замечая её существование. Именно в этой среде формируется любой человек и, прежде всего, подрастающее поколение».

Судьба надолго и неразрывно связала меня с первой негосударственной благотворительной общественной организацией Советского, затем Российского фонда культуры. Многие годы среда, созданная в фонде культуры, объединяла творческих людей, представителей разных видов искусства: художников, музыкантов, фотографов, артистов, журналистов, одарённых детей и юношество.

История фонда начинается в 80-х годах прошлого века. Советский фонд культуры был учреждён 12 ноября 1986 года как общественное объединение «Советский фонд культуры» при поддержке более 50 общесоюзных и республиканских творческих союзов, общественных организаций и учреждений культуры некогда единого экономического и культурного пространства под патронатом Президента СССР. Его первым и бессменным руководителем на долгие годы стал учёный, литератор, общественный деятель, человек с необычной судьбой – Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Становление и развитие фонда проходило под девизом «Сохранять, осваивать и приумножать культурные ценности».

Учредительная конференция Белгородского областного отделения Всероссийского фонда культуры состоялась 27 октября 1987 года. Первыми руководителями фонда стали заслуженный художник РСФСР Александр Павлович Мамонтов и заслуженный работник культуры РФ Валерия Николаевна Колесник.

В становлении и развитии фонда культуры приняли активное участие деятели культуры и искусства, интеллигенции и духовенства Белгород-

ской области: А.П. Мамонтов, В.Н. Колесник, Г.И. Гритчин, С. С. Косенков, О.Н. Кобец, В. А. Собровин, В.М. Шаповалов, Б.И. Осыков, А.Н. Крупенков, Я.И. Косьминов, А.Н. Кряженков, Ю.С. Горяйнов, В.Е. Молчанов, Е.Н. Савотченко, В.П. Легеза, В.В. Аксёнов, В. В. Козьмин, В.А. Абрамова, Ю.П. Агафонов, А.А. Шишков, С.А. Таплинская, М.Е. Парахненко, Л.В. Кондратьева, В.Н. Черкесов, Ю.С. Азарова и др.

Фонд культуры стал инициатором многих культурных начинаний в Белгородской области. Был организован и проведён первый в Белгороде аукцион картин белгородских художников, первый концерт духовной музыки, первый благотворительный вечер, определил первых стипендиатов и выплачивал стипендии молодым талантам, создал Клуб коллекционеров, возродил Пушкинское общество, учредительная конференция которого прошла 10 февраля 1989 года. Председателем и идейным вдохновителем Пушкинского общества стал заслуженный художник РСФСР Станислав Степанович Косенков. Позже по инициативе Пушкинского общества и Фонда культуры в Белгороде будет создана Пушкинская библиотека-музей, которая сегодня является одним из важнейших культурно-воспитательных центров. И это только один яркий и выразительный пример того, в какие добрые и долгие дела могут воплощаться инициативы общественных организаций. А в ноябре 1990 года при поддержке управления культуры области Фонд открыл первый художественный салон-магазин с целью популяризации изобразительного искусства, народных промыслов и ремёсел.

Время шло. На рубеже 90-х годов многое изменилось. Мощная держава распалась на отдельные независимые государства. Фонд претерпел значительные организационные изменения, однако сущность его культурной и просветительской деятельности не изменилась. В 1993 году Советский Фонд культуры возглавил кинорежиссёр и общественный деятель Никита Сергеевич Михалков. В кратчайшие сроки был завершён процесс реформирования Фонда в новых исторических реалиях. В 1996 году фонд культуры был реорганизован в некоммерческую организацию.

Некоммерческая организация «Российский Фонд культуры» явилась одним из наиболее значимых институтов гражданского общества в сфере сохранения и развития отечественной культуры. Фонд осуществлял организационную и финансовую поддержку общественным инициативам граждан и организаций в области культуры и искусства.

С июня 1992 года руководителем фонда культуры в Белгороде стала я.

В сложных социально-экономических условиях того времени удалось сохранить отделение фонда, развить его традиции и творческие начинания. 25 ноября 1999 года приказом Президента некоммерческой организации «Российский фонд культуры» я была назначена директором Белгородского филиала Российского фонда культуры.

За период с 1992 по 2019 годы Фонд осуществлял просветительскую, благотворительную, выставочную, издательскую работу, которая отражалась в акциях и программах : «Пушкин в сердцах поколений», «Возвращение забытых имён», «Юные дарования Белогорья – новые имена», «Стипендиаты Российского Фонда культуры», «Дебют», «Вдохновение (выставки, вернисажи)», «Наследие Белогорья», «Дары и дарители». Фонд культуры явился соучредителем негосударственного религиозно-общественного образовательного учреждения – Православной гимназии во имя святых Мефодия и Кирилла. По инициативе фонда культуры была

издана серия буклетов «…Есть память обо мне», освещающих историю создания, раскрывающих фонды и коллекции Пушкинской библиотеки-музея. В 2007 году при финансовой поддержке Российского фонда культуры был реализован проект «Пушкинская программа в культурной жизни края». Основным итогом проекта стало издание сборника «Пушкин в сердцах поколений» (к 20-летию Пушкинской программы) и передача его в библиотеки и музеи области на благотворительной основе. В рамках краеведческой программы были подготовлены и изданы сборники «Виктор Легеза. Памяти художника», «Выпускники Абрамцевского художественно-промышленного училища на Белгородчине», буклет и проспект, посвящённые творчеству народного мастера Белгородской области Юрия Петровича Агафонова.

На основе архивных разысканий были собраны материалы по краеведению: «История Борисовского гончарного промысла», «Выдающийся театральный режиссёр Б.И. Равенских – наш земляк», «Летопись театральной жизни Белгородчины», «Заслуженный художник РСФСР С.С. Косенков». В 2016–2018 годах была проделана большая работа по изучению и сохранению архива фотохудожника, почётного гражданина города Белгорода В.А. Собровина.

Фонд давал возможность общаться людям разных возрастов, создавать новые проекты, воплощать интересные идеи. Поддерживая творческую деятельность художников, мастеров декоративно-прикладного искусства, фотографов, коллекционеров, Фонд культуры организовал и провёл более 200 выставок. Свои персональные выставки здесь экспонировали молодые, начинающие художники, для которых иногда это было первое публичное выступление. И такая поддержка была неоценима. Любили камерный уютный зал Фонда и опытные мастера, члены Союза художников России, художники из Москвы и других регионов России. Здесь нередко выставлялись уникальные частные коллекции. Среди них выделялись три замечательные выставки русского лубка XIX века, выставка старинных фотографий с видами дореволюционного Белгорода, старинных почтовых открыток, выставка, посвящённая истории советского кино. В книге «50 лет Белгородской области: путь созидания» была дана оценка проводимой работы: «С созданием в 1987 году фонда культуры в области появился ещё один канал приобщения населения к изобразительному искусству. С 1992 года его бессменным руководителем является Фирсова Р.С. Она стала инициатором многих культурных акций, сделавших видимым творчество не только уже известных имён, но и молодых художников».

Белгородский филиал Российского Фонда культуры располагал и собственной коллекцией, которую составили книги с автографами авторов, произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства. В 2018–2019 годах практически все экспонаты коллекции были переданы в библиотеки и музеи области.

Следует отметить плодотворное сотрудничество с белгородскими региональными отделениями Российского фонда мира, Российского фонда милосердия и здоровья, Фонда помощи детям, больным гемофилией. В фонде организовывались и проводились совместные конкурсы и выставки детско-юношеского творчества.

Отдельно можно выделить работу фонда по поддержке талантливой молодёжи: юных художников, музыкантов, поэтов. Здесь состоялись

самые первые выставки Марины Васильевой, Марии Работновой, Андрея Смородинова, Максима Васильева. Здесь демонстрировали своё возросшее мастерство стипендиаты фонда «Новые имена» и стипендиаты Российского фонда культуры: пианисты Валентина Дуплякина, Екатерина Олейникова и Дмитрий Евсюков, скрипачи Евгений Мозолев и Даша Погосян, участник студии «Звуки музыки» Саша Легеза, исполнительница народных песен из Грайворона Елизавета Лубяная, флейтист Владимир Шувалов, юные поэты Андрей Белогорцев, Анастасия Кинаш, Екатерина Березовская, Анастасия Воронина и Светлана Кравченко.

Сотрудничество фонда культуры с Межрегиональным благотворительным общественным фондом «Новые имена» дало возможность юным дарованиям нашего города и области побывать в Москве, Владимире, Суздале, принять участие в работе творческих школ, получить мастер-классы у известных художников, музыкантов, поэтов. Белгородский филиал Российского фонда культуры имел 15 стипендиатов Российского фонда культуры. В мае 2010 года при поддержке и участии фонда культуры белгородские дети успешно выступили в концерте для ветеранов войны в Москве, в «Музее Великой Отечественной войны на Поклонной Горе». Ежегодно фонд культуры принимал участие в работе Международного детского фестиваля-конкурса славянской музыки «Гармония». Как результат проводимой работы следует отметить, что многие наши ребята стали профессиональными художниками и музыкантами.

Время показало, что Белгородский филиал Российского фонда культуры был одним из самых посещаемых, интересных и любимых очагов культуры, что неоднократно отмечалось в местной периодической печати, книгах отзывов посетителей. К нам приходили самые разные категории людей. Для старшего поколения это, конечно, была эмоциональная подпитка. Для интеллигенции – эмоционально-духовное общение, творческое вдохновение. Для молодёжи, выбравшей творческие специальности, – это ещё и школа профессии, и пример для подражания и самовыражения.

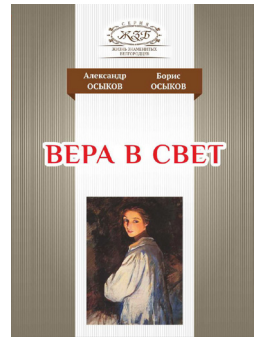
XXI век принёс новые испытания для нашего Фонда культуры. В 2016–2017 годах в Российском фонде культуры проходила новая реорганизация. В результате этого головная организация перестала финансировать филиалы, не выделялись средства на содержание помещения фонда культуры. И 6 февраля 2019 года мы были вынуждены его освободить. Российский фонд культуры был переформатирован. Он стал общероссийской общественно-государственной организацией «Российский фонд культуры», учредителями которой стали, собственно, сам Фонд и Министерство культуры Российской Федерации.

Но это уже другая история…

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗНАМЕНИТЫХ БЕЛГОРОДЦЕВ

В 2019 году братьями Александром и Борисом ОСЫКОВЫМИ основана оригинальная книжная серия «Жизнь знаменитых белгородцев» (ЖЗБ). Первый её выпуск «Великие первопроходцы» – о выдающихся учёных, изобретателях, инженерах, истинных патриотах родного Отечества, ставших настоящими первопроходцами в самых разных областях науки и техники: Владимире Шухове, Лавре Проскурякове, Владимире и Михаиле Костенко, Анатолии Болдыреве, Александре Москалёве, Алексее Погорелове, Даниле Бокареве. Второй – «Вера в свет» – о наших земляках, выдающихся художниках, музыкантах, актёрах, чьё творчество озарено светом истинной веры, светом любви и надежды: Степане Дегтярёве, Михаиле Щепкине, Гаврииле Ломакине, Зинаиде Серебряковой, Михаиле Эрденко, Владимире Басове, Ирине Архиповой, Станиславе Косенкове. Третий – о Василии Ерошенко, одном из самых удивительных людей XX столетия. О человеке, который ослеп в раннем детстве, но при этом смог объездить полмира, овладеть множеством языков, стать классиком японской литературы. Четвёртая книга серии ЖЗБ братьев Осыковых – «Гроссмейстер контрудара» – посвящена 75-летию Великой Победы и рассказывает о наших земляках, избравших путь ратного служения родному Отечеству, настоящих героях, побеждавших врага в жестоких войнах и яростных сражениях, которые России постоянно приходилось вести на протяжении всей своей многовековой истории.



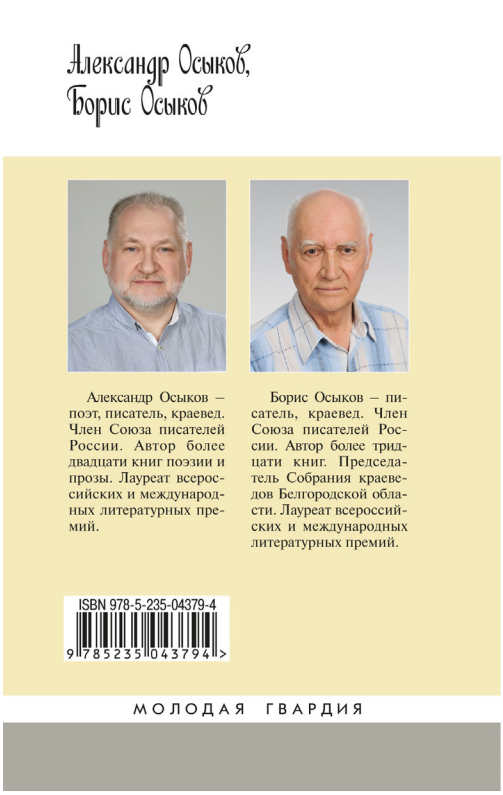
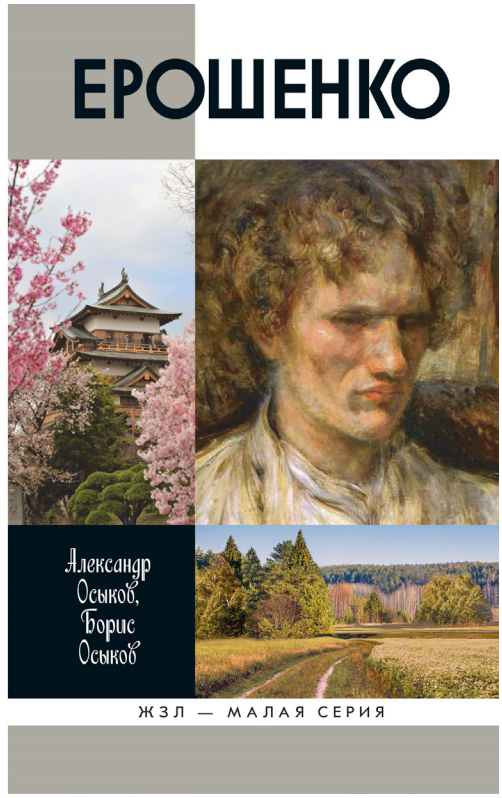
СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Издательство
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Готовится к печати:

КНИГА

Александра и Бориса
ОСЫКОВЫХ

«ЕРОШЕНКО. Жил, путешествовал, писал»